****

ГЛАВА 1. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

****

Ума не приложу, откуда у Молчуна такая уверенность, что это Вэньцзинь. Я видел лицо человека, но не мог с уверенностью сказать, что это женщина, заметил лишь, что лицо было очень грязным. Но не об этом сейчас надо было думать: я позвал Паньцзы на помощь! Мы последовали за Молчуном, бросившись в воду.

В двух шагах от края воды на дне был густой ил, сплошь заросший водорослями. Я не успел надеть обувь, и сразу почувствовал, как вязкий ил обволакивает ступни, а колкие водоросли царапают голени. Казалось, под водой мои ноги оплетают бесчисленные волосы, от чего мои собственные на затылке встали дыбом. Однако, через несколько шагов дно резко пошло вниз, а на глубине можно было уже плыть, не утопая в болотной грязи.

Молчун быстрее всех добрался до того места, где стоял человек, и встал во весь рост. Казалось, там неглубоко. Вскоре рядом оказался Паньцзы, затем Толстяк и я. Мои ноги снова коснулись дня, но там уже не было так много водорослей. Не могу точно сказать, но вроде бы из ила выступали какие-то огромные камни.

Загадочный человек был теперь всего в семи метрах от нас. Я смотрел на него и чувствовал, как бешено колотится мое сердце, а от волнения мутится разум.

Вэньцзинь — ключевая фигура для меня в последнее время. Но до сих пор я воспринимал ее, как персонаж из легенд, видел только на фотографиях. Теперь, когда она вот-вот предстанет передо мной, не уверен, что смогу узнать. Толстяк, держа перед собой фонарь, был ближе к ней, чем я. Но луч света дергался, периодически ослепляя меня, и я все никак не мог разглядеть человека, стоявшего неподалеку.

Молчун бросился вперед. Кажется, он был весь в нетерпении, это совсем не в его стиле. Я видел, что он почти дотронулся до незнакомца, но в ту же секунду человек развернулся и нырнул в темную болотную воду.

Мы разочарованно закричали, Молчун, не говоря ни слова, поплыл следом. Но загадочный незнакомец двигался очень быстро: всего пара взмахов руками — и он исчез в темноте. Даже для Молчуна его движения оказались слишком быстрыми.

Передвигаться в болоте быстро очень сложно. Кажется, что до нужного места рукой подать, но

из сил выбиваешься, а все никак добраться не можешь.

Однако, я видел, как быстро двигается в воде Молчун, и, когда он исчез в темноте, преследуя незнакомца, я решил отправиться за ним. Запомнив, где еще недавно дрожала на воде рябь, я прыгнул туда, стараясь быстро грести, но сразу чуть не пошел ко дну.

А ведь казалось, что плыть так легко! К счастью, меня поймал за шиворот Паньцзы. Дно было неровным, я несколько раз падал. Как следует нахлебавшись болотной воды, наконец, я с помощью Паньцзы выбрался на берег, и он сказал: "Не пытайся их догнать, это нам не по силам."

Откашлявшись, я немного пришел в себя. Сейчас мне оставалось только стоять и смотреть в темноту черного, как смоль, болота. Мы отставали всего на полшага, но, даже оказавшись так близко, все равно ничего не успели разглядеть. Более того, я не вижу ни одного способа продолжить преследование. Иногда так бывает, что одна секунда решает все, в нашем случае это было равносильно полному поражению. Остается надеяться лишь на Молчуна — возможно, ему удастся догнать беглеца.

Мы были измучены, тяжело дышали и в растерянности смотрели друг на друга. Толстяк с надеждой спросил: "Что ж я маленьким не сдох! Почему она сбежала? Она не узнала нас? Или мы ее чем-то напугали?"

Я вспомнил измазанное грязью лицо и подумал, что неизвестно, кто кого тут напугать мог. Паньцзы мыслил более конкретно: "Это действительно была Вэньцзинь?"

А вот этого я так и не успел понять и, покачав головой, ответил, что не знаю. Понятия не имею, почему Молчун был так уверен, что это Вэньцзинь. Он видел человека в болоте не больше секунды. Другое дело, что тут вообще народу не бывает. И если уж увидели кого-то, в первую очередь в голову придет именно она. Но если это действительно была Вэньцзинь, почему она сбежала? Разве не она завела нас сюда?

"И что нам теперь делать? — Толстяк был в замешательстве. — Младший брат даже фонарь не взял. В джунглях не видать ни зги. Все ли будет с ним хорошо, если он вот так продолжит погоню? И что нам делать, пока его нет? Может, вернуться, захватить нужное снаряжение и отправиться следом за ним? Вдруг наша помощь понадобится?"

Я-то знал, что, когда дело касается Молчуна, ничего наверняка сказать нельзя. Паньцзы озвучил мои мысли: "Ничего с ним не случится. Младший брат — это не мы. Всегда знает, когда надо бежать, а когда остановиться. Мы только мешаться под ногами будем. Если пойдем следом, возможно, ему не погоней придется заниматься, а нас спасать."

Я припомнил выражение лица, с которым Молчун бросился к человеку в болоте. Это было совсем на него не похоже. Кажется, с тех пор, как мы попали в этот тропический лес, Молчун неузнаваемо изменился, но я не могу понять, как именно. Чем отличается нынешний Молчун от прежнего?

Какое-то время мы стояли неподвижно, ожидая, что Молчун вернется или знак какой подаст. Но его не было. Да еще вода холодная до озноба. Это ж надо — мы только что смогли наконец высохнуть после проливного дождя, и вот опять мокрые до нитки. Видимо, судьба у нас такая, не выйти нам сухими из воды, вообще из воды не выбраться.

"Пошли на берег, — предложил Толстяк. — Там будет безопаснее, раз тут из болота змеи выползают. Правда, я не слышал, чтобы змеи нападали в воде, они не крокодилы. Но эти королевские уж слишком странные, мало ли, что у них в хохлатых головах творится. В общем, здесь оставаться опасно."

Если бы он не сказал, я бы и не вспомнил о том, что змеи скрылись именно в воде. А мы тут по пояс, и что внизу — не видать. Чем только думали?!

Выбравшись на берег, Толстяк отряхнулся, вытирая с груди грязь, и только сейчас заметил следы змей вокруг одного из наших рюкзаков. Я сел у костра и попытался собраться с мыслями. Пока что я был в полном замешательстве. С одной стороны меня беспокоил Молчун, который, не раздумывая, бросился в болото, даже снаряжение не захватив. Сможет ли он вернуться? С другой стороны, странное поведение змей, которое не просто тревожило меня. Я не знал, что подумать.

Смерть А Нин шокировала меня, но, оказывается, это было только начало. Теперь еще эти змеи, целенаправленно разгуливающие по нашему лагерю в темноте. Что им было надо? А еще странный человек в болоте… хорошо, хоть не разгуливал среди нас спящих, а просто в воде стоял. Большинство людей испытывают тревожные чувства просто от того, что подошли к болоту. А тут столько всего на мою голову свалилось. Теперь мне кажется… нет, я убежден, что худшее еще впереди.

И в такой момент свалил в темноту этот ненормальный! Нет, я не думаю плохо о Молчуне. Но, не знаю, почему, мне спокойнее, когда он неподалеку. А сейчас, когда он снова пропал, у меня больше нет, как раньше, чувства стабильности и уверенности.

Сейчас, вспоминая тот момент, когда было принято решение идти в Тамуто, я очень сожалел об этом.

Подошедший Паньцзы напомнил, что на мне до сих пор вымокшая одежда. Я снял ее и повесил сушиться. Затем прибавил огня: хоть какой-то ориентир для пропавшего Молчуна. Следя за моими действиями, Толстяк пробурчал: "Этот маленький огонек посреди огромного болота, как свет одинокой заблудшей души. Не боишься привлечь сюда другие такие же заблудшие души?" Услышав суеверные опасения Толстяка, Паньцзы грубо выругался.

Но слова Толстяка имели смысл: огонь походной печи издалека наверно, смотрелся зловеще. Мне стало не по себе, и я включил шахтерский фонарь, которые поставил на самый высокий камень, чтобы было видно издалека. Взяв другой фонарь, я пошел к телу А Нин, чтобы поставить свет рядом с ней. И с первого взгляда понял, что у нас снова проблемы. Глядя туда, где совсем недавно лежала А Нин, я почувствовал, как у меня земля уходит из-под ног.

Спальный мешок был пуст, тела А Нин в нем не было.

****

ГЛАВА 2. ИСЧЕЗНУВШИЕ

****

При виде пустого спального мешка мое сердце оборвалось. Машинально я огляделся, но вокруг было пусто, и я запаниковал. Что происходит? Возможно ли, что А Нин все это время притворялась мертвой? Я позвал Паньцзы и Толстяка.

Эти двое рассуждали, как обычные люди, и их первым вопросом было: "Какой сукин сын это сделал?" Вопрос, понятное дело, риторический. Мы беспомощно осмотрели все вокруг, и сделали это не один раз. Ничего дельного в голову не приходило, мы были в недоумении.

Однако вокруг было тихо и пустынно: ни движения, ни звука, ни зверей, ни людей. Еще чуть-чуть, и я потеряю самообладание, подавшись панике. В этом древнем городе Сиванму не должно быть других людей, а рядом с опустевшим спальным мешком не было следов зверей. Как вообще можно перенести труп, не оставляя следов… если только это на самом деле труп.

Я вспомнил кошмар, что приснился мне ночью на дереве, и в горле пересохло от ужаса. Неужели этот сон был вещим?

В отличие от меня Толстяк и Паньцзы планомерно осматривались и обыскивали каждый уголок нашего лагеря. Кажется, они даже не беспокоились, просто присели и стали осматривать спальный мешок изнутри.

Но, как только Паньцзы расстегнул мешок до конца, он тяжело вздохнул с возгласом страха.

Внутри все было испачкано извилистыми следами, словно там ночевали несколько змей, а под самим мешком обнаружились уже знакомые комья грязи, оставленные этими тварями ползучими. Судя по количеству следов, их тут было очень много. Я прикоснулся к грязи: липкая и влажная, явно оставлена совсем недавно.

Толстяк переменился в лице и удивленно воскликнул: "Мама, роди меня обратно! Неужели здешние змеи умеют переносить трупы на большие расстояния?"

Паньцзы никак не мог поверить в такое: "Да быть не может, чтобы змеи, даже несколько, могли унести тело человека. Разве такая тяжесть им под силу?" Но осмотрев следы, заметил, что, вероятнее всего, Толстяк прав.

У меня мурашки бегали по спине и пропал дар речи. Если это правда, то мы в полной заднице. Я и раньше серьезно опасался встреч с фазаньей шеей не только из-за ее яда. Во всех легендах, где упоминается этот вид змей, говорится об их странном и непредсказуемом поведении. Вроде их то ли создали, то ли вырастили боги, наделив сверхъестественными способностями. Но то легенды. А сейчас я оказался перед фактом, что ради мести фазаньи шеи похитили тело А Нин. Это просто невероятно!

"Одна не может, — ответил Толстяк на вопрос Паньцзы. — Но разве не видишь, сколько их тут ползало. В таком количестве они и слона унести смогут." Он развернул спальный мешок, показывая, что со стороны болота грязи и следов намного больше. Я и не заметил этого сразу, так как с этой стороны мешок был освещен хуже.

"Но зачем змеям труп?" — Паньцзы никак не мог поверить в происходящее и вопросительно смотрел на Толстяка. А действительно, зачем? Змеи — не трупоеды, чтобы использовать мертвечину в качестве еды. Да и как они, такие маленькие, сожрут такой большой труп, у них же нет когтей, как у гиен и шакалов, и клювов, как у стервятников. И они не муравьи, чтобы таскать всякую падаль для своих личинок. Однако, столько стараний: открыть мешок, утащить тело. Зачем?

"Я тебе энциклопедия, что ли? Спроси у змеи, зачем ей труп понадобился! — разозлился Толстяк, затем задумался. — Змеи очень практичные и не будут делать что-то просто так, развлечения ради. Должна быть причина. Важная причина… Эта женщина даже умереть спокойно не может. Впрочем, что поделать, если у нее такой характер."

Слова Толстяка окончательно испортили мне настроение. Да, змей много, но у них нет ни рук, ни ног, только хвост и маленькая голова. Это сбивало с толку. И мне было очень плохо, я терял самообладание, думая, что какие-то змеи могут обвести нас вокруг своего хвоста. Они

издеваются над нами? Дрожа от возмущения, я схватил шахтерский фонарь и заявил: "Каждый раз мы отлучаемся всего на несколько минут. За такое время они не могли утащить тело далеко. Давайте поищем поблизости."

Но я даже встать не успел, меня остановил Паньцзы: "Найдешь труп с сотней змей — и сам станешь трупом."

"Однако, нельзя допустить, чтобы ее тело утащили в змеиное гнездо!"

Толстяк отобрал у меня фонарь, а Паньцзы похлопал успокаивающе по плечу:" Младший третий господин, ты должен понять одну вещь. Люди остаются людьми, пока они живы. А когда умирают — это уже не люди, а лишь гниющая плоть. Мы не можем таскать ее тело с собой. И не забудь, она сама выбрала такой путь. И будь на ее месте ты, она бы твой труп оставила бы там, где ты умер."

"Все верно, — поддержал Толстяк. — Если умер, то умер, и тебе все пофиг. Однако, если я на днях помру, будь добр, сожги меня. Не хочу, чтобы эти ползучие твари забавлялись, таская меня по болоту. И вообще, еще не известно, что они потом с трупами делают."

Высказывание Толстяка меня обескуражило. Я остался сидеть, почесывая затылок в недоумении, и чувствовал себя очень неуверенно.

А Толстяк продолжал, осматривая следы: "Змеи здесь какие-то злые. Для начала: сколько их тут всего, если они смогли переместить тело? Сотня? Скорее всего в лесу еще больше. Думаю, оставаться здесь небезопасно. Если они всей компанией вернутся, нам втроем не отбиться, за пару минут умрем и составим компанию А Нин. И эта вредная баба снова будет надо мной смеяться!"

Но мне казалось, что нам змеи не так опасны. Мы же спокойно спали всю ночь, и ни одна из них не укусила, и даже не приблизилась ни к кому, кроме Толстяка. Паньцзы тоже подтвердил: "Во Вьетнаме было много змей. Меня даже пару раз кусали. Я неплохо понимаю особенности их поведения. И думаю, что змеи специально на людей не нападают. Может быть, А Нин просто потревожила змею, когда купалась в водопаде?"

Я понимал, что его слова — всего лишь утешение. Глядя на лицо Паньцзы, я видел, что он сам не верит в это. И вообще, ему легко говорить, для меня и обычная змея кажется зловещей, что говорить о местных тварях.

Я вернул шахтерский фонарь на место и посмотрел на пустой спальный мешок. Мне было

очень грустно. В это время Толстяк установил остальные фонари так, чтобы берег и вода были хорошо освещены, сказав, что мы должны быть начеку.

Глядя, как он суетится, я вспомнил о Молчуне, и забеспокоился. Когда он исчезал в древней гробнице, волноваться не было причин, там он в своей стихии. Но здесь — другое дело. Достаточно одного укуса, и каким бы умелым ты ни был, все равно умрешь.

Мы понимали все сложность ситуации, но не знали, что делать. Оставалось лишь терпеливо ждать возвращения Молчуна. И ни в коем случае этой ночью нельзя спать. Мы сели спина к спине, чтобы видеть обстановку вокруг.

На самом деле, на сон уже времени не было, в небе забрезжил рассвет. С появлением солнечных лучей наше угнетенное состояние уменьшилось, мы расслабились. Но Молчун так и не вернулся.

При дневном свете болото выглядело не так устрашающе, как ночью. Дождь прекратился, вокруг стояла оглушающая тишина, прерываемая лишь звуком текущей из джунглей воды. Эта тишина была странной для тропического леса. Да еще тень в глубине леса: казалось, там никогда не бывало солнечного света, это вечное царство полумрака.

От Молчуна не было никаких вестей, и я снова забеспокоился. Раньше я этого не понимал, но после смерти А Нин осознал, что близкие мне люди могут умереть в любой момент, все без исключения, вне зависимости от их способностей и сил. Мое беспокойство было субъективным и не совсем обоснованным, но я ничего с собой поделать не мог.

Паньцзы и Толстяк тоже переживали, но им было легче. Толстяк даже шутил по-черному: когда он сказал, что может погибнуть, я дар речи потерял, а ему хоть бы хны.

Мы наскоро перекусили, Паньцзы набрал воды в ручье, текущем из каньона. Затем собрал немного веток высушил их и сжег на костре, чтобы запастись древесным углем.

Я спросил его, что он хочет сделать. Он ответил, что хочет подать дымовой сигнал. Мы уже прошли через каньон, и относительно представляем, как тут обстоят дела. Если с третьим дядей и его людьми ничего не произошло, они должны были добраться до каньона, но есть вероятность, что река, указавшая нам путь, уже пропала. Это здесь шел дождь, а в Гоби, скорее всего, яркое солнце и сушь. Если подадим сигнал, третий дядя сможет сориентироваться и найти каньон по указанному дымом направлению. Кроме того, не мешает сообщить, что у нас не все так гладко, чтобы они были осторожными.

Закончив объяснять, Паньцзы достал из рюкзака дымовую шашку и бросил в кучу угля. Вскоре поднялся густой дым. Паньцзы пояснил, что эти шашки достались ему от сослуживца, который все еще служил на флоте десантником. Эти шашки использовались для передачи информации на расстоянии, например, для вызова помощи при кораблекрушении. Одна такая шашка может дымиться три-четыре часа.

"А можно сообщить третьему дяде про ядовитых змей?" — спросил я.

Паньцзы покачал головой: каждый цвет дымового сигнала имеет собственное значение, но все они очень простые. Сейчас мы сигналим желтым дымом, что обозначает, что дорога впереди может быть опасной. Для более точного общения мы должны дождаться ответа третьего дяди. Сейчас надо следить за скалами каньона. Скорее всего группа третьего дяди находится наверху, и дымовой ответ появится там.

Это очень эффективный метод связи на расстоянии. Я смотрел, как желтый дым поднимается в воздух, и вдруг почувствовал себя в безопасности. Если третий дядя найдет нас, все будет гораздо проще. Он все же более опытный, чем мы все. По крайней мере, я надеюсь, что смогу как следует выспаться.

Паньцзы добавлял новую дымовую шашку каждые два часа. После того, как погасла первая, мы так и не увидели ответного сигнала. Молчун тоже до сих пор не вернулся. Но мы уже смирились с этим. Прождав до полудня, я заметил, что вторая шашка сгорела почти до половины, и в этот момент Толстяк закричал: "Есть! Есть ответ!"

Я недоверчиво посмотрел в небо, даже привстал, но ничего не увидел. Паньцзы тоже был в растерянности, пока Толстяк рукой не показал: "Вон там!"

Повернувшись в другую сторону от каньона, я наконец, увидел дым красного цвета, который медленно поднимался в небо. Видимо, я все еще не отошел от пережитого за последнее время, и мне этот сигнал напомнил фазанью шею, выползающую из-под полога тропического леса.

Однако, это был ответ, я уже был готов рассмеяться, но моя улыбка застыла на лице, когда я понял, что с сигналом не все ладно.

Дым поднимался не за пределами каньона, а из центра долины. То есть, из самой глубины болота.

****

ГЛАВА 3. СИГНАЛЬНЫЙ ДЫМ

****

Третий дядя с его людьми по договоренности следовали за командой А Нин на расстоянии одного дня пути. И, согласно этой же договоренности, они не должны были без веских причин приближаться. Кроме этого, решено было, что, даже если третий дядя самостоятельно найдет проход в оазис, то не будет туда спускаться, не дождавшись сообщения от Толстяка и Паньцзы.

Потому-то мы были в шоке, увидев, что сигнальный дым от третьего дяди поднимается с противоположной от каньона стороны. Это значит, они опередили нас и находятся сейчас в самом центре болота.

Паньцзы не мог поверить своим глазам: "Что за хрень? Почему они в болоте?"

Я подумал, что это может быть совпадением, и дым вовсе не сигнальный, взял бинокль. Определенно, это был дым не от пожара или других естественных причин. Он был слишком ярким, красным.

"Уважаемый Пань, похоже, твой третий господин передвигается шустрее, чем ты," — пробормотал Толстяк.

"Невозможно! Разве что третий господин и его люди попали сюда через другой каньон с противоположной стороны. Но у нас не было плана обходить оазис вокруг и искать другие проходы. И третий дядя четко приказал дать ему сигнал, потому что он без этого не спустится в оазис. Они слишком поторопились, что за шлея под хвост им попала?.."— Паньцзы никак не мог взять в толк, что происходит.

"А может, этот сигнал дал не третий дядя, а младший брат?" — предположил Толстяк.

"Но он ночью ушел с пустыми руками, — возразил Паньцзы. — Да и дымовые шашки нес я, они все на месте."

"Тогда странно, — пробурчал Толстяк. — Может, договариваясь, вы друг друга не так поняли?"

"А что означает красный дым? — я вдруг вспомнил, что цвет сигнала имеет определенное значение.

Паньцзы отобрал у меня бинокль и, вглядываясь в столб дыма, поднимающийся из болота, переменившись в лице, ответил: "Это уже серьезно."

"Что-то случилось?" — мне не нравилось выражение лица Паньцзы, и я потребовал разъяснений.

Цвет сигнального дыма довольно просто расшифровывается. Желтый обозначает возможную опасность впереди и совет действовать осторожно. Оранжевый — требование остановиться и ожидать подтверждения безопасности пути. Красный — сигнал бедствия или предупреждение не приближаться. Само собой, используется красная дымовая шашка крайне редко.

Но Паньцзы не был уверен, потому что команда третьего дяди не имела дел с военными и они не знали таких тонкостей. Условные значения дымовых сигналов они обсуждали второпях, запросто могли что-то напутать или неправильно понять.

Но в любом случае само направление ответного сигнала тревожило. Я спросил Паньцзы, нельзя ли зажечь еще один сигнал и уточнить, что у них случилось.

Паньцзы покачал головой. Ответил он не сразу, очевидно, все же был встревожен: "Оставайся здесь, молодой третий господин. А я должен пойти в направлении сигнала и посмотреть, что там случилось. Третий господин не будет просто так бить тревогу."

Я, конечно, волновался за третьего дядю, но и у нас ситуация была не из простых. Молчун все еще не вернулся. Если уйдет Паньцзы, нас останется только двое. Кроме того, ходить по болоту в одиночку опасно. Я предложил подождать, пока вернется Молчун.

Паньцзы снова покачал головой: "С третьим дядей пошли человек тридцать, довольно сильная команда, могучие, как боевые кони. Из-за обычных сложностей в пути красный сигнал они подавать не будут. Должно быть, у них произошло что-то серьезное. А этот ублюдок в черных очках слишком молод. За меня волноваться не стоит, я прошел вьетнамские джунгли вдоль и поперек, здесь все гораздо проще, не заблужусь. Вы же спокойно дождетесь младшего брата и с ним решите, что делать дальше." Сказав это, он начал собираться. Понимая, что не могу остановить его, я обернулся к Толстяку.

Но он тоже активно засобирался в дорогу. У меня в голове это не умещалось: неужели Толстяк так беспокоится о моем третьем дяде? Видя мое возмущение, Толстяк объяснил: "Не смотри на меня так хмуро. Я полностью согласен, что уважаемый Пань должен идти. И говорю тебе, нам надо последовать за ним. У нас недостаточно снаряжения и припасов, чтобы выбраться из Гоби. Мы должны быть вместе. Когда встретимся с третьим дядей, хотя бы сможем пополнить запасы питьевой воды. В противном случае выбравшись из каньона, мы просто умрем от жажды."

Он все правильно говорил, от того я был немного растерян. А Толстяк продолжал меня убеждать: "Уважаемый Пань может и один уйти. Но случись что с ним, нам двоим не выбраться, мы даже до каньона без него не доберемся. Лучше держаться втроем, так шансов на успех больше. Или же можем остаться тут и ждать, но это равносильно смерти."

"Но младший брат… как быть с ним? — спросил я. — Если мы уйдем, он не сможет нас найти, если вернется. Почему бы мне не подождать его одному?"

"Интересный способ умереть ты придумал. Ничего плохого не хочу сказать, но ты такой худой, что тебя даже одна змеюка задушить сможет. Да ладно змеи: ты в одиночестве тени от дерева испугаешься. Да и мне уважаемого Паня недостаточно для компании. Мы по дороге будем оставлять знаки для младшего брата, чтобы он знал, куда мы ушли. Мы даже можем потом подать ему дымовой сигнал, но… — Толстяк со вздохом посмотрел на джунгли, — что-то подсказывает мне, что младший брат не вернется."

Я не хотел думать о подобном, но уже было ясно, что Толстяк прав. Мне ничего не оставалось, как согласиться.

Когда мы вошли в каньон, нас было пятеро. Теперь осталось только трое: одна умерла, другой сбежал. Надо бы перераспределить припасы. Но Толстяк заявил, что долю Молчуна уносить с собой нельзя. Он предложил завернуть его долю в брезент, придавить камнем, а на внутренней стороне ткани отметить направление, в котором мы ушли. Кроме этого, он оставил рядом походную печь, включив ее на минимум. В таком режиме она могла гореть целых три дня. Если Молчун будет возвращаться ночью, то увидит хоть слабый, но свет.

После всех этих приготовлений наши рюкзаки стали намного легче. Паньцзы сказал, что сигнальный дым может быть заметен еще часа три, поэтому отдыхать нам по дороге нельзя. Идти налегке — отличная идея, так мы сможем преодолеть большое расстояние по болоту за один раз. В любом случае возвращаться мы будем тем же путем и, в случае чего, заберем оставленные вещи. А сейчас возьмем лишь самое необходимое.

Мы еще раз пересмотрели свое снаряжение и оставили тяжелые вещи: противогазы, лоянские лопаты. Затем Паньцзы забрал из моего рюкзака самое тяжелое себе, заявив, что он привычен к марш-броскам в полной выкладке. Больший вес для него не повлияет на скорость, а вот у меня нет такой подготовки, и с тяжелым рюкзаком буду только тормозить всех. Моя задача — просто добраться до места.

Он даже не понял, как обидел меня. Я хотел доказать ему, что за последние полгода у меня тоже появились мускулы кое-где. Но он даже шанса мне не дал, отобрав все тяжести. Спорить с ним явно было бесполезно. Очевидно, он до сих пор считал меня глупым и слабым.

Закончив сборы, мы собрались выступать, когда Толстяк остановил нас и снова указал с ту сторону, откуда поднимался дым.

****

ГЛАВА 4. ТИХАЯ ДОЛИНА

****

Мы посмотрели вверх и обнаружили, что сигнальный дым вдалеке становится все тоньше. Не знаю, случилось ли там что-то или просто не хватило дымовой шашки. Но для нас это проблема: мы не успеем добраться туда, пока дым еще виден.

В джунглях этот столб дыма для нас — единственный ориентир, без него даже не представляю, как мы будем искать дорогу. Мы спросили Паньцзы, как теперь поступить? Он взобрался на дерево, выбрал объектом для вычисления азимута положение сигнального дыма, а северным ориентиром странные камни на утесах, окружавших долину. Теперь, запомнив величину азимута, можно было идти по компасу, даже если дым погаснет. Однако, эти заросли джунглей сильно снижают видимость, и небольшая погрешность в десять метров может оказаться критичной, мы просто не заметим нужное место, даже если пройдем рядом. Поэтому надо подойти как можно ближе до того, как дым погаснет.

Откладывать больше нельзя. Мы наскоро проверили свою готовность, еще раз сориентировались по компасу и пошли в болото в направлении сигнального дыма.

Днем передвижение вброд по окраине болота оказалось не таким уж и трудным. Хоть там и было глубоко, но вода оказалась проточной дождевой, а потому прозрачной. Мы даже видели камни на дне, где можно было встать, а где плыть. За несколько минут мы далеко ушли от места нашей ночевки и добрались до настоящего болота.

Это относительно редкий вид тропических лесов, где заболоченные участки не слишком глубоки, поэтому корни деревьев выступают над водой, образуя подобие островов, под которыми скапливается толстый слой ила. Издалека даже кажется, что воды там вообще уже нет.(1)

Однако, попав в этот лес, мы обнаружили, что солнце нам больше не светит: его лучи не могут пробиться сквозь густую крону деревьев. А корни деревьев спутаны так, что неизвестно, как тут вообще можно передвигаться. У меня до этого была идея сделать каноэ, чтобы не брести то вплавь, то вброд. Но, глядя на обстановку в заросшем деревьями болоте, я понял, что с каноэ нам тут не проплыть. Тут можно только мелкими шажками через переплетения корней перелезать.

Робко заглядывая в глубину этого леса, мы повсюду видели эти ужасные толстые мокрые корни, которые оплетали спускавшиеся сверху лианы и сплошь покрывал густой зеленый мох. Воздух был сырой и затхлый, вокруг царил зеленоватый сумрак. Обстановка сама по себе не лучшая. Да еще мы несколько раз умудрились соскользнуть с корней вниз при попытке перебраться через них. Такое ощущение, что мы забрели в гигантскую заросшую деревьями пещеру.

Паньцзы шел впереди, срезая лианы, преграждавшие нам дорогу. Постепенно стало понятно, что это переплетение лиан и корней нам даже на руку. Приноровившись, можно было не перелезать через них, а идти по ним, выбирая самые толстые прочные и устойчивые.

Странно было одно: такой густой лес — и вокруг ни звука. Кроме собственных шагов, мы больше ничего не слышали. И эта тишина напрягала.

"Сиванму для своей столицы выбрала зловещее место, — заявил Толстяк, продолжая идти. — Тут вообще птицы-то есть?"

"Птицы? Кажется, здесь вообще ничего нет," — подумал я. Эта тишина была ненормальной. Создавалось впечатление, что мы тут единственные живые существа. Ну, кроме деревьев.

"Может быть, всех птиц съели змеи?" — предположил Паньцзы.

"И что теперь эти змеи едят?"

Вспомнив о змеях, мы занервничали. Но, что удивительно, змей тут тоже не было.

Намотав нервы на кулак, мы продолжили идти вперед и вскоре увидели среди деревьев древние архитектурные сооружения. Некоторые вросли в стволы деревьев, другие наполовину были погружены в воду. Возраст этих изваяний был столь велик, что сейчас они казались просто камнями различной формы, покрытыми мхом и опутанными лианами. Понять, что эти камни — творение рук человеческих, можно было лишь оказавшись рядом, издалека они полностью сливались с окружающим ландшафтом.

Должно быть, это верхняя часть городских зданий или стен, которые все еще выступают над поверхностью воды. Поскольку нижние уровни этих сооружений под водой не видно, я не мог представить себе эту архитектуру в целом. Но, кажется, они похожи на простые башни, которых очень много, и все разной высоты и размера. Мне это напомнило таллинское кладбище, где хоронили монахов(2).

До сих пор мне не попадались материальные свидетельства существования царства Сиванму, но сейчас я, наконец, увидел их и испытал облегчение. До этого меня преследовало опасение, что мы идем не в ту сторону. В конце концов, у входа в каньон не было никаких следов древнего города вроде указателя "До столицы западного царства Сиванму осталось 2 км, выключите свои мобильные телефоны". Было бы смешно зайти в самую глубь болот и обнаружить, что там ничего нет.

Задерживаться и внимательно осматривать эти сооружения у нас не было времени. Не сбавляя шаг, мы быстро добрались до них. Но, несмотря на то, что не собирались изучать странные камни, дорога была извилистой и запутанной, и многое удалось рассмотреть на ходу. Они точно были созданы не менее тысячи лет назад, однако неплохо сохранились. Но самое странное: все они были сплошь покрыты отверстиями с квадратным сечением, тщательно отшлифованными, вероятно, еще на стадии строительства.

Эти дыры не были большими, человек точно не пролезет. А вот змеи или мелкие животные — запросто.

Толстяк тоже заинтересовался странными дырявыми камнями и, проходя мимо, заглянул внутрь, посветив шахтерским фонарем, но ничего не увидел. Изнутри лишь эхом отдавался шум воды, вроде бы снизу. Наверно, эти отверстия куда-то ведут, но куда, я не мог представить.

Паньцзы вообще не обратил на это внимания, только напомнил, что надо поторапливаться. Толстяк понимал это и задерживаться с осмотром не стал.

Площадь этой долины, окруженной скалами Гоби, невелика. Чем дальше мы заходили, тем меньше было ила на дне, вода уже не была стоячей, и под ней можно было различить очертания древних строений и статуй. Странное, но захватывающее зрелище. Глубина воды в этом месте лишь иногда достигала трех метров, на скрывая разрушенных от времени стен и статуй, оплетенных вездесущими корнями и лианами, словно они сроднились за тысячу лет. От этого древнего свидетельства целой эпохи меня отделяла лишь поверхность воды, чтобы добраться и потрогать, достаточно просто нырнуть.

Только сейчас я осознал, что вхожу в древний город, судя по этим руинам, весьма процветающий в свое время, которое, однако, никого не щадит. Даже город богини теперь покрыт водой и слоем ила.

От волнения я перестал смотреть под ноги и чуть не упал. Надо быть осторожнее, здесь слишком много неустойчивых корней, на которых запросто поскользнуться и ноги переломать.

Обогнув ствол огромного дерева, Толстяк вдруг резко вскрикнул. Слева в десяти метрах от нас из густой листвы выглядывало странное лицо статуи размером с кабину грузовика. Огромные глаза, высокий нос точно такие же, как у статуй в гротах на выходе из каньона. Но эта статуя, покрытая пятнами зеленого мха и оплетенная лианами, была огромной.

Толстяк включил шахтерский фонарь: оказалось, что часть этой каменной скульптуры скрыта водой, над поверхностью которой осталась только голова. Из-за мха, покрывавшего ее, она сливалась с окружающей листвой. Сквозь воду была видна странная поза этой человекоподобной птицы, словно она, присев, собирается расправить крылья или, как кошка, готовится к прыжку. Основание статуи на самом дне было трудно рассмотреть, но я заметил там какую-то тень, как будто там что-то затонуло.

Мы посмотрели друг на друга, припоминая свои рассуждения возле гротов. Если там статуи были предупреждением для посторонних, что они проникли на территорию столицы царства Сиванму, то здесь каменное изваяние просто огромное. И что это может означать? Явно не приглашение на обед, скорее, последнее предупреждение.

Я неуверенно огляделся, с опаской поглядывая на стену деревьев за статуей. Что-то мне подсказывало, что там нас ждет серьезная опасность, ибо мы — незваные гости.

Примечания переводчика

(1) "Относительно редкий вид тропических лесов, где заболоченные участки не слишком глубоки, поэтому корни деревьев выступают над водой, образуя подобие островов, под которыми скапливается толстый слой ила." У Се описывает мангровые болота с ходульной корневой системой у деревьев. Мангровые болота на самом деле образуются в районах с соленой водой, поступающей из расположенного вблизи моря или океана. Для тропических оазисов такое болото - действительно явление редкое. С другой стороны, в Гоби много солнчаков, а также упоминается, что вода в болоте соленая, так что подобное явление вполне возможно.

(2) "Таллинское кладбище, где хоронили монахов." Трудно сказать, какое именно кладбище Таллина (□□) У Се имеет в виду. Но, используя внешние ассоциации (башни и статуи разных размеров и высоты, много высоких деревьев) вспомнить могу только Сизелинна, знаменитое кладбище, объединившее православных, католиков и лютеран. Правда, хоронили там не только монахов. Как вариант, могу предположить еще кладбище Пирита и, с большой натяжкой, Рахумяэ. Другие кладбища Таллина больше похожи на парки и не имеют множества статуй или башен.

****

ГЛАВА 5. КАМЕННАЯ СТАТУЯ

****

Размышляя об этом, я приблизился к статуе. Здесь ощущалось довольно сильное течение, из-за которого вода вокруг каменного изваяния была совершенно прозрачной. Все, что находилось на дне под корнями деревьев, можно было рассмотреть до мелочей. Куда течет вода, я не понимал. Паньцзы сказал нам быть осторожнее, потому что под илом могут скрываться подводные воронки, похожие на скважины, куда запросто затащит течением, стоит лишь ненадолго потерять опору.

Но Толстяк даже не слышал предупреждения, все его внимание привлекла каменная скульптура, и он внимательно изучал ее, подсвечивая фонарем самые темные углы.

При таком направленном освещении я увидел больше деталей. Кажется, эта статуя была вырезана из цельного камня, на котором сейчас виднелось множество трещин. Работа скульптора казалось грубой и незаконченной, а из-за большого количества мха это впечатление только усиливалось. Даже стоя совсем рядом, я не ощущал единой композиции.

Не найдя ничего интересного на поверхности, Толстяк направил свет в воду. Каменная статуя была расположена между двух диптерокарповых деревьев(1), корни которых расползались по всему дну вокруг. Они были хорошо видны, в некоторых местах между ними виднелись странные темные тени неправильной формы, словно под корнями что-то спрятано. Может быть, это какая-то особенная обработка камня, оказавшегося на дне?

Толстяк долго наблюдал, но тоже не мог ясно разглядеть, что это было. Меня удивляло, что эти объекты остаются темными, даже когда корни вокруг них освещены полностью. Точно! Это не предмет или тень, так выглядит на свету подводная впадина или глубокая яма!

Я понял это, когда заметил, как стелются под водой мелкие водоросли, зацепившиеся за корни: их движение направлено точно в центр этих темных теней. Значит, туда течет вода. Паньцзы прав, возле статуи есть провалы или скважины на дне, которые, возможно, ведут в подземные части дворца Сиванму.

Я-то надеялся увидеть что-нибудь невероятное, и теперь чувствовал разочарование. Паньцзы настоятельно требовал, чтобы мы продолжили путь.

И только Толстяк не смирился. Орудуя шахтерским фонарем, чтобы получше осветить этот естественный или искусственный водосброс(2), он бормотал: "Куда течет вода? Неужели этот древний город пуст и полностью затоплен?"

Я не думаю, что это так. Возможно, этот водосброс — часть древней городской дренажной или водопроводной системы. В старину гидротехнические сооружения и системы делали на славу, многими можно пользоваться до сих пор.

"И куда идет этот водосброс? — не переставал задавать вопросы Толстяк. — Мы и так в самой глубокой низине пустыни Гоби, кажется, ниже течь уже некуда."

Я задумался... Теоретически, дренажные системы древних городов выводились в близлежащие реки или в море. Но у этого города поблизости не было рек и озер, протекающих мимо. Зато в большом количестве могут быть подземные реки, куда и должен выходить дренаж. Причин для этого множество, но основная — малое количество осадков. Вода в этом регионе и в лучшие годы была очень ценна, и такой сложный дренаж вовсе не роскошь. Большую часть воды можно было получить, лишь сделав водозаборную скважину до уровня залегания грунтовых вод. Однако, обычно такие скважины и колодцы рыли на земле, выше уровня долины, это подтверждают исследования и раскопки Лоуланя(3). Странно, что здесь водосброс расположен под водой, он даже не регулирует уровень воды.

Итак, я думаю, что дренажная система здесь либо выведена в подземную реку, но сейчас она затоплена. Либо повсюду в древнем городе были построены колодцы или бассейны для хранения воды, которые пополнялись как дождевой, так и речной водой. Полагаю, принцип дренажной системы здесь такой же, как у карезских колодцев в Турфане: сначала заполняется верхний колодец, оттуда вода заполняет следующий и так до тех пор, пока все колодцы не будут заполнены водой.(4)

Вполне возможно, что под этой статуей находится один из таких колодцев, построенный тысячу лет назад. В одной из статуй, что мы видели позади, Толстяк вроде бы слышал шум воды, который мог исходить из подземного дренажного канала.

"Так вот где собака порылась! — удивленно воскликнул Толстяк. — Копать ямы и накапливать зерно(5)... похоже, идеи председателя Мао имеют слишком древние корни. Оказывается, наша королева Сиванму — дама весьма решительная."

"Какой смысл разворачивать в пустыне такой грандиозный проект? — Паньцзы тоже был удивлен. — Здесь всегда было мало осадков, иногда сильных дождей не бывало по нескольку лет. Чтобы заполнить такую дренажную систему, потребовалось бы несколько сотен лет. Неужели эта хрень работала?"

"Если рассматривать короткий исторический промежуток, то такая работа на самом деле бессмысленна. Но в западном регионе в то время страна могла стать гегемоном, только если имела большие и стабильные запасы воды. Так что смысл возиться был. Вспомни Лоулань: всего несколько тысяч воинов, но это государство было одним из сильнейших. Кроме того, тут весьма своеобразная местность. Оазис здесь мог образоваться и естественным путем: корни деревьев отлично удерживают воду, а вода в свою очередь помогает им вырасти. На это, конечно, требуется время, но Сиванму, вероятно, имела его и была дальновидной

правительницей."

С самого начала древний город был расположен в глубокой низине, что теоретически должно сопровождаться недостатком грунтовых вод, подпитывающих оазис из Гоби. Однако, если я верно заметил, мы здесь уже несколько дней, в течение которых низина заполнялась водой в избытке, но водосброс все еще покрыт водой. Значит, дренажные колодцы до сих пор не заполнены. Насколько же они глубоки, и как их много, если для заполнения требуется столько времени?

Паньцзы немного подумал и кивнул: «В этом есть смысл. Вроде все верно, но есть один недостаток. В случае войны противник легко может забросить в дренажную систему яд или зараженный предмет. Это уничтожит большую часть жителей, верно?"

"Кажется, колодцы здесь не слишком широкие, — ответил я. — Кроме того, скорее всего во дворец Сиванму и дома министров вели отдельные скважины. А тот, что мы только что обнаружили, вероятно, для простого люда. Такие места тщательно охраняются, это известно даже тем, кто историю знает по фильмам. В общем, это только на первый взгляд кажется, что отравить дренажную систему из нескольких соединенных колодцев просто, но на самом деле нет. В дренажных системах такого типа колодцы очень глубокие, количество воды там большое. Потребуется очень много яда, чтобы вода стала смертельно опасной. Боюсь, даже кишечные инфекции в такой системе распространяются плохо."

Слушая меня, Толстяк выглядел удивленным. Мне стало интересно, о чем он думал, но спросить я не успел. Он внезапно заявил: "Блин, получается, колодцы соединяются между собой? Значит, по ним мы можем добраться до дворца Сиванму."

"Добраться-то можно, — ответил я, — но мы не рыбы. Да и дренажная система такого типа больше напоминает лабиринт. Даже имея отличное снаряжение для дайвинга, мы можем просто заблудиться там и погибнуть. Но самое главное: местами каналы между колодцами могут быть очень узкими, не толще кружки для чая. И как мы по ним пролезем?"

"Ты опять надо мной издеваешься? — разозлился Толстяк. — Тебе-то чем мешает, что я толстый?"

"Блять, я не тебя имел в виду, — отмахнулся я. — Если уж на то пошло, я тоже намного толще чайной кружки."

"Все равно ты не прав, — заявил он. — Даже в школе были задачки о том, какой ширины надо выкопать водоотводный канал в зависимости от количества воды. Почти целый день лил такой дождь, что полностью заполнил низину водой. Младший У, посчитай, достаточно ли каналов толщиной с чашку для водоотведения такого объема?"

В университете, изучая архитектуру, я сталкивался в необходимостью делать такие расчеты, но лишь иногда. И сейчас, подумав пару минут, понял, что сходу сделать необходимые вычисления не смогу, поэтому ответил: "Не могу я считать в таких условиях. Подумаю об этом, когда отдохну."

"Вот и отлично, молодой третий господин, — встрял Паньцзы. — Сейчас не время беспокоиться об этом. Даже если дренажная система достаточно широка, мы сейчас не можем туда спуститься. Самое важное на данный момент — добраться до третьего господина как можно скорее."

Я согласно кивнул, отбросив все посторонние мысли. И в этот момент в лесу позади меня раздался звук ломающихся веток. Верхушки деревьев сильно качались и листья дрожали, словно сквозь заросли ломился кто-то огромный.

Всю дорогу мы шли в гробовой тишине и ни звука не слышали. И тут такое движение. Естественно, мы потрясенно обернулись, чтобы понять, что случилось.

Стена деревьев вокруг была довольно плотной, кроме огромной каменной скульптуры птицы с человеческим лицом рядом никого не было, да и звук сразу же прекратился. В лесу снова воцарилась удушающая тишина.

Мы недоуменно смотрели друг на друга: такой грохот мелкое животное не устроит. Но в лесу вроде ничего нет.

Паньцзы схватился за ружье, жестом велел нам вооружиться, молчать и поскорее уходить отсюда. Мы кивнули, не осмеливаясь пренебрегать его советами, и стали отступать, наблюдая за окружающей обстановкой и постепенно прибавляя шагу.

Но далеко не ушли, Толстяк вдруг воскликнул: "Погодите!"

"Что случилось?" — хором спросили его мы. Он обернулся назад и, показывая на статую птицы, спросил: "Куда только что было направлено его лицо?"

Взглянув на каменное изваяние, мы обнаружили, что оно изменило свое положение, словно это невыразительное покрытое мхом чудовищное лицо поворачивалось, следя за нами. Сейчас между нами и статуей были деревья, и казалось, что это не камень, а живое существо, которое прячется за стволами и подглядывает.

Примечания переводчика

(1) Диптерокарповые деревья, □□□□ (лун нао сян шу), дословно "благовонное дерево, порожденное мыслью дракона". Так называется один из видов диптерокарповых деревьев, высотой около восьми метров, произрастающий в провинциях Гуанси и Фуцзянь. Название связано с особенностями смолы, аромат которой немного напоминает камфару и сандал. Эту смолу используют в народной китайской медицине, изготавливая препарат борнеол, обладающий жаропонижающими и анестезирующими свойствами.

(2) Водосброс — вертикальная скважина, поднимающаяся выше дна водоема, благодаря которой регулируется уровень воды.

(3) Лоулань — древний оазис и царство в пустыне Такла-Макан, важный пункт на Великом шёлковом пути между Хотаном и Дуньхуаном. В настоящее время полностью засыпан песками; археологическая зона— на территории Баян-Гол-Монгольского автономного округа.

(4) Карезские колодцы в Турфане. Географическое расположение Тамуто довольно похоже на знаменитую Турфанскую впадину (Синьцзянь), где находится одна из древнейших дренажных систем. Местная география делает водозаборные скважины практичными для сельскохозяйственного орошения и других целей. Имея более 4000 квадратных километров земли, Турфан находится во второй по глубине географической депрессии в мире, ниже уровня моря. Почва в этой низине образует прочный бассейн. В сезон дождей вода стекает с близлежащих гор в низменную впадину, которая расположена ниже уровня пустыни. Лето в Турфане очень жаркое и сухое, с ветром и штормом. Система скважин Турфана имела решающее значение для развития Турфана как оазиса на древнем Шелковом пути, в крайне бесплодной и враждебной для человека пустыне Такла-Макан. Турфан обязан своим процветанием воде, обеспечиваемой системой скважин Карез. Система водоснабжения Турфана состоит из серии вертикальных вырытых колодцев, соединенных горизонтальными подземными водными каналами, которые собирают воду из водосборного бассейна окружающих гор — Огненной горы и Тянь-Шаня. Каналы направляют воду в долину, используя перепад высот. Каналы главным образом подземные, чтобы уменьшить испарение. Система включает в себя колодцы, плотины и подземные каналы, построенные для хранения воды и контроля количества потока воды. Вертикальные скважины вырыты в различный местах, чтобы соединить горный поток с подземными водами по наклонной поверхности. Затем вода направляется из нижней части скважины в следующую скважину, а затем в нужное место, подземные каналы врываются в систему орошения Турфана.

(5) □□□□□□□, копать ямы, накапливать зерно — неполная цитата Мао, которая в рунете считается спорной. Однако, байда утверждает, что это даже не цитата, а принципы подготовки к войне против агрессии империалистических государств в условиях холодной войны. В 1972 году Мао Цзэдун, исходя из внутренней и международной ситуации в Китае и социалистического характера страны, выдвинул политику "рыть глубокие ямы, накапливать зерно и не стремиться к гегемонии" (□□□□□□□□□□□□; "Военное собрание сочинений Мао Цзэдуна", т. . 6). 10 декабря того же года инструкции Мао Цзэдуна были воспроизведены в "Утверждении Центрального комитета Коммунистической партии Китая, направившем Отчет Государственного совета по продовольственным вопросам". Метафорическое значение идиомы

"глубокие ямы" — строительство мощных подземных укреплений противовоздушной обороны, особенно для усиления объектов защиты в стратегических точках, крупных и средних городах для предотвращения крупномасштабных стратегических воздушных атак противника. Идиома "накапливание зерна" обозначала необходимость увеличить запасы продовольствия, чтобы справиться с возможными войнами или стихийными бедствиями; в более широком значении имеется в виду развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, содействие национальной экономике. Идиома "не стремиться к гегемонии" подчеркивает, что Китай активизирует свои военные приготовления и укрепляет свою национальную мощь для собственной безопасности и развития, но не стремится к мировому господству.

****

ГЛАВА 6. КАМЕННАЯ СТАТУЯ ПОВЕРНУЛАСЬ К ЛЕСУ ЗАДОМ, А К НАМ ПЕРЕДОМ

****

Я почувствовал, как волосы на голове встают дыбом, сердце бешено забилось и нервы натянулись, как струны.

Паньцзы нервно сглотнул и сказал: "Я не обратил внимания... но это определенно не та сторона статуи."

"Хули эта падла сама собой поворачивается? — напряженно возмутился Толстяк. — Может, мы случайно какой-то механизм задели?"

Невозможно! Обходя эту статую, я точно видел, что сделана она из цельного куска камня. Маловероятно, что такое изваяние будут использовать для ловушки.

Паньцзы, уставившись на каменное лицо, спросил: "Я не присматривался внимательно раньше. Но, может быть, у нее лица с обеих сторон?"

"Это у твоей головы лица с обеих сторон! — огрызнулся Толстяк. — Я совсем недавно обернулся, но лица на этой стороне точно не было. И вообще, с самим лицом что-то не так..."

Действительно, в отличие от того, что мы видели с другой стороны, выражение повернувшегося лица вызывало странные двойственные чувства: оставаясь таким же невыразительным, оно, казалось, было полно мрачного негодования. На это было страшно смотреть.

"Бабушку его в лысый череп, он сам повернулся. Он живой? — пробормотал Паньцзы. — Мы столкнулись с каменным демоном?"

"Мы стоим не на одной прямой со статуей, — попытался успокоить остальных я, — может быть, дело в неправильной точке зрения. Не стоит сразу пугаться."

"Дерьмовая это точка зрения, — выругался Толстяк. — С этим камнем точно что-то не так. Ты обманываешь сам себя, думая, что просто ракурс не тот."

Я немного смутился, а Толстяк подначил: "Хочешь вернуться и посмотреть?"

Паньцзы покачал головой, быстро вытащил ружье, перезарядил его, прицелился в огромное лицо, собираясь выстрелить. Мы были так ошеломлены происходящим и даже не успели понять, что он собирается делать. Раздался выстрел, но пуля попала в дерево, стоящее сбоку, ствол угрожающе задрожал. Мы с ужасом посмотрели на статую: если она на самом деле живая, не стоило ее так провоцировать.

Толстяк уже был готов к бою, его руки потянулись к поясу за оружием. Мы все пристально наблюдали за каменным изваянием, готовые к любым изменениям в любой момент.

Но, сколько мы не пялились на камень, никакой реакции не последовало. Странное лицо оставалось таким же невыразительным и мрачным, статуя была недвижима. Обычная каменная статуя. Обождав немного, Паньцзы убрал ружье и сказал: "Да все в порядке, это просто камень. Наверное, привиделось. Дорога впереди трудная и запутанная, пошли быстрее, иначе не успеем."

Я вздохнул с облегчением: кажется, сам себя напугал. Но в таком месте сложно держать себя в руках и не мудрено потерять способность здраво мыслить.

Толстяк все еще недоверчиво хмурился: "Когда я был в пограничных районах, пришлось поработать на токарном станке. Эта работа требует острого зрения и внимания. Я не мог ошибиться."

"Токарный станок — это не лес, — возразил я. — Тут обстановка сложнее, освещение, тени. Неудивительно, что ты ошибся."

Паньцзы настаивал, что надо уходить, но Толстяк отказался. Отобрав у Паньцзы ружье, он отдал нам свой рюкзак, заявив: "Никуда не уходите, я пойду и посмотрю. Это всего пару минут займет." Сказав так, он направился к статуе.

Зная характер этого человека, мы понимали, что его не остановить, поэтому пришлось согласиться. Я присел отдохнуть, а Паньцзы ругался вполголоса.

Толстяк, прижав приклад к боку, осторожно шел назад. Затем он резко остановился и отступил на шаг, словно увидел что-то...

Паньцзы в нетерпении рявкнул: "Что, мать твою, ты там топчешься? Поторапливайся!"

Но прежде, чем он закончил говорить, Толстяк обернулся и побежал прочь с криком: "Оно живое! Бежим!" В эту минуту я увидел, как глаза статуи закрылись, уголки губ приподнялись. Бывшее невыразительным и застывшим лицо растянулось в отвратительной ухмылке.

****

ГЛАВА 7. ТРЕСКАЮЩИЕСЯ КАМНИ

****

Мой мозг словно взорвался при мысли, что я на самом деле столкнулся с демоном. Эта каменюка действительно живая?

Толстяк, добежав до нас, не остановился, схватил за руки и потащил за собой, крича: "Чего застыли, а?"

Он протащил нас, непонимающих, что происходит, на несколько шагов вперед. Оглянувшись на ходу, мы увидели еще более странную картину: лицо каменной статуи словно треснуло, черты его двигались, как будто в камень было завернуто что-то живое и оно собиралось выбраться наружу.

"Вот же блядина!" — заорал я, все более убеждаясь, что моя догадка насчет демона верна, и припустил наутек.

Мы находились посреди развалин, частично затопленных водой и оплетенных корнями, тут особенно не разгонишься. Приходилось на бегу выискивать наиболее удобные камни и толстые корни. После нескольких падений у всех нас были в кровь разбиты колени, но мы бежали дальше, пока не выдохлись окончательно. И лишь тогда я решил оглянуться еще раз. Оказывается, удрали мы не так далеко, как хотелось бы, но каменная скульптура стояла на том же месте и гнаться за нами не собиралась. На таком расстоянии уже нельзя было разглядеть детали, лишь силуэт.

Откуда только силы взялись бежать с такой бешеной скоростью? Паньцзы и Толстяк опередили меня. Заметив, что я остановился, они вернулись назад, решив, что мне нужно помочь, но я остановил их и, найдя укрытие, указал на статую вдали.

Они были удивлены, обнаружив, что каменное изваяние не преследует нас. Задыхаясь, мы некоторое время осторожно наблюдали за ней. Каменюка не двигалась...

Мы вжались в землю. Толстяк, тяжело дыша, словно вместо легких у него были кузнечные мехи, с трудом спросил: "Что случилось? Младший У, он не двигается. Может быть, это какой-то механизм?"

"Мы даже не дотрагивались до статуи. Как еще можно было активировать механизм? И какой механизм может так изменить монолит?"

Это определенно не механизм. Статуя зажата между двух деревьев. Если по какой-то причине она двинется, то оба дерева не останутся без повреждений. Даже если статуя является частью какого-то механизма, она не может двигаться, не задевая выросшие вплотную к ней стволы. Однако же лицо этой статуи изменилось, и это очень странно.

Отправляясь в Тамуто, я был морально готов к неожиданностям, но происходящее выходило за рамки моего понимания.

Паньцзы достал бинокль и стал внимательно рассматривать статую, пока я пытался понять, что за чертовщина тут творится. На его лице появилось удивленное выражение: "Что за херь? Словно ничего и не было!"

"Что?" Я отобрал у него бинокль и уставился на каменное лицо. Но его не было: статуя была повернута к нам затылком.

Толстяк отобрал у меня бинокль. Мои мысли метались в беспорядке. Может быть, у нас была коллективная галлюцинация? Да ладно: три взрослых мужика чуть не уписались от страха от обычного глюка? Тогда что это было? Куда делось лицо, которое мы только что видели? Это был демон?

"Это ж какая псина сутулая с нами в игры играет?" Толстяк встал.

Опасаясь, что он сейчас сделает что-нибудь безрассудное, мы потянули его вниз. Камень, на котором мы лежали, был мокрым, он поскользнулся, пришлось вытаскивать его из воды. И в

этот момент я заметил огромный валун примерно в десяти метрах от нас. На нем было огромное рельефное изображение человеческого лица, точно такое же, как мы только что видели: невыразительное, словно лицо мертвеца.

Пока мы бежали, я не обращал внимания ни на что вокруг, и не мог сказать, было ли это изображение на камне раньше.

Толстяк и Паньцзы, увидев это лицо, замерли в неуверенности. Толстяк пробормотал: "Кажется, оно не живое."

"И оно не одно!" — Паньцзы указал в другую сторону. На окружающих нас валунах везде были изображены такие же лица. Но большая их часть была так сильно оплетена лианами, что, если не присматриваться, то их невозможно заметить. Но теперь, когда мы рассмотрели эти рельефы, то осознали потрясающий масштаб изваяний. На расстоянии десяти метров от тебя пялится огромная харя — то еще ощущение. Странно лишь, что у этих изображений только лица, но не было птичьих тел.

Толстяк, увидев, что на него равнодушно таращатся десятки каменных глаз, запаниковал и схватился за ружье, но я успел схватить его за руку, чтобы он не поступил опрометчиво. Чутье подсказывало мне, что эти барельефы какие-то неправильные, не похожие на камни.

Прежде, чем я понял, в чем дело, внезапно один из барельефов развалился на мелкие части, которые почему-то взлетели вверх. Странное зрелище.

Я смотрел на происходящее, раскрыв рот, и думал: "Неужели я схожу с ума? Или вижу сон наяву?" И тут услышал крик Паньцзы: "Бляхи-мухи… в смысле, мотыльки!"

Теперь я все понял: парящие в воздухе камни были черными бабочками. Их было так много, что, собравшись в кучу, они образовывали то, что мы посчитали каменными барельефами. Неудивительно, что они то появляются, то исчезают. Сейчас я четко видел, как растрескиваются и искажаются лица, окружавшие нас, превращаясь в стаи взмывающих в воздух черных точек, разлетающихся в разные стороны.

Очевидно, эти мотыльки собираются на развалинах и статуях. После того, как мы потревожили их, они стали собираться стаями, почему-то образуя изображения человеческих лиц.

Вскоре казалось, что все небо заволокло черными осколками. Я не знал, ядовиты ли эти мотыльки, но мы на всякий случай прикрыли лица одеждой. Однако, вряд ли насекомые,

окрашенные в маскировочный черный цвет, будут ядовитыми. Картина, которую мы наблюдали, была просто великолепна: сотни, нет, тысячи черных лепестков, летящих в небо.

Толстяк пытался поймать несколько бабочек, заявив, что их надо рассмотреть получше и определить, что за вид, но ни одну не поймал. Однако, на сердце стало легче: кажется, это была ложная тревога. Но и стыдиться своего страха нечего: в такой ситуации любой бы испугался.

Мы оставались на месте и какое-то время не решались двигаться. Бабочки улетали одна за другой, пока рядом с нами не осталось всего несколько. Теперь мы заметили, как изменились окружающие нас руины. В тех местах, где только что сплошными барельефами сидели черные мотыльки, обнажились светлые участки, которые при ближайшем рассмотрении оказались сотнями змей, переплетенных с лианами. Среди более темных ветвей они выглядели, как кишки выпотрошенных животных.

Толстяк, увидев это невероятное зрелище, сначала опешил и упал обратно на землю. Но приглядевшись, понял, в чем дело, и грубо выругался. Это было не змеи, а лишь их сброшенная кожа. Это выглядело омерзительно: оплетенная лианами, в расщелинах, между камнями и под корнями — змеиная кожа была повсюду. Видимо, мотыльков привлекал ее запах. И, возможно, это место использовали змеи в качестве укрытия на время линьки.

Глядя на все это, я похолодел, пытаясь осознать масштаб местного серпентария. Сколько же в этом оазисе обитает змей, если все вокруг покрыто сброшенной кожей?

Толстяк снова встал, подобрал ближайшую кожу и показал нам. Там, где должна была находиться голова, виднелся петушиный гребень. Это определенно фазанья шея. Но толщина змеи, сбросившей эту кожу, была невероятна, размером с новорожденного теленка. Те, что мы видели раньше, были гораздо меньше. Кажется, мы недооценили размеры местной фауны.

Толстяку явно поплохело, и он нахмурился, отводя взгляд.

Змеиный выползок(1) — очень дорогое лекарство китайской медицины. Его на рынке покупают по цене более ста юаней за фунт. А здесь лежит как минимум несколько тонн змеиной кожи. Стоимость просто потрясает. Если бы Толстяк знал это, то эта картина не казалась бы ему такой омерзительной. Хотя я это знал, но мурашки по телу все равно поползли.

Паньцзы пощупал кожу и сказал: "Все еще очень прочная, разве что слегка поблекла. Змеи обычно сбрасывают кожу в месте, где чувствуют себя в абсолютной безопасности. И если они решат, что мы вторглись на эту территорию, то могут напасть. Не думаю, что стоит оставаться

здесь надолго."

Я огляделся. Чтобы уйти отсюда, придется идти через участок, сплошь покрытый сброшенной змеиной кожей. При мысли об этом меня передернуло, но опасения Паньцзы были верными. Здесь может быть не только кожа, но и живые змеи, скрывшиеся в укромных уголках.

Мы немедленно двинулись в путь, чтобы побыстрее убраться из этого места. Я боялся, что на пару живых змей мы все-таки наткнемся, но все обошлось, никакой живности мы больше не встретили. Кажется, днем здесь змеи попадаются не так часто, возможно, ведут ночной образ жизни. Определенно, ночью этот лес весьма оживленный.

Пересекая территорию линьки змей, я каждой порой своего тела чувствовал отвратительный рыбный запах змеиной кожи. Он казался странным, но главное, от него сильно тошнило.

Однако, когда мы вошли в лес, и солнце скрыла густая листва, воздух стал чище и приятнее, хоть и отдавал болотной водой. Вскоре тошнота прошла.

Пытаясь наверстать время, упущенное в руинах, Паньцзы прибавил шагу. Чтобы идти с его скоростью, нам с Толстяком требовались все наши силы, и мы шли молча. Через пять или шесть часов мы почувствовали, что течение в болоте стало сильнее, а впереди слышен шум воды, словно там бурлили потоки водопадов, но где это, определить только по звуку мы не могли.

Паньцзы достал сухой паек, и мы съели его прямо на ходу, а вскоре после этого наткнулись на водопад, образовавшийся в небольшом разломе. Казалось, словно обвалилась часть стены. Но я не знаю, был ли это естественный разлом или же древние руины.

Я почти был уверен, что эта местность представляет собой вогнутую долину, центральная часть которой должна быть самым низким местом оазиса, куда должна стекать вся вода. Теоретически там и должен быть дворец Сиванму, но сейчас это уже не имело значения.

Миновав водопад, мы оказались вымокшими до нитки. За потоком виднелась пещера, а вода, казалось, интенсивно впитывалась в землю. Растительность здесь была гуще, чем раньше, почвы почти не было видно, и небо по-прежнему было скрыто густой кроной деревьев. Мы шли уже давно, и я потерял чувство направления.

Сигнальный дым третьего дяди уже рассеялся. Хотя мы настроили компас по азимуту, но все

равно волновались, что пройдем мимо, поэтому Паньцзы решил остановиться и забрался на дерево, чтобы скорректировать направление.

Как только он пропал из виду, мы с Толстяком привалились к стволу, пытаясь перевести дух. Но долго отдыхать не пришлось, Паньцзы вернулся быстро и указал, в какую сторону идти. По его мнению мы были уже недалеко от того места, где нам подали сигнал третий дядя и его люди. И он снова поторопил нас, призывая идти дальше.

Взглянув на часы, я сообразил, что без остановки шагаю уже почти весь день. Никогда раньше мне не доводилось испытывать такие нагрузки, да еще в условиях плохой проходимости. Кажется, если сейчас я остановлюсь, то не смогу сделать больше ни шагу. Предел моих физических возможностей достигнут, и наверно, я засну, стоит лишь на секунду присесть.

Толстяк и Паньцзы обсудили дальнейший путь и двинулись вперед. Толстяк видел, что я бледен от усталости, но помочь ничем не мог, лишь болтал без умолку, чтобы отвлечь мое внимание и подбодрить.

Окружающий пейзаж был однообразным, а темы для разговоров быстро иссякли. Толстяк, глядя на тени в воде, спросил: "Младший У, ты сказал, что вода затопила дворец Сиванму. Как думаешь, там сохранилось хоть что-нибудь?"

Я ответил, если тут ситуация схожа с Лоуланем, то что-нибудь сохранилось. Но в затопленных городах рассчитывать на находки вроде шелковых и бамбуковых книг не стоит. Разве что посуда и оружие найдутся. "А ты зачем спрашиваешь? — ехидно поинтересовался я. — Неужели снова руки чешутся поживиться древностями?"

Толстяк обиженно заявил: "Чешутся... не чешутся... ты до сих пор смотришь на Толстяка, словно он — ворюга недоразвитый. Всегда надо смотреть на проблему с точки зрения её развития в будущем(2). В этот раз я должен получить свой выигрышный билет, чтобы иметь возможность безбедно пожить на пенсии. Всего-то нескольких кувшинов или ваз хватит. Или хотя бы потрогать вещи, которые можно выставить на аукционе в Пекине."

Я вздохнул и сказал: "И так проблем по уши, а тебя все еще аукционы беспокоят?"

Разговоры по дороге какое-то время оказывали на меня благотворное действие. Но постепенно что-то произошло с моими глазами: все вокруг казалось размытым, я не мог хорошо рассмотреть предметы на расстоянии и пару раз даже натыкался на деревья. Неужели мои силы иссякли настолько, что я теряю сознание? Однако Толстяк тоже спросил: "Что за хрень? Откуда здесь туман?"

Успокоившись, я протер глаза: это действительно были не проблемы с глазами, а густой туман. Я и не заметил, как он появился, но сейчас вокруг все было залито серым маревом, леса вдали совершенно не видно, а деревья всего в паре метров от нас казались призрачными тенями. А еще вокруг веяло холодом.

Я не мог понять, на самом деле похолодало или мне это кажется от переутомления. Но сердце застучало, грудь сдавило чувством потерянности, словно я попал в кошмар.

Прошлой ночью мы еще не ушли так глубоко в джунгли и понятия не имели, бывают ли тут туманы. А сейчас не знаем, опасен ли этот туман для жизни. Впрочем, толку от этого знания, противогазов у нас все равно нет.

Укрыв лица одеждой, мы прошли еще немного. Кажется, воздух оставался безвредным. Мы убрали защиту с лиц и огляделись. Теперь туман был густой настолько, что даже деревьев рядом не было видно.

Примечания переводчика

(1) Змеиный выползок — сброшенная кожа змеи.

(2) Всегда надо смотреть на проблему с точки зрения её развития в будущем □□□□□□□□□, цитата Мао Цзэдуна, "всегда надо смотреть на проблему вопрос с точки зрения её развития". Основной смысл этой цитаты в том, что ошибочное сегодня может в будущем оказаться правильным.

****

ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ НОЧЬ: ГУСТОЙ ТУМАН

****

Изначально Паньцзы предполагал, что нам придется пройти еще пять или шесть часов, захватив ночное время. И, если не случиться ничего серьезного, то до полуночи мы доберемся до места, откуда послали сигнал. Но люди не боги, кто ж знал, что к вечеру похолодает, а в таком случае после дождя на леса в низинах всегда опускаются сильные туманы.

В итоге мы теперь вообще не могли идти. Судя по компасу, нам еще шагать в густом мареве минут двадцать, и это среди деревьев, которых на расстоянии вытянутой руки не видать. Хотя Паньцзы очень волновался, двигаться вперед он не решился.

Даже при хорошей видимости мы могли пройти мимо лагеря третьего дяди, сейчас такой риск увеличился многократно. К тому же мы можем пойти кругами и заблудиться.

При повышенной влажности силы уходили еще быстрее, через каждые несколько метров приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. Да еще плохая видимость давила на психику.

А туман становился все гуще и гуще. В какой-то момент, остановившись, мы поняли, что видимость упала до нуля. На расстоянии метра мы видели только глухую стену тумана, вокруг было темно, как ночью. Даже с зажженными шахтерскими фонарями создавалось впечатление, что мы находимся не в лесу, а в тесной пещере, где деревья растут сквозь стены.

Паньцзы решил отказаться от первоначального плана, потому что в таких условиях добраться до третьего дяди невозможно. Теперь мы можем лишь найти безопасное место для отдыха на время, пока туман не рассеется, и лишь потом продолжить путь. Он считал, что с темнотой туман станет еще гуще, а затем быстро прояснится: такие сильные осадки быстро выпадают, но так же быстро проходят.

Спорить с ним мы не стали: Паньцзы имел опыт выживания в джунглях. А я почувствовал облегчение, словно вернулся из потустороннего мира. Если бы мы продолжили путь, я бы точно умер от переутомления и истощения.

Мы нашли высохшее дерево, которое наполовину погрузилось в ил. Видимо, когда-то давно вода здесь хорошенько подмыла корни, и многие деревья падали, увлекая за собой рядом стоящие. Мы сели, облокотившись на ствол. Паньцзы сказал, что развести огонь тут будет сложно. Но без этого нам не обойтись, я собрал ветки, которые посчитал наиболее сухими, облил бензином и поджег их.

Говорят, что мертвые лианы и сушняк, даже влажный, являются хорошей растопкой, но на деле все оказалось совсем иначе. Сначала повалил черный дым. Огня не было долго. Лишь когда ветки просохли, появились языки пламени и костер разгорелся. Толстяк сверху подбросил еще лиан, чтобы они просохли до того, как прогорят предыдущие.

Мы так устали, что даже вечно беспокойный Толстяк помалкивал. Казалось, сейчас каждый старался быть сам по себе.

Я снял обувь и заметил, что носки протерлись и стали похожи на сетку, а подошвы ног сплошь покрыты волдырями. После посещения Чанбайшаня на моих ступнях образовались довольно крепкие мозоли, и я считал, что уже никогда не буду стирать ноги до крови. Хоть путешествие здесь было не таким сложным, но вот ходить по болоту оказалось тяжеловато.

Массируя ступни и икры, Паньцзы припоминал путь, который мы только что прошли. Он сказал, что ночью по-любому сигнального дыма мы не увидим, а к утру даже его остатки развеются. Но в принципе, мы знаем свое местоположение, однако, должны на всякий случай сделать тут отметку. Толстяк решил перераспределить вес снаряжения и забрал из моего рюкзака часть вещей себе.

Я немного смутился, но сейчас было не до таких мелочей. Я на самом деле был слабее остальных. Толстяк сказал мне немного поспать, потому что я устал больше всех, и сон мне нужен, как ничто другое, чтобы восстановить силы. Сейчас мне уже не хотелось строить из себя храбреца, и я закрыл глаза.

Однако в состоянии сильного переутомления сложно сразу уснуть, да и окружающая обстановка не способствовала спокойствию. Несколько минут я старательно зажмуривал глаза до тех пор, пока они сами собой окончательно не закрылись, и я стал погружаться в дрему.

Сквозь сон я смутно слышал разговор своих товарищей. Толстяк тихо спросил Паньцзы: "Старший Пань, будь со мной честным. Если мы доберемся до места, но не найдем там твоего третьего господина, что делать будешь?"

"Я должен увидеть либо живых людей, либо их тела, — ответил Паньцзы. — Если ничего не найду, то буду искать. А почему ты спрашиваешь?"

"Я сюда пошел, чтобы денег заработать, а не лизать задницу твоего третьего господина, —грубо ответил Толстяк. — Он действовал не по плану и все сам испортил. Пока младший У не заснул, я не хотел говорить об этом. Да и сейчас не хочется. Но я всегда предпочитаю высказываться, как есть, даже если правда и неприятна. Если мы не найдем третьего господина, я заберу свое снаряжение и уйду. Этот лес слишком большой, я не хочу идти за тобой следом и искать третьего господина и его людей."

"Хочешь уйти один? — Паньцзы усмехнулся. — Этот лес странный и необычный. Пока мы не сталкивались с серьезными проблемами. Но если ты останешься один и доведется вляпаться в неприятности, в одиночку справишься? Кроме того, за пределами оазиса сотни километров пустыни Гоби. Даже если сможешь выбраться из леса, один преодолеешь пески?"

Толстяк рассмеялся в ответ: "Ты плохо знаешь Толстяка. У меня есть план, я все заранее обдумал. Обо мне можешь не беспокоиться." Его тон казался уверенным.

Паньцзы покачал головой и вздохнул: "Да я не спорю, можешь идти, когда хочешь, хоть прямо сейчас. Но в таком случае не жди помощи от нас. И не рассчитывай на долю хабара."

"Ой, вот только блефовать не надо! Я далеко не такой дурак, как кажусь, — огрызнулся

Толстяк. — Я с самого начала понял, что третий господин сюда не за хабаром пошел. Интуиция подсказывает мне, что в одиночку будет гораздо проще. Мне надо брать пример с младшего брата, который нас бросил. Может, он стал мыслить, как и я."

Я чуть не рассмеялся, когда услышал это. В душе я был абсолютно уверен, что Молчун покинул нас вовсе не ради хабара.

Заметив, что я все еще не сплю, Толстяк заткнулся, потом проворчал: "Нечего подслушивать, когда старшие разговаривают. Спи давай!"

Мне показалось, Толстяк догадывался, что я не сплю крепко, и говорил так, чтобы я услышал. Что-то было в его словах, но я не понимал смысла. Кажется, он намекал, что Молчун постоянно пропадает. Может быть, Толстяк что-то заметил, и хочет поделиться со мной, но наедине?

Однако, в настоящее время избавиться от присутствия Паньцзы невозможно. Остается лишь ждать, когда представиться возможность переговорить с глазу на глаз. Впрочем, сейчас я слишком устал, чтобы думать о таких сложных вещах.

Мы снова замолчали, я привалился к стволу и сам не заметил, как заснул крепким сном.

Наверное, мне что-то снилось, но образы были смутными, неясными и какими-то гнетущими. Не знаю, как долго я спал, а когда проснулся, то обнаружил, что туман вокруг рассеивался понемногу. Взглянув на часы, я увидел, что прошло чуть меньше трех часов.

Несмотря на тяжелое ощущение во сне, я проснулся посвежевшим, однако все тело болело, казалось, мои кости из железа и насквозь проржавели. Выглядел я, наверно, ужасно. Никогда не думал, что снова придется испытать эту жуткую боль во всех мышцах, от которой никуда не деться.

Потянувшись, расслабив мышцы, я почувствовал некоторое облегчение и осмотрелся. Рядом сидел Толстяк и настороженно смотрел куда-то наверх. Паньцзы не было видно.

Я был удивлен: "Где Паньцзы?"

Толстяк приложил палец к губам и показал наверх, туда, где сгущалась листва стоявшего неподалеку дерева.

Держась за поясницу, я встал и подошел поближе. Глядя вверх, я разглядел в мутном свете луны тени на дереве: наверно, это был Паньцзы, зачем-то взбиравшийся по стволу.

"Что случилось? — спросил я. — Он вообразил себя Маугли и пошел учиться у обезьян спать на дереве?" Толстяк шепотом ответил: "Только что в ветвях что-то шевелилось. Он полез посмотреть."

Тут же сверху раздался свист, предупреждавший, что нужно молчать.

Мы притихли и ждали еще какое-то время, затем увидели, что Паньцзы знаками предлагает нам забраться к нему на дерево.

****

ГЛАВА 9. ПЕРВАЯ НОЧЬ: БРАСЛЕТ

****

Шустро перебирая руками и ногами, мы оба начали карабкаться наверх.

Лазить по деревьям здесь легко: достаточно опор для ног в виде сучьев и можно хвататься руками за лианы. Но надо быть осторожным: стволы покрыты мхом и другой растительностью, нога легко может соскользнуть. Одно неверное движение — и падение вниз неизбежно.

Осторожно, шаг за шагом, мы поднимались, словно ствол был заминирован, и, наконец, добрались до Паньцзы.

Он сидел на самом верху, ветви здесь были реже, туман светлее, а дерево выше остальных. Ничто не загораживало небо, и виднелась размытая туманом луна сквозь редкие ветки, опутавшие ее, подобно растрепанным волосам. Она была яркой, но из-за тумана и ветвей свет ее казался неясным, окружающий лес можно рассмотреть, но детали все еще были размытыми, а тени обманчивыми.

Приблизившись, мы тихо спросили Паньцзы, что произошло. Он беззвучно, одними губами ответил: "Кажется, там кто-то сидит."

"Где?" — озираясь, спросил Толстяк.

"Примерно в двадцати метрах от нас, на ветке," — Паньцзы указал в ту сторону рукой.

"Как ты можешь видеть что-то в такой темноте? Это младший брат?"

"Сначала я не мог его разглядеть. Было заметно только движение, совсем недавно он двигался, сейчас затих, — нахмурившись, ответил Паньцзы и сделал жест, советуя Толстяку говорить потише. — Он скрыт листвой, виден только силуэт. Но не похоже, что это младший брат."

"Точно, ты так надеешься поскорее найти третьего господина, и думаешь, что это он тут в обморок упал?"

Паньцзы то ли не заметил, то ли не обратил внимания на ехидство Толстяка: "Я ни в чем не уверен, сами смотрите." Отодвинув ближайшие ветки, он указал на самую дальнюю, позволяя нам присмотреться получше.

Сначала я увидел только полог из ветвей. Такое ощущение, что меня внезапно настигла близорукость. Вообще-то с моими глазами все в порядке, но сейчас слепил лунный свет, все расплывалось в редеющем тумане, и, даже долго вглядываясь в полумрак, я ничего рассмотреть не смог. Толстяк же с его острым зрением сразу что-то заметил: "Бля буду, там и правда кто-то есть."

Паньцзы передал мне бинокль. Я посмотрел в ту сторону, куда таращился Толстяк, и увидел в просвете листвы силуэт, похожий на человеческий. Деталей не рассмотреть, но свесившуюся руку, испачканную грязью, хорошо было видно. Издалека в туманном лунном свете она походила на лапу животного.

Кто это?

"Может быть это та "Вэньцзинь", которую мы вчера на болоте видели? — спросил я. — Но разве младший брат не последовал за ней?"

Паньцзы кивнул: "Вполне возможно. Потому я и прошу говорить потише. Если это действительно она, то снова сбежит, стоит ей услышать нас."

Я передал бинокль Толстяку, которому не терпелось рассмотреть детали, и снова обратился к Паньцзы: "Если это действительно Вэньцзинь, что нам делать? Мы должны ее поймать."

Паньцзы осмотрелся и кивнул: "Но это будет сложно. Она в двадцати метрах от нас. Прошлой ночью она была ближе и сумела убежать. А здесь не болото с водой, тем более не успеем, она в два счета нас обгонит, стоит ей только услышать хоть малейший звук. Лучше всего спуститься

и подстеречь ее внизу, у подножья дерева. И сделать это надо как можно быстрее, — он снова огляделся и, видя, что туман почти рассеялся, пояснил. — Скоро видимость станет хорошей и рассветет, мы не можем надолго задерживаться. Поймав ее, мы должны поспешить к третьему господину."

Подумав, я согласился, что не время сейчас для сомнений, мы должны опередить ее. Я собирался похлопать Толстяка, предлагая спуститься вниз.

Но он торопливо замахал руками: "Погодите, погодите."

"Не тормози! Поймаем, тогда и будем рассматривать," — зашипел на него Паньцзы.

Но Толстяк продолжал рассматривать силуэт на дальней ветке в бинокль и ерзал по ветке, подбирая наиболее удобное место. Паньцзы начал беспокоиться и хотел отобрать у него бинокль.

Но Толстяк раздраженно отмахнулся: "Да подожди ты! Там что-то не так!"

Мы на мгновение замерли. "У Толстяка глаз, как у орла, — шепнул я, — если он что-то заметил, мы должны отнестись к этому серьезно." Паньцзы посмотрел на меня недоверчиво, а Толстяк тихо вздохнул, опустил бинокль и выругался, протягивая его мне: "Естественно. Сам внимательно посмотри на эту руку."

Я нетерпеливо взглянул в окуляры, а Толстяк подсказывал: "На запястье смотри. Оно прикрыто листьями, но ты смотри внимательно."

Прищурившись, я обшаривал взглядом руку, свисавшую вниз, и увидел... Сначала подумал, что мне показалось, но в следующую секунду узнал.

Это был браслет из монет А Нин!

Путешествуя по городу Дьявола и узнав историю этих монет, которые, несмотря на ценность, были использованы в качестве меток, я был настолько впечатлён, что вид его намертво отпечатался в памяти. Я всегда узнаю его.

"Что за блядство?!" — я едва смог вздохнуть.

Человек на дальней ветке — это А Нин. Это змеи затащили ее тело туда?

Паньцзы, увидев, как я переменился в лице, отобрал у меня бинокль. К А Нин он был равнодушен, но все равно нахмурился и задумчиво опустил голову.

"Тащиться через все заросшее лесное болото, лезть на дерево — это просто какие-то суперзмеи. Их возможности невероятны, — Толстяк облокотился на соседнюю ветку и закусил губу, задумавшись. — Почему эти змеи ведут себя, как муравьи? Они же не социальные животные. Неужели у них есть змея-королева, которая прячется в змеином гнезде и ждет, пока остальные ей еду туда принесут?"

"Такая толстая змея?" Я не сразу понял, о чем он говорит.

"Ты муравейники никогда не раскапывал? — удивился Толстяк. — Муравьиная королева занимается только откладыванием яиц, а муравьи-рабочие ее кормят, если я правильно помню. Возможно, фазаньи шеи организуют такую же социальную систему, как муравьи и пчелы. Тогда в этом лесу где-то есть змея, которая и нарожала весь этот серпентарий."

Я был озадачен: "Конечно, социальное поведение змей мало изучено. Но определенно не стоит их сравнивать с насекомыми — это совершенно разные животные. Вряд ли такое возможно."

"А я думаю, что в нашем мире нет ничего невозможного," — возразил Толстяк.

Я предпочел не продолжать этот разговор. Снова увидев тело А Нин, я чувствовал себя подавленным и боялся представить, на что похожа та ее часть, что скрыта в тени. Хотя Толстяк, высказывая раньше свое отношение к жизни и смерти, немного поднял мой дух, сейчас мне снова было не по себе.

Мы трое какое-то время молчали, затем Толстяк решительно сказал: "К чертям собачьим! Что бы они не собирались делать, очевидно одно. Тело здесь, его сюда могли притащить только змеи, значит, их тут должно быть много. Нам лучше уйти подобру-поздорову."

"Мы оставим ее здесь?" — я почувствовал себя очень нехорошо при мысли об этом. — Поскольку мы нашли тело, надо..."

Толстяк покачал головой: "Даже не думай об этом! Плохая идея дразнить змей. К тому же, вряд ли А Нин хотела, чтобы мы видели ее сейчас, — он вздохнул, отвернулся и тихо пробормотал. — Амитабха, я умолкаю."

Тут я заметил, что Паньцзы все еще смотрит в бинокль. До сих пор, разговаривая с Толстяком, я не обращал на него внимания, но теперь увидел, как вспотели его руки и побледнело лицо.

Потрясенный такой его реакцией, я наклонился к нему и спросил: "Что-то случилось?"

Паньцзы опустил бинокль. Выглядел он странно, но покачал головой: "Ничего"

Однако, его выражение лица совсем не соответствовало этому равнодушному "ничего". Я взял бинокль из его рук и снова посмотрел туда, где была А Нин, но ничего необычного не увидел. В моей душе появилось смутное подозрение, но Толстяк уже спускался с дерева. У меня не было времени копаться в своим сомнениях. Я быстро огляделся и последовал за Толстяком вниз.

Когда Паньцзы спустился, его лицо приобрело обычный нормальный вид. Я не знал, что произошло, но заметил, как иногда украдкой он оглядывается назад.

Паньцзы ничего не объяснял, а я не хотел спрашивать. Думаю, он что-то заметил, но не уверен в увиденном. Лучше просто не обращать внимания, чем сознательно требовать объяснений, которые могут вогнать меня в еще большую депрессию. Мы немедленно собрали свои вещи, надели рюкзаки и приготовились уходить.

Сделав пару шагов, Паньцзы внезапно остановился. Заметив это, Толстяк сразу же поинтересовался, что случилось. Паньцзы поднял палец, указывая вперед, затем приложил его к губам, призывая к молчанию.

Остановившись, мы были ошеломлены: с той стороны, куда указал Паньцзы, раздавался едва различимый голос, словно неподалеку кто-то шептался.

Вокруг было так тихо, что этот слабый звук показался мне очень резким, он был необъясним, ведь мы трое молчали. Я покрылся холодным потом.

Прислушавшись, я понял, что звук действительно похож на прерывающийся голос, как будто в зарослях разговаривала женщина.

Замерев и задержав дыхание, мы прислушались. Иногда этот звук становился беспорядочным, изменял тембр, напоминая шум ветра. Но листва вокруг оставалась неподвижной. Мне казалось, что я чувствую этот голос кожей, которая сразу покрылась мурашками. И шел он с

той стороны, где лежало тело А Нин.

Толстяк тихо выругался: "Что за сукины дети тут игры играют? Или все-таки эта вонючка стала демоном после смерти и теперь преследует нас?"

Я сказал, что это невозможно. Но оглянувшись, оценил окружающую атмосферу: туман, пусть и не такой густой, как раньше, сумрак, призрачные тени. Самое место и время для появления демонов.

"Если это не демоны, то кто тогда бормочет?" — растерялся Толстяк.

Я вспомнил о "Вэньцзинь", которую видел прошлой ночью. Мне как-то ближе была версия, что это не демоны, а загадочная женщина прячется где-то поблизости. Однако, прошлой ночью она не издала ни звука. И вообще, я не был уверен даже в том, что это женщина.

Еще одна вероятность, что третий дядя и его люди, которым повезло спастись, случайно наткнулись на нас. Но с какой стати они вдруг женским голосом заговорили? Мне уже не раз доводилось сталкиваться со странными вещами, и сейчас у меня возникло нехорошее предчувствие странного и необъяснимого.

Мне не нравилось это ощущение: "Вокруг темно, туман все еще густой, сверху какая-то нечисть ползает. Что-нибудь обязательно должно случиться. Пошли отсюда. Боюсь, что нам не поздоровится, если задержимся здесь, — и я обратился в Паньцзы. — Я что-то запутался, в какую сторону нам надо идти?"

Паньцзы побледнел и указал туда, откуда доносился странный голос: "Проблема в том, что нам как раз надо в ту сторону, в направлении этого дерева."

"Туда? Ты уверен?" — я был ошеломлен и напуган.

Паньцзы передернул затвор и кивнул: "Ошибки быть не может. До того, как сгустился туман, я видел дым в той стороне."

У меня в глазах потемнело, я не знал, что ответить. А Толстяк коротко выругался и сказал: "Что суждено, того не избежать. Преграды на нашем пути мешают нам совершенствоваться. Но мы тоже не лыком шиты. Надо просто идти вперед, но быть начеку." И он направился было вперед.

Не успел я выматериться, как Паньцзы схватил его за руку и покачал головой: "Не торопись. Прислушайся внимательно, что она говорит?"

****

ГЛАВА 10. ПЕРВАЯ НОЧЬ: ГОЛОС ДЕМОНА ИЗ ДЖУНГЛЕЙ

****

"Да что такого может сказать демон? Его слова стоят того, чтобы заплатить за них жизнью?" — спросил Толстяк. Но Паньцзы шикнул на него, посоветовав перестать нести чушь и послушать. Видно было, что ему не до шуток.

Я до сих пор тоже не обращал внимание на содержание этого дьявольского бормотания. Странный звук настолько напугал меня, что даже мысли не было прислушиваться.

Голос был негромкий. Если бы не тишина в лесу, мы ничего не заметили бы. И даже сейчас, стоит мне отвлечься, я перестаю слышать его. Это было похоже, словно какая-то женщина странным голосом что-то бормочет себе под нос.

Но когда Паньцзы сказал прислушаться, я сосредоточился и послушно затаил дыхание.

Тихий шепот раздавался издалека, звук прерывался, но время от времени я различал нюансы: Это было похоже то на тихие стенания, то на монотонное чтение сутр. Но слов разобрать мне никак не удавалось. Единственное, что я уловил — тембр голоса постоянно менялся.

"Похоже на зов страсти, " — хмуро буркнул Толстяк.

Паньцзы приложил его прикладом по затылку и приказал не говорить ерунду. А я в этот момент расслышал кое-что: "Погодите, что это? Этот голос... кажется, кто-то зовет меня по имени?"

"Зовет по имени? А почему я твое имя расслышать не могу?"

"Не полное имя. Прислушайся повнимательнее, оно произносит "молодой третий господин"(1)

Толстяк прислушался и покачал головой. Я не мог сказать с уверенностью, что это именно так, но голос, произносивший что-то похожее на мое имя, был странным, нереальным. "Оно словно зовет меня по имени... нет... точно зовет меня," — категорически заявил я.

Паньцзы кивнул: "И сколько женщин здесь могут знать твое имя? Я думаю, душа А Нин преследует тебя. Возможно, она винит тебя в своей смерти и не хочет оставаться здесь одна. Она хочет, чтобы мы остались здесь и умерли вслед за ней."

Я покачал головой, думая совсем о другом: "Боги, неужели она все еще жива?"

"Да не может она быть живой! — отрезал Толстяк. — Ты ведь ее на себе тащил от самого каньона."

Вспомнив об этом, я почувствовал, как замерло сердце. Действительно, смерть А Нин была совершенно очевидна, ошибки быть не могло. Я точно видел все признаки своими глазами.

"Думаю, душа этой женщины хочет заморочить нам голову, — заявил Паньцзы. — Нельзя поддаваться ее зову. Следуйте за мной, надо найти способ обойти это место стороной. Неизвестно, что там, кроме этого голоса. Может быть, множество змей. Странно все это и необычно. Нехорошо."

Взглянув на Толстяка, я спросил его мнение.

Он задумался, взвешивая все "за" и "против". С одной стороны он всегда был любопытен. Но когда дело касалось жизни и смерти, мог умерить собственное любопытство и сделать верный выбор. "Мне, Толстяку, не свойственны суеверия, но отчасти старший Пань прав. Нас слишком мало и мы уже очень устали. Не важно, демоны это или люди — вступать в драку сейчас не лучшее решение. Однако, не верится, что это голос А Нин. Она бы так не поступила с нами!"

От его слов мне стало легче. Я не хотел думать о мстительной душе А Нин. Не знаю, искренне ли он говорил, но меня его мнение устраивало более чем полностью. Что бы это ни было, нам лучше просто убраться отсюда подобру-поздорову. И как можно скорее.

Мы развернулись и пошли прочь, стараясь игнорировать странный звук. Паньцзы указывал направление, стараясь обойти странное место стороной. Но мы продолжали прислушиваться: если это все-таки человек третьего дяди, то мы сможем вернуться, пока не ушли далеко.

Не решаясь включать шахтерский фонарь на полную мощь, я прикрыл его тканью, сделав более тусклым, чтобы только видеть на пару метров вперед и не натыкаться на деревья.

Хоть мы и старались обогнуть ствол дерева, но все равно не отошли далеко, и странный звук

все еще был слышен. Мы продолжали осторожно идти, покрываясь холодным потом и стараясь не шуметь.

Чем ближе мы были к дереву, тем сильнее казался призрачный шепот. Теперь он все больше казался мне похожим на человеческий голос. Звук был четким, непрерывно повторял мое имя... да что ж это такое?!

Голос был все ближе, постепенно будя во мне смутные воспоминания из недавнего прошлого. Несмотря на его гипнотическое воздействие, мне казалось, что я уже где-то слышал что-то похожее. И это смутное воспоминание было довольно свежим.

Я замер, сделав остальным знак остановиться, некоторое время прислушивался, напрягая память. И, наконец, вспомнил: "А на теле А Нин не было рации?"

"Рация?"

Я сказал, что в снаряжение А Нин входила походная рация. И я не видел, чтобы она вынимала ее из кармана. Это устройство было водонепроницаемым и устойчивым к ударам с удлиненным сроком работы от одного заряда. Возможно, за нами следует кто-то из ее команды. "Если накрыть микрофон влажной тканью, разве не будет звук рации похож на этот шепот, задерживая помехи?"

У Толстяка не было опыта работы с переговорными устройствами, но Паньцзы это было знакомо, он кивнул: "Молодой третий господин, это действительно похоже на рацию."

"Тогда кто пытается с ней связаться? — спросил Толстяк. — Радиосигнал здесь проходит слабо и не может распространяться на большие дистанции."

"Но ее тело расположено высоко. Там рация может принимать сигнал не только исходящий от источника вблизи, но и из каньона. Если передатчик включен в режим автоматического поиска и ищет принимающую рацию на разных частотах, а ее рация была включена, то она могла принять сигнал. Паньцзы, у третьего дяди в снаряжении были передающие устройства?" Я внимательно следил за тем, как работали с рациями коллеги А Нин в городе Дьявола, и неплохо запомнил некоторые технические моменты.

"Третий господин определенно не брал с собой рации. Если он собирается ворошить песок, то в его планы не входит разделять команду на несколько групп. Как правило, все идут вместе. Радиосвязь используется, когда кто-то спускается в гробницу на разведку, а остальные остаются наверху. Черт, я забыл! В машинах были передатчики. Может быть, водитель использует ту же частоту для связи, что и команда А Нин? — Паньцзы о чем-то задумался. — Возможно, они тоже видели сигнальный красный дым, и потому пытаются связаться."

"Нам нужно достать рацию и попытаться поговорить с людьми, оставшимися в пустыне, — сказал я. — Можем узнать, что они собираются делать. Может быть, они знают, почему третий дядя ушел в болота, не дождавшись вас. Кроме того, связь поможет выбраться отсюда и нам."

Толстяк пришел в восторг. Казалось, он действительно устал бродить по лесу: "И чего мы ждем? Раз это не демон и не заблудшая душа, нам не надо проявлять вежливость к духам."

Паньцзы покачал головой: "Торопиться не стоит. Демонов тут, возможно, и нет, зато есть змеи, которые легко спутать с ветвями. Если такая змея нападет в темноте, мы сами станем заблудшими душами."

Да, змеи были куда большей головной болью, чем всякая нечисть. Толстяк, вспоминая моменты встреч с ними, потер подбородок, явно жалея, что у него нет с собой огнемета: "Было бы неплохо вынести отсюда змеиную кожу, хватило бы на безбедное будущее. А то кто знает, вдруг тут кроме пустыни ничего и нет? Древний город выглядит так, словно в нем нечем поживиться."

"Возможно, кожа этих змей не годится в качестве лекарственного сырья, так что не пори горячку, — ответил Паньцзы. — По мне так это и не змеи вовсе."

"Не змеи? А кто? Monopterus albus?"(2)

"Древние говорили, что животные и даже вещи могут стать оборотнями или демонами, если живут долгое время. У меня есть ощущение, что местные змеи способны влиять на сознание людей. Это древний город, и неизвестно, сколько лет этим странным змеям, — объяснил Паньцзы свои сомнения. — Но их странное поведение легко объяснить, если предположить, что человеческими голосами они заманивают людей, а потом съедают. Если так, то на дереве нас ждет смертельная ловушка. И лучше туда не соваться."

Толстяк похлопал его и сказал наставительно: "Ты старинных романов начитался, там слишком много феодальных суеверий, которые отравили твое сознание. Змея — это змея. Даже если у нее высокий IQ, это все равно змея, просто слишком умная. Всего лишь животное. Если эти змеи такие крутые, как ты говоришь, так чего ж они до сих пор ползают, а не отрастили себе руки и ноги, чтобы ходить?" Он закатил глаза, обдумывая что-то: "Если подумать, то все животные боятся огня. Можно надеть на меня всю одежду, которая у нас есть, чтобы закрыть кожу, облить водкой, поджечь. Вряд ли змеи бросятся кусать горящего человека. Добраться до рации и спуститься — это всего минуты две. А огонь сразу можно потушить, бросившись в болото."

"А потом что? Добудем рацию и станем голыми бегать по болоту? — рассердился я. — Попробуй использовать голову не только для того, чтобы в нее есть. Такой трюк слишком сложен. Температура горения спирта довольно высока, ты просто сгоришь заживо. И что нам

тогда делать? Ты все еще нужен в качестве носильщика моего снаряжения."

"Сгореть заживо не так то просто," — не согласился Толстяк. Но Паньцзы перебил его: "Одежда на нас из синтетики, водонепроницаемой, но пропускающей воздух. Быстро высыхает, хорошо горит, плохо мокнет. И легко загорится даже без спирта. Твой вариант невозможен."

Толстяк выругался, а потом вдруг кое-что вспомнил: "Послушайте, может быть, просто разведем костер под деревом. Наберем влажных дров, пустим дым и выкурим всех змей."

Сейчас Толстяк дело говорил, стоило обдумать его предложение. Так в сельской местности избавлялись от крыс. Вряд ли змеям понравиться сидеть в едком дыму.

Я кивнул, соглашаясь, и немедленно начал собирать влажные ветки. Толстяк обратился к Паньцзы, приглашая помочь нам, но тот схватил его за руку и сказал мне остановиться. Его лицо было перекошено, словно он испытывал невыносимое чувство вины.

Глядя на него, я вспомнил, как он был бледен, осматривая тело А Нин на дереве. И тут я кое-что понял: "Паньцзы, ты там что-то видел?"

Он кивнул, не решаясь заговорить, и ответил лишь спустя несколько мгновений: "Я не хотел этого говорить, боялся напугать вас. Но сейчас скажу. С трупом на дереве не все в порядке, кажется, со смертью А Нин не все закончилось."

"Да я уже заметил, как ты в штаны наложил, — хмыкнул Толстяк. — И что такого ты там увидел?"

"Я видел... дерьмо... не знаю, как сказать... только что я видел на дереве... я видел..."

Такое ощущение, что Паньцзы напрочь позабыл родной язык.

"Ты видел, как А Нин сидела, скрываясь в листве, и раскачивалась, словно змея?" — внезапно четко переспросил Толстяк.

"Да, именно так, — облегченно выдохнул Паньцзы. — Блять, а ты откуда знаешь?"

Лицо Толстяка было бледно-зеленым, когда он указал куда-то позади нас. Такого выражения у него я никогда не видел и немедленно обернулся одновременно с Паньцзы.

В тени дерева рядом с нами, в кустах стоял силуэт, похожий одновременно и на змею, и на человека. Он не шевелился, словно кто-то присел на корточки, всего метрах в пяти-шести от нас. И оттуда явственно доносился тихий звук рации.

Примечания переводчика

(1) Сяо Санье, молодой третий господин — действительно произношение имени У Се в таком виде похоже на звук помех рации или невнятный шепот.

(2) Monopterus albus — азиатский болотный угорь, рыба из семейства лучеперых, внешне схожая со змеей. В Толстяк использует именно латынь, видимо, желая показать свою начитанность, осведомленность и нежелание соглашаться с мистическими предположениями Паньцзы.

****

ГЛАВА 11. ПЕРВАЯ НОЧЬ: В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ

****

Нервно сглотнув, Толстяк застонал: "Падла! Когда она успела подкрасться?"

Я инстинктивно отступил назад и прошептал: "Это тот же голос, что мы слышали с самого начала. Но черт возьми, я думал, что это мы приближаемся к нему. А оказывается, это она подкрадывалась к нам!"

Говоря это, я заметил, как предательски задрожали и стали подгибаться мои колени. Даже при встрече с цзунцзы я не был так напуган. Сейчас же это была А Нин, человек, которого я знал, но даже представить не мог, чем она стала сейчас. Да и не хочу я этого представлять, единственное мое желание — оказаться как можно дальше отсюда.

Но ведь вокруг так темно, мы даже черты лица существа в кустах рассмотреть не можем. Не могу с уверенностью сказать, что это именно А Нин. В глубине души я упорно сопротивлялся мысли, что это она. Толстяк пригнулся и хотел подобраться поближе с фонарем в руках, но Паньцзы остановил его: "Не делай опрометчивых поступков. Прислушайся."

Мы затаили дыхание и услышали, как из листвы над нами доносится слабый свистящий звук.

"Эти змеи скрываются на ветвях деревьев. И их очень много. Боюсь, что идея о ловушке с

помощью звука была верной, нас подманивали подойти поближе."

Мы застыли. Толстяк осторожно огляделся: свистящие звуки доносились отовсюду. "Нам пиздец. Вам не кажется, что из нас хотят сделать фарш для пельменей(1)?" — спросил Толстяк, поднимая нож.

Паньцзы, качая головой, схватил нас обоих за шиворот и пригнул к земле. Вынув из рюкзака флягу с водкой и отвинчивая крышку, он сказал: "Ножом ты змей напугаешь так же, как своим пуком. Надо применить более эффективную тактику."

"Разве ты не говорил, что так легко сгореть заживо? — в ужасе прошептал я. — По мне так лучше умереть от укуса змеи."

"Я не предлагаю поджигать одежду," — успокоил меня Паньцзы. Он достал из рюкзака брезент, которого хватило, чтобы укрыть нас троих, и облил его водкой.

Теперь я понял, что он собирался делать. Это может сработать, хоть мы и делаем такой трюк впервые в жизни.

"Крепко держитесь за руки, — сказал Паньцзы, — не отпускайте. Придется потерпеть, ожоги все равно возможны. Я подам сигнал, и все вместе бежим вперед."

Звуки, окружавшие нас, приближались. Мы согласно кивнули. Паньцзы, накрыв нас брезентом, чиркнул зажигалкой, подпалил спирт — брезент сверху охватило пламя. Он юркнул к нам и крикнул: "Бежим!"

По прикрытием горящего спирта мы бросились вперед, и тут же из-за стволов окружавших нас деревьев послышалось громкое шипение змей. Но нам некогда было следить за ними. Метров двадцать-тридцать мы пробежали так быстро, насколько смогли, затем спирт выгорел, и полыхнул сам брезент. Паньцзы крикнул, чтобы мы сбросили его. Последовав его совету, мы стремглав побежали дальше.

Мчались мы сквозь джунгли, как сумасшедшие, не глядя по сторонам. Я даже не чувствовал боли от раздирающих кожу шипов и хлещущих по лицу веток. Прежде, чем остановиться, мы преодолели около мили и, обессилев, присели в высокой траве, тяжело дыша и прислушиваясь к звукам за спиной. К моему удивлению, нас окружала тишина: ни странного голоса, ни шипения змей.

Не верилось, что нам удалось сбежать, но это принесло некоторое облегчение. Хотя тишина была такой, что казалось, в лесу вокруг все вымерло, и это было совсем не нормально. Моя рука была обожжена, я старался на нее не смотреть, но когда дотронулся, почувствовал горячую кожу. В тот момент мне подумалось, что обожженный палец я потеряю.

"Похоже, никто не гонится. Наверно, эти змеи тоже боятся смерти, — сказал Толстяк. — Старший Пань знает свое дело. А я лишь только слышал о таком трюке. И сколько еще у нас брезента в запасе есть?"

Лицо Паньцзы потемнело, и он со вздохом ответил: "Нет больше брезента, только спирт остался. Так что больше такой трюк не пройдет. Уходить надо из этого проклятого места. У нас нет запасных жизней, чтобы рисковать дважды. Хоть звуков и не слышно, змеи еще могут быть поблизости." И он взглянул на компас.

Я знал, что Паньцзы прав, а потому, стиснув зубы и тяжело дыша, встал. Паньцзы определил направление и немедленно подтолкнул нас вперед.

Я посмотрел в темноту позади себя, думая о змееподобной тени, похожей на человека. Неизвестность пугала, но мы все равно больше не осмеливались оборачиваться назад и шагали, тревожно глядя по сторонам и ускоряя шаг, несмотря на то, что силы наши были на исходе. Кажется, усталость накапливалась в геометрической прогрессии, но, определенно, отдыхать сейчас не время. После короткого привала под деревом я почувствовал себя немного бодрее, но сейчас идти было просто невыносимо, хотелось упасть и не вставать. Толстяк впереди тяжело дышал, я шел, ориентируясь на этот звук.

Однако, в глубине души гнездилось оптимистичное облегчение. Со мной все время что-то случается, но и в этот раз я смог выбраться сухим из воды. Очевидно, что мне сильно повезло. Никогда раньше я не замечал за собой такого невероятного везения.

Еле передвигая ноги, я шел так, пока вдруг снова не услышал шорох в лесу. Прямо перед нами опять раздавался странный демонический голос.

Мы замерли, ноги словно вмерзли в землю. Толстяк схватил нас за руки и бросился искать укромное место. Я так устал, что чуть не упал, споткнувшись. Укрывшись, тяжело дыша, Толстяк спросил: " Твою ж мать, старший Пань, ты как нас вел, что мы вернулись на прежнее место?"

Паньцзы огляделся и переменился в лице: "Мы не вернулись!"

Осмотревшись, я понял, что он прав. Местность вокруг была незнакомая, нет никаких следов нашего пребывания здесь. И лес казался странным. "Едрена мать, — выругался Паньцзы, — они не гнались за нами. Они нас окружали."

Примечания переводчика

(1) "Из нас хотят сделать фарш для пельменей." Толстяк упоминает не ритуальные цзунцзы, а цзяоцзы (□□) — обычные пельмени. Хотя иероглиф □ имеет значение "рог, угол" и может использоваться при обозначении треугольных пельменей. Но китайцы — лингвистические перфекционисты и обозначают так схожие блюда, использующиеся по разному: цзунцзы — ритуальное блюдо праздника драконьих лодок, цзяоцзы — кануна нового года. Упоминание Толстяком именно цзяоцзы, возможно, имеет некое символическое значение: он обособляет себя и друзей от окружающей их нечисти, даже в случае их смерти.

****

ГЛАВА 12. ПЕРВАЯ НОЧЬ: ПОДЛЫЙ ТРЮК

****

"Окружили? Как животные могли сделать такое? — Толстяк покрылся холодным потом. — Они меня, Толстяка, плохому научат."

"Я же говорил, что эти змеи особенные, — сказал Паньцзы. — Они даже ловушку голосом устроили, определенно их эволюция ушла далеко вперед."

Впереди были слышны звуки, словно множество змей медленно приближалось к нам, но пока еще не было видно движения среди листвы и деревьев. Этот звук казался нам невидимой злой силой, наступавшей неотвратимо, как морская волна. У меня волосы дыбом встали, и я спросил Паньцзы: "Слышал ли ты от наставников какие-нибудь способы справиться со змеями? Древние обряды, ритуалы или амулеты?"

"Откуда? — Паньцзы покачал головой. — В древние времена змеям поклонялись, как богам. Слышал, как мой дед рассказывал о жертвоприношениях девственниц."

"А что-нибудь по-надежнее есть? — спросил Толстяк. — Где мы тебе тут девственницу найдем?"

"В старину даому редко сталкивались с ядовитыми змеями, — мрачно ответил Паньцзы. — Думаю, действенного способа нет. Нам придется либо умереть, как А Нин, либо отступать и отбиваться. Как партизаны, блять. Поиграем с ними в прятки, посмотрим, кто кого." И он, указав направление, попросил следовать за ним.

Я послушно пошел за ним, но внезапно меня озарило. Сделав всего пару шагов, я остановил остальных: "Погодите, тут что-то не вяжется."

Паньцзы удивленно посмотрел на меня. Я попытался объяснить: "В их поведении нет логики. Вспомните А Нин. От прямой атаки змеи нет защиты. Стоит им броситься на нас, мы сразу погибнем. Им незачем преследовать нас, чтобы сделать своей добычей. Достаточно просто броситься из кустов — и мы трупы. Зачем тогда они проделывают такие сложные трюки с ловушками и преследованием, когда уже десять раз могли нас прикончить?"

"Что ты имеешь в виду? Поясни." Толстяк никак не мог уловить ход моих мыслей.

"У них было множество возможностей убить нас с того момента, как мы вышли из каньона. Но мы все еще живы и здоровы. Змеи не похожи на людей, им не свойственны ошибки, они не плетут заговоры. Тем не менее, их поведение похоже на человеческое. Может быть, дело не в эволюции змей, просто убийство не является их целью."

Паньцзы покачал головой: "В этом нет смысла. Если убийство — не их цель, тогда почему убили А Нин? Хотя, может быть, мы для них табу?"

"Подумайте, чем мы отличаемся от А Нин," — предложил я.

Они посмотрели друг на друга, и Толстяк удивленно ответил: "Может, дело в том, что А Нин — женщина?"

Я кивнул: "Вполне вероятно. Эти змеи ведут себя неправильно. И мы не можем анализировать их поведение, опираясь на знания об обычных змеях. Не думаю, что тут какая-то мистика, но причины понять не могу. Если мы будем действовать опрометчиво, то можем вляпаться в серьезную переделку."

Толстяк нахмурился: "Это одни слова. Что предлагаешь делать? Может, нам и стараться не стоит?"

Я покачал головой: "Думаю, сначала надо выяснить, что им нужно, иначе любое наше действие может привести к фатальной ошибке."

"Ты действительно тот еще Наивняшка, — усмехнулся Толстяк. — Мы — не змеи, как сможем узнать их намерения?"

Поведение людей предсказать довольно просто, потому что мы представляем, как думает человек, считаем его равным противником. Чаще всего люди проигрывают животным в схватке потому, что недооценивают их уровень интеллекта. Мы должны рассуждать так, словно наш противник — человек. Группа враждебных к нам людей убивает единственную женщину и пытается морально измотать оставшихся мужчин. Надо понять, для чего они это могут делать?

Мы трое замолчали, раздумывая, затем Толстяк нахмурился и неуверенно сказал: "Может быть, все эти змеи — самки и жаждут нашей красоты?"

Вот снова он со своими шутками! Но, взглянув на Толстяка, я понял, что он не шутил и предположил это на полном серьезе.

Внезапно Паньцзы вздохнул, вспомнив что-то: "Ох, молодой третий господин, твое предположение разумно, но, кажется, я знаю, что происходит. Слышали ли вы о лесах, в которых пропадали люди?"

"Ты имеешь в виду "Лес призраков" на северо-востоке?(1)" — спросил Толстяк.

"Не знаю, как это у нас называется. Во Вьетнаме такие леса зовут аконг(2) Там легко заблудиться. В любом лесу легко заблудиться: везде свои особенности роста деревьев, почвы. Для кого-то исчезновение в лесу — неблагоприятное совпадение различных факторов, для других — фатальная неизбежность. Но во Вьетнаме ходили страшные истории о "живых лесах", где звуки в чаще и тумане заманивали человека в ловушку, словно лес был живым существом, — Паньцзы разволновался, обрезал лиану и выпил из нее немного воды. — К слову, местные жители считали такие леса разумными."

Слышал я о подобном. Есть даже ученые, считающие такое эволюционное развитие сложных экосистем возможным. Чем дольше существует лес, тем сложнее отношения внутри него. Экосистема в целом пытается обеспечить всем необходимым своих обитателей и постепенно превращается в этакий коллективный разум.

Но я в это не верю, слишком уж много гипотез, но мало аргументов. А вот историям о том, что стайные животные способны заманивать свою жертву и окружать, я верю больше.

"Тоже верно, — согласился со мной Паньцзы. — Похоже, что эти змеи заставляют нас идти в определенном направлении и преграждают путь, корректируя его."

Обсуждая этот вопрос, я не мог избавиться от нервного озноба, слишком уж все происходящее казалось невероятным.

Но это вполне логично. Мы не осмеливаемся идти туда, откуда доносится угрожающий звук, не рискуем идти назад. По сути, нами манипулируют. Это похоже на принцип невидимой стены в городе Дьявола.

Паньцзы указал в сторону голоса: "Знаете, как волки загоняют свою добычу? Они ставят жертву перед выбором: зайти в тупик, например, к пропасти или в болото, или же идти навстречу голодной стае. Когда мы начали обходить дерево, нас так же попытались вернуть на нужное направление."

С огоньком в глазах он похвалил меня: "Благодаря мнительности молодого господина мы не вляпались в тупик, куда нас ведут."

Я промолчал, не зная, как воспринимать эту похвалу: в комплименте Паньцзы звучал скрытый сарказм. А Толстяк спросил: "И что нам теперь делать? Может быть, вернуться?"

"Боюсь, что пути назад не будет, — заявил Паньцзы. — Если они перекрыли дорогу вперед, почему бы не заблокировать путь назад? Прямо как принуждение к поездке в Ляньшань(3). Мы можем только идти навстречу змеям. Поскольку уже понятно, что убивать нас они не собираются, шанс есть. Давайте рискнем, может, прорвемся."

Я бы хотел полностью избежать опасных путей в поисках третьего дяди, у которого можно всегда спросить совета. Но в настоящее время это было невозможно. Паньцзы взял инициативу на себя и предложил пойти напролом. Независимо от того, кто является нашим врагом, нельзя позволять заманить себя в ловушку, где нас может ждать смерть или еще что похуже.

Толстяк его поддержал, заявив, что он давно говорил о бесполезности хождения кругами, только зря время тратим.

Итак, мы начали готовиться. В данных условиях от оружия, что имелось у нас, толку не было. Из ружья Паньцзы нельзя было стрелять очередями, а прицельными выстрелами палить по змеям в условиях плохой видимости — только патроны попусту тратить. Ножи чуть больше эффективны, но, стоит лишь раз промазать — и верная смерть.

Обдумав эту ситуацию, мы решили сделать три факела: два с короткой рукоятью и один — с длинной. Обычные животные боятся огня, и даже большие звери, вроде медведей, не осмеливаются приближаться к людям, сидящим у костра.

Пламя поможет сдержать атаки змея и позволит выиграть время для Паньцзы, чтобы тот смог

точно стрелять и перезаряжать ружье. В процессе, возможно, поймем, как в реальности выглядит ситуация, в которую мы попали.

Принимая такое решение, Паньцзы исходил из того, что мы не знаем до конца, кто наш противник. Если все-таки это человек, то возможно нападение из засады, но шансов справиться больше. Если же это только змеи, то их нападение со стопроцентной вероятностью закончится нашей смертью. Я тоже сомневался, потому что в самом начале странные звуки были слышны со стороны тела А Нин. Поэтому не стоит провоцировать прямое столкновение, нашей целью должна быть только возможность выйти из окружения. Иначе можем найти еще бо̀льшие проблемы на свою задницу.

Наконец, мы были готовы, зажгли факелы и медленно пошли в том направлении, откуда исходил звук.

В наших действиях был один недостаток. В полуночном тропическом лесу яркий свет — это как огромная мишень на лбу для снайпера. Более приметным может быть только танк, который ломится через бурелом. Кроме того, змеи могут воспринимать яркий огонь, как провокацию с нашей стороны. Все равно, что зайти в женский туалет, держа перед собой плакат с надписью: "Я тупой извращенец, пришел подсматривать."

Шуршащий звук раздавался недалеко от нас, наверное, всего в двух-трех метрах. Все наше внимание сосредоточено на окружающей обстановке и этом звуке. По мере приближения шипение, похожее на шепот, становилось все отчетливее и отчетливее. Теперь этот звук снова напоминал радиопомехи и голос из рации, я даже нервно сглотнул. Но пока еще невозможно было разобрать слов, которые я слышал раньше.

Вскоре странный звук раздавался уже над нашими головами, и Паньцзы поднял руку, прося остановиться. Он поднял голову, чтобы посмотреть, кто издает этот жуткий шепот, но не смог ничего разглядеть.

Кроны деревьев здесь переплетались так, что не пропускали лунный свет, пламени факелов не хватало, чтобы осветить большое пространство. Мы видели только черный, как смоль, лиственный покров. Звук шел оттуда, но кто его издавал, увидеть было нельзя. Более того, ветви деревьев здесь переплелись так, что нельзя было понять, со стороны какого из них надо ждать неприятностей.

Примечания переводчика

(1) "Лес призраков" на северо-востоке. Не известно, что за достопримечательность имеет в виду Толстяк. На северо-востоке таких загадочных известных мест нет (по крайней мере, в интернете нет об этом информации). Однако, под описание джунглей в оазисе подходит знаменитая "Лощина черного бамбука", только находится она на юге Китая. О ней ходит много легенд, и очень часто упоминаются странный туман и не менее странные звуки в этом тумане. И да, люди туда заходят, но не выходят. И это касается не только беспечных туристов: в Лощине черного бамбука пропадают вполне себе опытные путешественники и специалисты. Причем, бесследно.

(2) Аконг. Переводчица не знакома со страшными легендами Вьетнама. Но джунгли там двух типов: мангровые и субтропические. И те, и другие кишат тропической живностью и имеют сильно заболоченную местность, сгинуть там легко и без помощи призраков. Потому такое описание подойдет практически к любому месту Вьетнама, далекому от цивилизации.

(3) "Принуждение к поездке в Ляньшань." Отсылка к роману Вэнь Тяня "Поездка в Ляньшань", где главного героя вынуждают идти определенным путем различные обстоятельства и поступки окружающих.

****

ГЛАВА 13. ПЕРВАЯ НОЧЬ: ОБОСТРЕНИЕ КОНФЛИКТА

****

Кое-что мне казалось странным: даже приближаясь, исходящий от дерева звук оставался похожим на помехи рации, но, кроме него, не было слышно ничего другого. Никаких звуков передвижения. Такое ощущение, что эта непрерывно работающая рация беззвучно передвигается сама собой. Разве такое возможно?

С тех пор, как мы попали сюда, происходят настолько непонятные вещи, что я никак не могу уловить суть происходящего, чтобы проанализировать ситуацию.

"Эти большие червяки чертовски спокойные!" — одними губами произнес Толстяк.

Лучшее, на что мы могли рассчитывать — змеи были ошеломлены нашими действиями и не среагировали быстро, благодаря чему мы смогли пройти чуть вперед без неприятных сюрпризов. Но много хочешь — мало получишь. Хоть вокруг все оставалось замершим, я словно кожей ощущал скрытое движение. Не знаю, может быть, это реакция психики на стресс и напряжение, но мне это ощущение казалось очень реальным.

Вероятно, змеи были уже совсем близко. Если у них такой высокий интеллект, но они не нападают, очевидно, что это обычная осторожность при вторжении чужаков, они пока лишь держатся на расстоянии и предупреждают о своем присутствии.

Если это просто осторожность, то нам повезло, потому что оружия против них нет, и, если они внезапно передумают и решат напасть, мы даже увернуться от броска не успеем. Но есть вероятность, что они специально давят на психику. Такое поведение используют ласки, когда крадут цыплят. Я раньше думал, что скопировать этот трюк могут лишь люди, и такое поведение не свойственно змеям. Но, похоже, в этот раз ласки могут нервно курить в сторонке, глядя на продуманную стратегию местных гадов ползучих.(1)

Стараясь не шуметь и не делать резких движений, мы медленно и осторожно шли вперед. Но, не смотря на это, странные радиопомехи все приближались. Пот градом катился по моему лицу. И чем ближе был этот звук, тем быстрее я терял способность мыслить здраво.

Осознание собственной беспомощности заставляло меня паниковать еще сильнее. Толстяк, видимо, понял, в каком я состоянии, и ущипнул, чтобы привести в чувство. Я обернулся и увидел, что он тоже весь вспотел.

Однако от его щипка мне полегчало. Странный звук в это время звучал прямо над нашими головами. Опасаясь, что змеи могут напасть сверху, мы шли, опасливо поглядывая наверх.

Кажется, дело пошло быстрее: мы, осторожно двигаясь и замирая на каждом шагу, как марионетки, прошло метров десять. Но, когда волна надежды захлестнула мое сердце, внезапно до сих пор не прерывавшийся странный звук замолк, и все вокруг погрузилось в тишину, словно лес вокруг нас пропал. Эта тишина оказалась столь неожиданной, что мы вздрогнули и замерли на месте.

Толстяк среагировал быстрее всех. Он толкнул меня в спину, заставляя бежать, но я от неожиданности споткнулся и упал. Сходя с ума от непонимания происходящего, я поднялся, и в этот момент произошло нечто невероятное.

Я услышал, как задрожал полог окружающих деревьев, а потом кто-то тихо спросил: "Кто это?"

Мы в недоумении уставились друг на друга. Что происходит? Кто это говорит?

"Может быть, это люди третьего господина? — взволнованно предположил Паньцзы. — Бля буду, но это точно не змея. Змеи не умеют говорить. Мы зря беспокоились и сами себя напугали, — и он немедленно крикнул в сторону дерева, откуда раздался голос. — Это я, старший Пань. А ты кто?"

Оттуда не донеслось ни звука в ответ. Мы долго вслушивались в тишину, глядя друг на друга,

затем Паньцзы снова крикнул: "Я спрашиваю тебя, кто ты?" И он поднял повыше факел и шахтерский фонарь.

Как только свет достиг верхних ветвей, листва на них задрожала, а затем тихий голос снова спросил: "Кто это?" На этот раз интонация стала другой, словно говорящему было больно. Причем, это точно был мужской голос.

Что-то в происходящем беспокоило меня, но сейчас мы уже не могли уйти, не разрешив эту загадку. Паньцзы уверенно заявил: "Я пойду и посмотрю."

Взяв в зубы рукоятку факела, он полез на дерево, а Толстяк прикрывал его, держа наготове ружье. Вытащив нож, я повернулся спиной к нему, следя, чтобы к нам не подкрались сзади. Паньцзы двигался очень быстро, и скоро был на самом верху, скрывшись среди ветвей. Я не рисковал смотреть в его сторону, наблюдая за его передвижениями лишь краем глаза.

Мне казалось, что он сразу сообщит нам, что увидел, но внезапно звуки его движения пропали. Я почувствовал, как слабеют от страха мои ноги. Виден был лишь слабый свет факела среди листвы, но никаких признаков борьбы или чего-то подобного.

Прошло еще какое-то время, теперь забеспокоился Толстяк. Обернувшись, он озадаченно посмотрел на меня. А что толку переглядываться, я тоже ничего не мог рассмотреть. Ясно одно: Паньцзы забрался наверх и больше не двигался.

И это было ненормально. Обливаясь холодным потом, я подумал, что, возможно, это змеиная ловушка. Может быть, Паньцзы уже укушен и умирает.

Толстяк коротко позвал: "Старший Пань!"

Ни ответа, ни движения наверху по-прежнему не было. Выругавшись, Толстяк протянул мне ружье, собираясь последовать за Паньцзы. Прежде, чем я дотянулся до оружия, мне на лицо упали холодные капли. Стерев влагу с лица, я обнаружил, что это кровь. И капала она с дерева.

"Твою ж мать!" — Толстяк забрал ружье обратно, щелкнул зажигалкой, бросил ее наверх и выстрелил.

После трех выстрелов подряд, звук которых походил на гром в безмолвном лесу, зажигалка

ярко вспыхнула, а вся крона дерева задрожала. В дрожащем пламени сгорающего газа я увидел бесчисленные тела змей, скользящие по стволу.

Я был в шоке. Слишком поздно что-то делать. Извиваясь, подобно молниям, сотни красных фазаньих шей покрывали все дерево, словно кровь. Некоторые свивались в клубок, готовясь к атакующему прыжку.

"Бля-а-а, это змеиное логово!" — заорал Толстяк, выстрелив еще два раза. Но при таком количестве гадов ползучих пара выстрелов — просто ерунда. Потянув меня за рукав, он крикнул: "Бежим!"

У нас не было возможности определить, что случилось с Паньцзы. У меня от этого было тяжело на сердце. Но выхода не было, поэтому я бросился назад, с тоской прислушиваясь к шуршащему звуку ползущих змей, преследующих нас, как бесшумная волна.

Следуя маршруту, который до этого указал Паньцзы, мы отбежали метров на десять и оглянулись назад. Вообще-то в джунглях змеи не передвигаются быстро. Однако, фазаньи шеи оказались исключением, они красными молниями скользили за нами в траве и по лианам. Одна из них уже была рядом и, не дожидаясь появления своих отставших собратьев, уже приняла атакующую позу, собираясь броситься и укусить.

Змея была крупная, прямо король фазаньих шей. Еще мгновение назад она была на земле — и вот уже летит в мою сторону. В голове мелькнула мысль, что меня уже ничто не спасет. Толстяк, увидев, как я застыл в стопоре, отобрал у меня факел и отмахнулся от нападавшей змеи, бросив мне ружье с криком: "Перезаряди!"

Я вытянул руки, но не поймал брошенное оружие. Ствол упал на землю, я наклонился, чтобы поднять его, но фазанья шея, шипя, была уже рядом, и я отдернул руку в испуге.

У Толстяка была такое выражение лица, словно его вот-вот вырвет. Он бросился к змее и факелом ударил в голову, одновременно поддел носком ботинка ружье за ремень и швырнул его в мою сторону.

На этот раз я поймал, перезарядил и сделал два выстрела. И сразу же почувствовал холодок, пробежавший по шее. Прежде, чем я понял, что происходит, факел Толстяка оказался направлен на меня, и краем глаза я заметил, как мимо моего уха с шипением пролетела тонкая красная молния. Увернувшись, я выстрелил по ней.

Огонь факела опалил мне волосы и даже обжег щеку, я вскрикнул от боли. А Толстяк уже отобрал у меня ружье и выстрелил, убив еще двух змей, готовившихся к прыжку. Но из леса по телам убитых ползли новые.

Толстяк снова спустил курок, но выстрела не последовало: кончились патроны. "Сукин сын, — заорал он, — почему всего два патрона?!"

"Ты же отобрал ствол, не дав зарядить,"— ответил я.

За нашими спинами оказалось большое дерево, отступать было некуда. Толстяк отчаянно размахивал факелом, отпугивая змей. Но я понимал: стоит ему хоть на секунду остановиться — и мы мертвы.

В тот момент, когда мы уже прощались с жизнью, через лес пронесся огненный шар и упал перед нами, взорвавшись горячим сиянием. К счастью, я успел зажмуриться, иначе точно ослеп бы.

"Сигнальная ракета!" — понял я. Но не успел открыть глаза, как почувствовал, что рядом взорвалась еще одна, и ногам стало горячо. На ощупь я дотянулся до стоявшего рядом Толстяка: кажется, его брюки горели.

Сигнальные ракеты — это не оружие. Но температура горения магния настолько высока, что при попадании даже топливный бак взорвет. При таком раскладе если она попадет в нас, то мы с Толстяком превратимся в плохо прожаренный бифштекс.

Секунд пятнадцать свет был так ярок, что проникал сквозь сомкнутые веки. И даже когда он потускнел, потребовалось еще немного времени, прежде чем мы смогли открыть глаза, перед которыми мелькали темные пятна, словно сетчатка была повреждена. Змеи, нападавшие на нас, сгорели заживо, пламя пожирало кусты и лианы вокруг, в нос бил сильный запах гари. Те фазаньи шеи, кому повезло не попасть под удар сигнальных ракет, отползли назад.

Все это произошло очень быстро, казалось, что мне повезло использовать свой единственный шанс из девяти(2). Едва держась на ногах, я огляделся, оценивая ситуацию вокруг.

Толстяк потушил тлеющую ткань своих брюк, гадая, кто же нас спас. В этот момент задрожали ветки куста неподалеку, откуда вывалился Паньцзы, держась за плечо. В висящей, как плеть, другой руке была ракетница. Увидев нас, он упал на землю.

Я был вне себя от радости: "Ты жив!" Он был весь залит кровью, наверное, сильно ранен.

Бросившись к нему на помощь, я увидел, как он изо всех сил пытается встать и бормочет слабым голосом: "Бегите!"

Я опешил: бежать? Зачем?

Внезапно за кустом, откуда выбрался Паньцзы, появилась огромная черная тень, схватила его за ногу и затащила обратно. Я услышал лишь его короткий крик.

_____

Примечания переводчика

(1) "Похоже, в этот раз ласки могут нервно курить в сторонке, глядя на продуманную стратегию местных гадов ползучих." Считается, что ласка, как и другие представители куньих, не сразу нападает на курятник. Сначала она его только ходит поблизости, сообщая о своем приближении и доводя кур до исступления. Хозяева курятников часто замечают, как после посещения ласки куры нервничают. Лишь затем ласка начинает воровать цыплят и кур, причем, не всех сразу, а по одной. Говорят, что ласка специально использует прием психологического давления на будущих жертв, чтобы при последующих посещениях они не могли полноценно сопротивляться. Но на самом деле это всего лишь обычная разведка осторожного зверя, в процессе которой хищник еще и метки оставляет, чтобы другие желающие полакомиться не зарились на выбранный курятник.

(2) "Использовать свой единственный шанс из девяти." У Се использует идиому □□□□ (на девять шансов умереть лишь один — остаться в живых) значение которой чудом остаться в живых, спастись от верной гибели, глянуть смерти в лицо.

****

ГЛАВА 14. ПЕРВАЯ НОЧЬ: ПОГОНЯ

****

Я был так потрясен происходящим, что не мог сразу сообразить, как действовать дальше. Но Толстяк бросился ко мне с ружьем в руках, крича: "Патроны давай!!!"

Я вытащил их, он сразу забрал и, держа факел в одной руке, другой зарядил ружье, прижатое локтем к телу, а затем прыгнул в кусты и погнался за пропавшим Паньцзы.

На бегу он обернулся и, увидев, что я до сих пор не двинулся с места, рявкнул: "Ну давай, стой, где стоишь. Когда я потеряю направление, хрен тебя в лесу найду!"

Выругавшись, я хлопнул себя по лбу и сразу же последовал за ним.

Бежать через кусты было трудно. Сжав зубы, я с трудом прорывался через колючие ветки, следуя за Толстяком, и вскоре вся моя одежда была порвана. Метров через десять я услышал, как трещат ветки на верхушке дерева, очевидно, тварь, утащившая Паньцзы, забралась туда. Кроме жутко трещавших веток, не было слышно других звуков, это чудовище было слишком молчаливым.

Толстяк, оказавшись возле ствола, увидел, что кора содрана, а ветви уже трещали на соседнем дереве, словно чудовище переползало по верху.

Мы не обезьяны и следовать за ним по ветвям не можем. Толстяк, задыхаясь от негодования, погнался дальше, следя за состоянием веток сверху и целясь туда, где наиболее интенсивно дрожала листва.

"Осторожнее, мать твою, — крикнул я. — Не попади по Паньцзы."

"В любом случае он будет мертв! — сквозь зубы прошипел Толстяк. — Я все-таки рискну." Сказав это, он поднял ружье и выстрелил.

Звук был оглушительным. Я знаю, что Толстяк — меткий стрелок, но в данном случае мы не видели цели, и я не мог сказать, попал ли он. Ветви наверху продолжали трещать, похоже, эта тварь передвигалась по верхушкам деревьев быстрее, чем по земле.

"Блять, у этого ружья калибр маловат," — выругался Толстяк, стиснув зубы пробежал немного вперед и снова выстрелил четырежды, истратив все патроны.

Я отчетливо видел трассеры от пуль, выпущенных в темноту, но, кажется, ни одна из них не достигла цели. К тому времени, когда Толстяк перезарядил ружье, тварь уже была вне поля зрения, нам ее не догнать.

"Что делать?" — взволнованно вскричал я.

Толстяк вернулся и, подойдя к стволу дерева, на которое забралась тварь, осветил его факелом:

ободранная кора была густо измазана кровью.

Толстяк подошел к следующему: на стволе там тоже виднелись следы крови.

"Есть способ! — крикнул он, протягивая мне факел. — Если пойдем по кровавым следам, доберемся до гнезда твари. Даже если не удастся спасти Паньцзы, эта гадина заплатит нам за все."

Возможно, это единственная надежда спасти Паньцзы. Я, не долго думая, кивнул, соглашаясь.

Толстяк попросил отдать ему все патроны. Боеприпасы Паньцзы были разложены по коробкам, их с самого начала было не много, и мы уже часть расстреляли. Передавая их, я обратил внимание, что полной оставалась всего одна, и еще полкоробки было у Толстяка, который не переставал ругаться: "В следующий раз я сюда без ствола ниже калибра 5,54 не пойду!"

"В следующий раз я тебе сигнальную ракетницу дам, сможешь, не суетясь, гоняться за всеми местными тварями!"

Толстяк достал пять патронов, три засунул в нагрудный карман, два взял в рот и кивнул головой, как бы приказывая: "Ступай вперед!"

Я шел впереди, освещая фонарем стволы и ища там следы крови, Толстяк следовал за мной, прячась в тени. Так началась наша погоня в темных джунглях по кровавым следам.

Эти следы я находил не только на стволах, кровью были запачканы листья кустов и папоротников, растущих возле деревьев. И чем больше этих пятен попадалось, тем хуже я себя чувствовал, понимая, что это кровь Паньцзы. Должно быть, у него повреждена артерия, иначе как объяснить такое кровотечение, а с такой раной его уже не спасти.

Но я не поверю в его смерть, пока своими глазами не увижу труп.

Мы прошли около пяти сотен метров. Движения сверху не было слышно, странных звуков тоже, чувство направления мы давно потеряли, ориентируясь лишь по следам от крови.

Теперь они попадались реже, пятна были меньше, и это меня тревожило. Хорошо, если причиной этому остановка кровотечения, но, возможно, Паньцзы уже умер, потому крови так

мало.

Толстяк, поглядывая наверх, шел быстро и начал кричать: "Слышь, глиста в скафандре, Толстяк идет за тобой. Когда я поймаю тебя за хвост, раскручу и ебну по дереву твоей башкой. Проверим, чьи зубы крепче, а шкура прочнее."

"Какого хрена ты орешь, как потерпевший?" — хотел остановить его я.

"Звери предпочитают есть, забравшись в абсолютно безопасное место, — спокойно ответил Толстяк. — Если я буду орать, он занервничает и не сможет спокойно сожрать Паньцзы."

"Ты поосторожнее, — возразил я. — Он Паньцзы не сожрет, но на твой крик приползет другой и сожрет нас."

"Ты вообще зоологию учил? — возмутился Толстяк. — Большие звери имеют большие территории для охоты. Здесь не должно быть других таких же. Мы не ошибемся, если сосредоточим все внимание только на этой твари..."

Я все еще чувствовал себя неуверенно, но Толстяк пошел дальше, продолжая орать: "Слышь, червяк-переросток, ты не того жрать собрался. Твоя жратва болеет СПИДом, у тебя потом несварение будет..." Его тираду прервал шорох листвы, и он споткнулся обо что-то, упавшее сверху.

Помогая Толстяку встать, я в свете фонаря разглядел окровавленный рюкзак Паньцзы, лежавший в куче опавших листьев.

Толстяк сразу же насторожился. Я хотел спросить что-то, но он приложил палец к губам и попросил поднять факел, чтобы осветить крону дерева, под которым мы стояли. Вытянув руку повыше, я увидел огромную тень, беззвучно свисающую с дерева и словно выглядывающую из-за ствола.

****

ГЛАВА 15. ПЕРВАЯ НОЧЬ: БОЙ

****

Я немедленно закричал. Толстяк увидел, как изменилось мое лицо, и среагировал практически сразу. Не глядя на тень, он ударил ее прикладом ружья, но было уже слишком поздно. Тварь сжалась, прячась за стволом, затем резко бросилась вперед. Я видел лишь темную массу, покрытую сотнями мерцающих чешуек, которая со скоростью молнии, переливаясь, неслась к Толстяку.

Несмотря на свою комплекцию, Толстяк очень ловок и быстр, перекатившись в сторону, он убрался с дороги твари. Как только он перестал загораживать свет от факела, я смог рассмотреть нападавшего. Это оказался золотисто-коричневый питон толщиной с большое ведро, залитый кровью. Голова его свисала вниз, и на ней были видны окровавленные пулевые раны.

В моей голове вспышкой возникло воспоминание, я сразу узнал эту тварь: один из двух питонов, что напали на нас в каньоне. И вот здесь мы снова столкнулись с ним.

Промахнувшись, питон даже не замедлил своего движения: втянул голову, открыл пасть, откуда тоже капала кровь, и схватил Толстяка, не успевшего встать с земли после переката.

В этот раз Толстяку не удалось увернуться, он лишь успел повернуться к твари спиной. Гигантский питон был так силен, что в мгновение ока обвил его кольцами своего тела и, развернув лицом к себе, поднял в воздух, приготовившись душить.

Толстяк не умел группироваться так, чтобы выбраться из смертельных объятий, он даже пальцем пошевелить не мог. Ружье отлетело в сторону, я слышал его крик и видел, как он беспомощно посмотрел на меня.

Не знаю, откуда взялась храбрость. Я бросился бить змею факелом, но это было глупо. Свернувшееся кольцами тело змеи просто сшибло меня на землю, я подпалил себе штаны. Пришлось кататься по земле, чтобы сбить пламя. А Толстяка уже не видно было за мерцающими темно-золотыми кольцами питона.

Я запаниковал на мгновение, но тут моя рука коснулась лежащего на земле ружья. Схватив его, не вставая с земли и почти не целясь, я выстрелил в голову питона.

Стрелок из меня так себе. Отдача была такой сильной, что я получил прикладом в челюсть. Однако, несмотря на небольшое расстояние, умудрился промахнуться: пуля попала в ствол дерева, пролетев мимо чешуйчатого тела.

Я встал и снова выстрелил. Внезапно с дерева раздался хриплый голос: "Молодой третий господин, отдай мне ружье!"

Подняв голову, я увидел Паньцзы, который, оказывается, был еще жив. Он протягивал между веток окровавленную руку и требовал: "Скорее!!!"

Я тут же бросил ему ружье, он поймал, зацепился ногами за ветку и сделал три выстрела. Но целился он не в голову питона, а в огромную ветку, за которую тот цеплялся.

На таком близком расстоянии калибра хватило, чтобы толстая ветка переломилась и под весом питона, державшего Толстяка, упала вниз. Снизу это выглядело так, словно рухнуло целое дерево.

Грохот был ужасающий, питон врезался головой в землю, и его пасть захлопнулась с громким чавкающим звуком. Не знаю, как себя чувствовал при этом питон, меня больше волновал Толстяк, который воспользовался моментом, выбрался из змеиных колец и перекатился по земле в мою сторону. Лицо его было багровым, и у него не было сил встать. Подхватив подмышки, я потащил его за дерево, стараясь быть осторожным.

На сердце у меня было тревожно: дай бог, чтобы смертельные тиски питона не нанесли Толстяку смертельных повреждений. Я поспешил спросить, как он себя чувствует.

Оттолкнув меня, он резко встал, проблевался и заявил: "Этот ебнутый глист выпал в осадок. Слабак, американские горки круче, чем его смертельный аттракцион..."

Не успел он закончить, как питон снова бросился вперед, его огромная пасть показалась из-за дерева, напоминая большую опрокинутую чашу, наполненную кровью. Он ударил Толстяка в плечо, опрокинув и вжав в землю с такой силой, что кусты, растущие рядом, задрожали. Обернувшись, я увидел, что Толстяка отшвырнуло к дереву, он сильно ударился о ствол о покатился по земле. А гигантский питон не собирался останавливаться, он снова изогнулся, его огромная пасть, полная острых зубов, открылась, он готовился нанести последний смертельный удар.

Я замер в ожидании непоправимого, но в этот момент сверху упала небольшая, но тяжелая ветка, крепко приложившая питона по голове.

Поняв голову, питон заметил наверху Паньцзы и сразу же сменил цель своей атаки. Движение змеи было молниеносным, он схватил Паньцзы, который держал ружье одной рукой, прижав приклад к плечу, и поднял его в воздух. Но задушить не успел. Я слышал приглушенные звуки выстрелов, а в голове питона появилось несколько окровавленных дыр. Это, наверно, было очень больно.

Смертоносные кольца питона разжались, и Паньцзы упал в темноту. Гигантский змей протаранил ствол дерева, словно обезумевший, его хвост бешено метался из стороны в сторону, вырывая с корнем кусты, растущие рядом, а с веток начали падать листья, напоминая

осенний листопад под сильным ветром.

Обхватив голову, я спрятался за деревом, сверху на меня падали куски коры. Я был так напуган, что не смел даже пошевелиться. Так я просидел минут десять. Постепенно звуки, издаваемые взбешенным питоном, прекратились. Выглядывая из-за дерева, я видел, как его тело несколько раз дернулось и затихло.

Я был в шоке и пришел в себя, лишь когда услышал крик Толстяка. Бросившись к нему, я сначала решил, что он потерял сознание. Но, когда я попытался помочь ему встать, он начал нести какой-то бред: "Помогите встать погонщику змей. Господин Толстяк не мертв, его только затискали до смерти."

Раз этот дурак несет всякую чушь, значит, с ним все в порядке. Уложив его поудобнее, я побежал искать Паньцзы. Боюсь, он пострадал гораздо больше.

Я нашел Паньцзы метрах в шести от дерева, он был весь в крови, все еще сжимая в руках взорвавшееся ружье, ствол которого разворотило так, что он стал похож на оленьи рожки.

Изо рта его текла кровь, он молча смотрел на меня мутными глазами. Я осмотрел его голову и немного успокоился, не увидев серьезных ран. Затем начал снимать с него одежду.

Увидев обнаженное тело Паньцзы, я почувствовал острый приступ тошноты. Он весь был покрыт ранами, которые, видимо, появились, когда питон тащил его по земле и веткам. К счастью, все они были неглубокими, только шрамы останутся. А к такому Паньцзы привычен.

Я хотел промыть раны, но он остановил меня и что-то вложил мне в ладонь, с трудом шевельнув губами.

Это был компас. Когда питон тащил его по верхушкам деревьев, рюкзак Паньцзы не удержал, но компас не выпустил из рук.

Инструмент был залит кровью, но я разглядел отметки азимута и направления. Паньцзы пробормотал из последних сил: "Найдите третьего господина... будьте осторожны... там змеи..." Его горло свело судорогой, и он больше ничего не смог сказать.

"При чем тут змеи?" Я не понимал, что он имеет в виду, его слова казались мне

бессмысленным бредом. Ругаясь, я убрал компас и посоветовал Паньцзы не разговаривать. Он тяжело кашлял кровью, казалось, ему трудно дышать.

Раздумывая над его словами, я был промыл раны, достал из рюкзака антибиотики и сделал укол.

Сзади, прихрамывая, подошел Толстяк и, склонившись над Паньцзы, спросил меня, как дела.

Понятия не имею, что с Паньцзы, и есть ли шансы спасти его. Но у меня не было смелости обсуждать это. Сейчас я мог только делать что-то, но не говорить об этом.

Толстяк также промыл свои раны, сделал себе укол, затем мы перенесли Паньцзы в более удобное место, подальше от трупа змеи. Теперь я мог более обстоятельно обследовать его.

Пульс у него был сильный и стабильный. Это обнадеживало, но я не осмеливался успокоиться и продолжил осматривать его. По дороге мы видели слишком много крови, такое бывает только при повреждении артерий. А значит, надо срочно найти эту рану. Если ее не обработать, кровопотеря будет критичной, и Паньцзы умрет.

Я нашел эту рану на внутренней стороне левого бедра, она была глубокой, но кровотечение уже остановилось, образовав по краям большой кровоподтек. Надо было торопиться.

Эту рану нужно очистить и зашить, иначе она будет инфицирована, и тогда Паньцзы может лишиться ноги. Но у нас нет медицинских инструментов для этого, поэтому все мои действия будут бесполезными.

Нам действительно надо встретиться с третьим дядей, и чем скорее, тем лучше.

Я вынул компас, который дал мне Паньцзы, вытер с него кровь и попытался определить направление, но ничего не мог понять. Когда я отдал его Толстяку, он нажал на арретир(1). Я хлопнул себя по лбу, ругаясь, что сам не додумался. Слишком умный стал, что такое простое действие в голову не пришло.

Толстяк тоже был измучен, у него не было сил двигаться дальше: "Давай подождем рассвета, тогда сообразим, куда идти и сколько времени потребуется, чтобы найти твоего третьего дядю. Мы все ранены, надо еще найти и собрать потерянные вещи и передохнуть. Здесь пока

безопасно. И, если не дать Паньцзы пару часов покоя, он может не выдержать долгого перехода."

Я посмотрел на Паньцзы, казалось, он был без сознания. С такими ранами я бы определенно был давно мертв. Воля к жизни у этого парня поистине не поддается воображению. Но Толстяк прав, рана Паньцзы серьезна, он, как говорят, временно не транспортабелен. Оставалось лишь устроить его поудобнее и дать отдохнуть. Взглянув на часы, я понял, что рассвет уже скоро, и помолился, чтобы за это время больше ничего не произошло.

Сняв свою одежды, я укрыл Паньцзы, чтобы согреть. И внезапно понял, что не могу расслабиться. За эту ночь я так устал и столько пережил, что теперь меня трясло. И я никак не мог унять эту дрожь.

Пришлось сесть, чтобы отдышаться, и сделать пару глотков воды. Толстяк, рассматривая ружье Паньцзы, удивленно сказал: "Этот парень — настоящий мужик. Он чем-то забил ствол, и при выстреле ружье взорвалось прямо в голове питона. Наверно, был поврежден позвоночник, иначе эту тварь не убить."

Это было странно. В каньоне Паньцзы уже стрелял в голову этому питону. Тогда я думал, что он убил тварь. Но это был тот самый питон, я видел след от того убийственного выстрела на его голове. Даже предположить не мог, что он жив и снова нападет на нас.

"У этих змеюк поразительно высокий интеллект, — заметил Толстяк. — Думаю, он запомнил что Паньцзы стрелял в него, и преследовал нас, чтобы отомстить."

Я направил свет фонаря на тело убитого питона. Теперь я осознал, что он действительно огромен, почти как дракон. Даже мертвый и неподвижный, он внушал трепет.

Все тело змеи было покрыто крупными темно-золотистыми чешуйками размером с ладонь, а самая большая часть тела была толщиной со смоляную бочку. На теле питона было множество шрамов от ран, полученных очень давно.

Я осторожно подошел к голове змеи, держа в руке факел. Язык питона все еще подрагивал, наверно, тварь все еще была жива. Глаза были открыты, в них отражался свет, который казался отблеском адского пламени. На шее, куда стрелял в последний раз Паньцзы, зияли крупные раны с вывернутым наружу мясом и непрерывно текущей кровью, которая уже образовала на земле довольно большие лужи.

Этот питон не желал умирать так легко. Возможно, он снова выживет. Опасаясь, что он сможет снова бросится в атаку, Толстяк достал нож, собираясь отрезать твари голову. Но даже после двух ударов питон все еще был жив, а на шее даже следа не осталось.

Придя на подмогу Толстяку, я тоже попытался пробить чешую, но обнаружил, что она твердая, словно стальной доспех. Осмотрев развороченную рану, Толстяк увидел, что у этого питона чешуя расположена в два слоя, а под ней имеется очень толстая кожа. Неудивительно, что Толстяк не смог отрезать питону голову, а выстрелы Паньцзы не стали смертельным.

Вытащив из раны пару поврежденных чешуек, Толстяк сказал, что заберет их в качестве трофея и будет хвастаться перед друзьями. Он собирался положить их в карман, но я остановил его, напомнив, что под чешуей змей часто встречаются паразиты. Услышав мои слова, он вздрогнул так, словно его уже укусили.

Обернувшись, я заметил на его предплечье насекомое, похожее на паука, которое уже прокусило кожу. Я уже видел эту мерзость: клещ. Накалив кончик ножа в пламени факела, я поджег его и тут же почувствовал боль в паху. Дотронувшись рукой, ощутил, как набухает от крови кожа.

У меня в глазах потемнело. Взмахнув факелом, я увидел, что все кусты и земля вокруг нас были покрыты сплошным ковром из клещей, которые быстро ползли к нам, а некоторые, самые шустрые, уже забирались на наши голые ноги.

Примечания переводчика

(1) Арретир — рычажок, приостанавливающий движение магнитной стрелки в горных компасах и буссолях.

****

ГЛАВА 16. РАССВЕТ: ПРЕДВЕСТИЕ БЕДЫ

****

Местные клещи, хоть и похожи на обычных травяных, на самом деле жестокие хищники. Должно быть, их привлек запах крови. Оказывается, здесь этих мелких гадов великое множество, и, кажется, все они сейчас собрались в этом месте, ослабевшие от голода, а потому злые.

Я подпалил факелом ближайшие кусты, но пока занимался этим, меня несколько раз укусили за ноги. Определенно сейчас не получиться очистить территорию огнем, поэтому мне пришлось отказаться от этой идеи и искать способ прорваться через море клещей.

Толстяк сделал более мощный факел из развороченного ствола ружья. Мы оттеснили насекомых огнем и подняли Паньцзы. Спина его вся была покрыта кровавыми волдырями, должно быть, его покусали только что, но я не видел клещей на земле в том месте, где он лежал.

Толстяк прижег тех, что не успели отцепиться, подпалил траву, освободив для нас некоторое пространство, мы нашли рюкзак, который уронил Паньцзы и поспешили убраться отсюда.

К счастью, рана Паньцзы больше не кровоточила, и клещи перестали обращать на нас внимание. Отойдя на безопасное расстояние, я обернулся и увидел, что тело гигантского питона полностью покрыто шевелящимися черными точками. Скоро он превратится в такие же останки, которые мы видели в каньоне: тонкий слой кожи, покрытый чешуйками, и кости.

"Мы недооценили этих тварей, назвав одними их четырех вредителей. Наверно, они обиделись." Толстяк потерял дар речи, увидев это.

Мы отнесли Паньцзы к болоту, опасаясь, что кровь на наших телах снова привлечет клещей, поэтому постарались тщательно отмыться, промыли раны Паньцзы и выстирали его окровавленный рюкзак. Пока мы занимались этим, небо посветлело, наконец, наступил рассвет. Глядя на появившийся на востоке свет, я чуть не заплакал. Это вторая ночь, которую мне довелось провести здесь. Если возможно, пусть третья не будет такой ужасной.

Толстяк спросил меня, куда теперь идти. Я достал компас и полез на дерево, вспоминая, как это делал Паньцзы.

Свет утренней зари едва пробивался сквозь кроны деревьев и казался тусклым. Забравшись на дерево, я почувствовал, как свеж наверху воздух, мне стало немного легче. Пожалуй, в этом жутком месте тоже есть много хорошего, например, этот освежающий рассвет. Единственное, что мне не нравилось — это ужасные ночные приключения в темноте, полной всяких тварей.

Глубоко вздохнув, я осмотрелся и застыл в шоке. Перед моими глазами развернулась невероятная картина: метрах в пятидесяти от места, где мы расположились, темнел разрушенный храм.

Я не знаю, как описать свои чувства. Забираясь наверх, я рассчитывал увидеть сплошное море верхушек деревьев. От увиденного в моей голове образовалась пустота, я не знал, что и думать. Мне потребовалось время, чтобы осознать один факт: не заберись я на дерево, мы могли бы запросто пройти мимо этого храма и не заметить его.

В отличие от руин, которые мы встречали в болоте, этот храм все еще представлял собой цельное сооружение, я мог оценить его архитектурные особенности. Это было массивное и многоуровневое здание, относительно неплохо сохранившееся. В деталях рассмотреть я ничего не мог, отсюда нельзя было правильно оценить размеры, но, кажется, храм был куда больше, чем можно увидеть с такого расстояния. Отсюда мне были видны довольно многочисленные участки, свободные от растительности, где виднелись крупные валуны. Издалека барельефы на колоннах храма и стенах были похожи на крошечные узоры и казались утонченной росписью.

Спустившись, я повел Толстяка в ту сторону. Меньше, чем через пару минут мы вышли из леса и оказались недалеко от развалин. Лес вокруг постепенно редел, идти стало легче.

Отсюда руины храма выглядели еще более впечатляющими и на первый взгляд чем-то напоминали Ангкор-Ват. Повсюду каменные коридоры и непонятного назначения квадратные башни. Выбравшись из леса и узрев такую панораму, Толстяк просто онемел от изумления. Да и я, хоть уже видел это с высоты дерева, не мог не высказать восхищения: "Если это место отреставрировать, оно могло бы стать девятым чудом света, веришь?"(1)

"Верю. Чудо не девятое, но точно наше китайское, — Толстяк внезапно что-то увидел и указал мне в ту сторону. — Посмотри туда."

Проследив за направлением его руки, я увидел дюжину палаток на ровной земляной площадке перед храмом — там был разбит полевой лагерь.

Палатки из серого брезента, разного размера, по всему видно, что использовались они уже не в первый раз. Подробностей издалека не видно, но это точно не палатки из снаряжения А Нин, их экспедиция была оснащена всем самым новым и очень качественным. В моем сердце вспыхнула надежда, а Толстяк уже кричал: "Это палатки твоего третьего дяди, я, Толстяк, их с первого взгляда узнал!"

Я бы тоже закричал, если бы не задохнулся от восторга. Гряды гор, вода кругом – и нет пути вперёд, но вдруг открылось предо мной селение под сенью ив(2). Кажется, что Бог наигрался со мной и хочет, чтобы я отдохнул.

Мы с Толстяком немедленно бросились в лагерь. Не знаю, откуда только силы взялись. В голове стучала лишь одна мысль: "Спать! Хочу лечь и уснуть!"

Мы бежали по открытой местности к руинам. Это была большая площадка, по краям которой расположены крупные серые валуны, а между ними бассейны с чистой прозрачной водой. На дне виднелись какие-то сооружения, похожие на коридоры, уходившие в темноту. Очевидно, это были не бассейны, а части храмовой архитектуры, расположенные в свое время выше уровня воды. Но сейчас их затопило. Скорее всего то, что мы видим — лишь небольшая верхушка настоящего храма, я даже не могу представить, насколько величественным было это здание.

Подбегая к лагерю, Толстяк звал людей по именам, но ему никто не отвечал. Добравшись до палаток, мы сразу поняли: что-то не так.

Лагерь был пуст: вокруг тихо, ни звука, ни шевелящихся теней, ни следа какой-либо активности.

Мертвая тишина заброшенного лагеря.

Подбежав к первым палаткам, мы остановились. Пережившие столько потрясений этой ночью, измученные, мы уже поняли, что тут никого нет. Толстяк тяжело дышал и молчал, задрав голову, словно слушал утреннее солнце. В лагере не было ни звука, ни шороха, как в том тропическом лесу, что мы покинули недавно. Но от усталости я даже злости не испытывал.

Толстяк пробормотал: "Плохо это. Кажется, мы опоздали."

Примечания переводчика

(1) "Если это место отреставрировать, оно могло бы стать девятым чудом света." Говоря о девятом чуде света, У Се и Толстяк имеют в виду так называемое девятое чудо Китая: гроты Лонгью (Longyou Grottoes), построенные в провинции Чжэцзян в 212 году до нашей эры, о котором можно писать бесконечно.

(2) "Гряды гор, вода кругом – и нет пути вперёд, но вдруг открылось предо мной селение под сенью ив." □□□□□□□□□□□□□□□□□□□ – идиома, близкая по значению западному "свету в конце тоннеля". Ее происхождение литературное, впервые в таком значении эту фразу использовал в своем известном стихотворении "Прогулка к селению" китайский поэт Лу Ю.

****

ГЛАВА 17. РАССВЕТ: ТИХИЙ ЛАГЕРЬ

****

Наше приподнятое настроение мгновенно улетучилось. Стоя перед опустевшим и тихим лагерем, мы смотрели друг на друга, и у меня слезы подступали к горлу. Я слишком устал, чтобы пытаться решить еще одну трудную задачу. Мне казалось, что я схожу с ума, точнее, что этот ненормальный лес делает все, чтобы свести меня с ума.

Толстяк оказался менее эмоциональным и более выносливым, чем я. Усадив Паньцзы спиной к камню, он предложил мне пойти осмотреться. Тумана вокруг уже не было. Подняв небольшой камень, он бросил его в проход между палатками. Какое-то время мы наблюдали издалека, но ничего не происходило. И мы пошли в лагерь.

Оказавшись там, я заметил, что третий дядя в этот раз подготовился основательно: тут были генераторы, мощная походная печь и, помимо палаток, прочный навес. Под ним я увидел большой плоский камень, на котором, как на столе, были разложены документы в файлах, прижатые мелкими булыжниками и с одного края стаканы с зубными щетками. С другой стороны камня был укреплен штырь, от которого к палаткам тянулись лианы с развешанным на них бельем. Обстановка тут была похожа на обычный туристический лагерь.

И ничего странного: нет ни следов борьбы, ни крови. Но и людей нет, словно они все спешно ушли.

В центре лагеря мы нашли костер, прогоревший до пепла, а возле него лежали несколько неиспользованных дымовых шашек. Казалось, что все в порядке. Но вчера именно отсюда поднимался сигнальный красный дым.

Занавеска палатки, что была поставлена ближе всего к навесу, поднята, но внутри никого. Прямо как в безвкусном гонконгском фильме.(1)

Стараясь не шуметь, Толстяк подошел поближе к палатке и выжидательно уставился на меня, ничего не понимая.

Я припомнил цвет сигнального дыма, что видел вчера, опасаясь, что ошибся. Но Паньцзы сказал, что красный цвет обозначает предупреждение "не приближаться, опасность". Понятное дело, что-то произошло, раз отсюда подали именно такой сигнал. Я не мог отнестись к этому спокойно. Где все люди? Что же здесь произошло?

Беспокойство в моей душе нарастало. Если бы мы были хорошо экипированы и имели запас еды и воды, то стоило немедленно уйти отсюда и поискать безопасное место, откуда можно было наблюдать за лагерем. Но мы были измотаны, я с ужасом думал о том, что надо куда-то идти. Кроме того, Паньцзы может не перенести еще одного перехода, надо было срочно оказать ему помощь.

На камне под навесом Толстяк обнаружил початую пачку сигарет и закурил одну. Но он был такой уставший, что после пары затяжек почувствовал слабость. Я тоже несколько раз затянулся. Через какое-то время проявилось возбуждающее действие табака, и я почувствовал себя немного бодрее.

Передохнув, мы отнесли Паньцзы в одну из палаток. Она была просторной, там могли свободно разместиться четыре человека, но мы обнаружили всего два рюкзака. На брезентовых креплениях было много всякой всячины: фонари, часы, я даже заметил mp3-плеер. Но электрической проводки от портативных генераторов не было. Интересно, заряжены ли те генераторы, что стоят снаружи? Слишком расточительно использовать для освещения лагеря переносные фонари на батареях, если есть источник электричества.

Но тут, наконец, мы можем немного расслабиться. Сняв одежду с Паньцзы, мы удалили с его кожи оставшихся клещей. Толстяк обшарили один из рюкзаков и нашел аптечку. Заставив Паньцзы сделать пару глотков водки, остатками ее мы продезинфицировали раны, затем Толстяк обошел лагерь, обыскивая палатки одну за другой. Он вернулся с коробкой, где были иглы и нитки, собираясь зашить раны.

Паньцзы уже проснулся и ошеломленно оглядывался вокруг. Глядя на него, я гадал, в здравом ли он уме. Когда Толстяк начал зашивать рану, его лицо перекосилось от боли, но он не сопротивлялся.

Увидев, как быстро Толстяк работает иглой, я был удивлен: "Ты делал это раньше? Где ты этому научился?"

"Я ж тебе рассказывал, что жил в горных деревнях. Ввысь в горы, вниз в села(2), я должен был сам о себе заботиться, в том числе и шить. Но вот человеческую кожу штопаю впервые. Может быть, мне вышить какой-нибудь узор, чтобы Паньцзы стал красивым?"

Я знал, что он шутит, и пару раз хихикнул, но с осуждающим видом, показывая, что шутки сейчас не уместны.

На Паньцзы было больно смотреть. К счастью, хоть этот ненормальный питон и был большим, но зубы у него оказались короткими, иначе бы он добрался до внутренних органов. Однако,

Паньцзы потерял много крови, боюсь, восполнить эту потерю будет не так легко. Глядя на шрамы, покрывавшие его тело, я внезапно осознал: каждый раз отправляясь куда-то, он попадает в переделки. Но если он до сих пор жив, его опыт заслуживает уважения. Неудивительно, что третий дядя полагается на него, этот человек знает свое дело. Но ведь жить так просто невыносимо.

Хотя, возможно, ему такой образ жизни кажется нормальным. Я задумался, насколько у него развит инстинкт самосохранения, если он, каждый раз получая такие травмы, восстанавливается?

"Это не самосохранение, а саморазрушение, — возразил мне Толстяк. — Мне знаком такой тип людей. Знавал я одного бандита. Когда он служил, его отряд попал в засаду, все погибли страшной смертью, выжил лишь он. После демобилизации он не мог найти в мирном обществе свое место. Казалось, он жалел, что не умер там, вместе с остальными, словно в том, что они умерли, а он жив, была его вина. Когда мы с ним находили проблемы на свои задницы, мне казалось, что он сознательно ищет смерти и лезет на рожон. Но на самом деле это было не желание умереть, в привычка быть в опасности. Если он будет жить, как все нормальные люди, то сойдет с ума. Наверное, твой третий дядя с его постоянными проблемами для старшего Паня — как соломинка для утопающего, спасающая его рассудок."

У меня не было такого опыта, чтобы понять, о чем говорит Толстяк, но я заметил, как задрожали его руки, и посоветовал прекратить треп и сконцентрироваться на деле.

Совместными усилиями через час мы закончили обрабатывать раны Паньцзы. Смывая с рук кровь, Толстяк вздохнул с облегчением, а Паньцзы заснул.

Когда мы вышли из палатки, пришлось присесть, так как ноги предательски дрожали. Но Толстяк никак не мог успокоиться. Оглядываясь настороженно, он сказал: "Не нравится мне здесь. Думаю, на какое-то нам придется тут задержаться, но хорошо бы не надолго."

Я кивнул и хотел встать, но понял, что ноги меня не слушаются. Толстяк дважды дернулся, но, вероятно, тоже ослаб. Мы горько улыбнулись друг другу: хреново себя чувствуем, но мы все же вместе.

Сил больше не осталось. Даже если сейчас произойдет что-то страшное, боюсь, я даже шевельнуться не смогу. Мои разум и тело дошли до предела усталости, в данный момент от меня никакого толка нет.

Заметив мой убитый вид, Толстяк успокаивающе сказал: "Сейчас возвращаться в джунгли небезопасно. Тут тоже, но я предпочту умереть в удобном лагере, нежели в сыром и темном

болоте. И вообще, если меня сожрет самая огромная змея в мире, я могу считать себя большой знаменитостью."

Шутить в таком состоянии — в этом весь Толстяк. Но сейчас я кивнул, искренне соглашаясь с ним. Мне уже доводилось попадать в неприятности, но в этот раз, кажется, перебор. Я много сил потерял, пересекая Гоби, и, добравшись до каньона, был уже на пределе. Но тогда мы хотя бы имели достойное снаряжение. Сейчас я измотан, а ведь мы только в начале пути — эта мысль пугала меня. Даже есть я выживу и пройду все до конца, мне предстоит обратная дорога. Если А Нин с работающей рацией на самом деле бродит где-то в болотах, возвращение может стать настоящим кошмаром.

От гнетущих мыслей заболела голова, я не хотел думать об этом.

Мы немного отдохнули, заварили чай, съели немного сухого пайка, а затем сняли мокрую одежду, находится в которой было уже невозможно. Подыскав подходящий валун, мы разложили ее сушиться, и я осмотрел свои ноги: все в ссадинах от колючек, сквозь которые пришлось продираться ночью. Ободранная кожа словно горела в огне, особенно когда я промывал ссадины водой, но это было не опасно.

Местные клещи — отвратительные твари. Спереди на ногах не было ни одного укуса, они выбирали, где потоньше кожа и ближе сосуды: под коленями и на задней стороне щиколоток. Некоторые до сих пор висели на коже, раздувшиеся от крови. Толстяк нашел инсектицидный спрей и обрызгал клещей, которые сразу же отвалились. Я хотел передавить их, но он остановил меня, напомнив, что на запах крови могут приползти другие. Клещей мы побросали в огонь, где они сгорели, весело потрескивая.

Пока мы возились, заварился чай, очень ароматный, я выпил немного, затем нашел в себе силы вымыть ноги. Мышцы, которые я до этого времени совсем не чувствовал, под холодной водой заболели, я почувствовал, как нестерпимо чешется кожа. Но чувствительность восстановилась не до конца: я так и не смог встать, ноги не сгибались в коленях.

Прошлой ночью я был единственным, кому удалось хоть немного поспать. Поэтому, несмотря на то, что глаза слипались, предложил сначала отдохнуть Толстяку и прислонился спиной к валуну, собираясь охранять его сон.

Солнце уже поднялось, и руины храма теперь хорошо были видны. Вокруг было тихо и безветренно. Я предполагал, что Толстяк не сможет быстро заснуть, но он, прислонившись к валуну спиной, вырубился сразу же, застыв с недокуренной сигаретой во рту. Его громовой храп был единственным звуком в опустевшем лагере.

Я забрал сигарету из его рта, чтобы докурить. Изо всех сил я боролся с накатывающими волнами сна, мотая головой, но веки сами собой закрывались, тяжелые, словно были налиты свинцом.

Утренняя прохлада отступила, и солнце стало жарким. Собравшись с силами, я добрался до навеса и заставил себя разобраться в своем рюкзаке. И тут заметил записную книжку Вэньцзинь, спрятанную в самой глубине.

Опасаясь, что эти драгоценные записи будут повреждены, я еще в пустыне обернул блокнот в свои носки. С тех пор, как мы вошли в каньон, у меня не было времени читать эти записи, а сейчас подумалось, что они могут быть бесполезны.

Вэньцзинь побывала здесь давно, прошло много лет. Хотя для древнего города это всего лишь мгновение, но для природы вполне достаточно, чтобы поменялся рельеф и выросли новые деревья.

Написав, что тут много змей, Вэньцзинь была права. Но я-то думал, что речь шла об обычных змеях, а они оказались такими жуткими. Неужели она не заметила эти странности? Или не придала им значения?

Помню, что в ее записках было много путевых заметок об оазисе. Надо бы все же перечитать их, вдруг найду что-то полезное для нас. Но сейчас в моей голове крутилась лишь мысль о том, как выбраться отсюда, поэтому я решил пропустить описания болота и перейти к последней части.

Однако я так устал, что иероглифы в блокноте навевали сон, пришлось пару раз умыться холодной водой, чтобы отогнать сонливость и укрепить свой дух. Пролистав несколько страниц, я понял, что толку от такого чтения нет, приходилось долго смотреть на каждое слово, чтобы понять его значение, мой мозг отказывался работать.

Сквозь накатившую дрему я услышал слабый голос, словно Паньцзы звал меня: "Молодой третий господин."

Проснувшись, я в первую очередь подумал, что ему надо что-то, протер глаза и встал, морщась от боли. Но вокруг была мертвая тишина.

У меня сердце замерло: неужели у меня слуховые галлюцинации начались? Я сразу потер

виски, и в этот момент услышал тихий голос из дальнего угла лагеря, словно там кто-то горестно посмеивался.

Сердце оборвалось: неужели вернулись змеи?

Выбежав на открытое место, я огляделся — никого. Крикнул: "Кто здесь?" Но ответа не получил. Прошелся между палаток — никого не было.

Что за наваждение? Похлопав себя по щекам, я попытался привести нервы в порядок и успокоить бешено бьющееся сердце. Эта тишина пугала.

Какое-то время я прислушивался, но ничего не происходило. Вернувшись под навес, я сделал пару глубоких вдохов и закурил, стараясь отогнать накатившую панику. Неужели я схожу с ума?

И тут я понял, что это не сумасшествие: на камне, заменявшем стол, я увидел следы грязи. Они были заметны издалека. Но только что, когда я читал, засыпая, их не было.

Насторожившись, я осмотрелся: грязью были испачканы документы, придавленные булыжниками, словно их кто-то пытался просмотреть. Записная книжка Вэньцзинь тоже лежала не на том месте, где я оставил ее, и была испачкана.

В мгновение ока сон как рукой сняло.

Кто это сделал? Так много грязных следов. Это Вэньцзинь? Она увидела свои записки и решила их перечитать? Или это монстр, в которого превратилась А Нин?

Я снова огляделся и, не увидев никого, пошел по следам. Они вели к палатке, где мы оставили Паньцзы. Беспокоясь, не случилось бы с ним чего плохого, я вооружился булыжником и отправился будить Толстяка.

Это дело не простое. Несколько раз я крепко встряхнул его, но он даже не пошевелился. Шуметь я не решался и, собравшись с духом, пошел к палатке один.

Полог был опущен. Подойдя, я заметил грязный отпечаток руки на нейлоне. От нехорошего предчувствия сдавило горло.

Глубоко вздохнув, я попытался представить свои дальнейшие действия. Приподнять занавеску, с криком ворваться внутрь. Если тот, кто оставил следы, бросится на меня, ударить камнем.

Сжав булыжник в ладони, я сообразил, что держать его неудобно, но искать другой нет времени. Еще раз вздохнув, набравшись храбрости, я вошел. Перед Паньцзы на корточках сидел человек, весь испачканный грязью.

Заорав, я собрался броситься к нему. Он обернулся, и я чуть не подавился собственным криком. Грязное лицо было не узнать, но эти глаза я всегда буду помнить.

Это был Молчун.

_____

Примечания переводчика

(1) Как в безвкусном гонконгском фильме. В оригинале использовано выражение "гонконгские ноги"(□□□□□□) . Китайские искусствоведы в публицистике используют это образное выражение, описывая безвкусные гонконгские фильмы, уделяющие внимание зрелищности в ущерб идее и сюжету.

(2) □□□□□ — кампания "ввысь в горы, вниз в села" (движение в ходе "культурной революции" в КНР по отправке части студентов, рабочих, военных из городов в сельские районы Китая)

****

ГЛАВА 18. ВТОРАЯ НОЧЬ: СНОВА ВСТРЕТИЛИСЬ

****

Думая, что это Вэньцзинь последовала за нами до лагеря, я зашел в палатку с камнем в руке, чтобы иметь возможность обезвредить ее. Но это оказался Молчун, покрытый грязью настолько, что я с трудом его узнал.

Его внешний вид впечатлял: грязь покрывала не только одежду, но и лицо, и волосы. Даже раны на его плечах были заляпаны землей. Нормальный человек давно бы уже заполучил

заражение крови. Но это же Молчун: даже израненный прошлой ночью, он чувствовал себя гораздо лучше нас, относительно целых.

Я не знал, что подумать, и застыл в недоумении, выронил камень и пробормотал: "Я думал... что ты... это..."

Не обращая внимания на мое бормотание, он быстро спросил: "Еда есть?"

Я вспомнил, что, когда он бросился в болото, то ничего не взял с собой. Если так, то он ничего не ел больше двадцати часов.

Я потащил его с камню под навесом, налил чаю и дал сухой паек, который он схомячил с равнодушным выражением лица.

Когда он закончил жевать, я вытер ему руки тряпкой и спросил, как его дела? Что случилось после того, как он сбежал? Сумел ли он догнать Вэньцзинь?

С серьезным видом, вытирая грязь с лица, он рассказал обо всем очень кратко, но доходчиво.

Накануне он преследовал Вэньцзинь больше шести часов, но даже ему было сложно гнаться в джунглях за тем, кто ориентировался там лучше него. В конце концов он потерял след и заметил, что заблудился.

Ни компаса, ни оставленных заранее ориентиров и меток. Единственное, что он мог — это рассчитать приблизительно свою скорость, учесть направление, тогда можно было вернуться туда, где мы расстались. Но в тот момент было темно, ему пришлось сделать остановку, чтобы дождаться рассвета, ведь бегать по переплетениям корней в темноте — не самая лучшая идея.

Так же думали и мы, когда ждали его возвращения. Толстяк тогда предположил, что Молчун вернется с рассветом, но утром ситуация изменилась. Мы увидели дымовой сигнал и пошли на помощь.

Молчун тоже видел сигнальный дым, но все равно сначала пошел к месту, где мы расстались, нашел нашу записку и затем отправился следом, ориентируясь на дымовой сигнал. Но мы шли не по прямой, потому и не столкнулись друг с другом по дороге. Лишь сегодня под утро он услышал выстрелы и пошел в этом направлении. Так и вышел к лагерю.

Слушая его, я понимал, что нет худа без добра: если бы прошлой ночью нам не пришлось бы отстреливаться, Молчун бы не смог нас так легко найти. Жаль только, что в тот момент его не было с нами. К тому времени я уже смирился с его отсутствием и считал, что больше никогда его не увижу.

Наблюдая, как он вытирает грязь с тела, я спросил, где он умудрился так измазюкаться. Хотя мы тоже не блистали чистотой, но до него нам было далеко. Что могло случиться?

"Ничего не случилось, я сам вымазался," — ответил Молчун

Я был до крайности удивлен, представив, как он катается в грязи, словно бегемот. Неужели его так замучили блохи? Но зачем? Он, конечно, худой, но не настолько, чтобы опасаться блох, которые даже курицу убить не смогут.

Глядя на свою грязную руку, Молчун объяснил: "Это от змей..."

"От змей?!"

"Вэньцзинь находилась здесь очень долго. Значит, ей был известен способ, как избежать столкновения с змеями. Ее внешний вид, когда я погнался за ней, был необычен: какая женщина захочет разгуливать перепачканной грязью. Должна быть связь. И я понял, что грязь — это тот самый способ. Когда я измазался, змеи словно перестали меня замечать."

В его рассуждениях был смысл. Измазанная грязью Вэньцзинь была для змей словно призрак. Змеи находят свою добычу не только по запаху, но и по тепловому излучению, которое свойственно всем млекопитающим. Если полностью покрыть кожу грязью, теплоотдача будет слабее, можно даже скрыть запах — это действительно может помочь.

Я был в восторге, это действительно хорошие новости. Теперь наши шансы выжить в этих адских джунглях стали немного выше.

Молчун закончил вытираться, осмотрел лагерь и спросил: "А где все? Здесь разве никого нет?"

Я кивнул и рассказал ему, что мы тут нашли.

Стараясь быть максимально кратким, я начал с того, что мы добрались сюда чуть раньше, чем он, но к тому времени лагерь уже был пуст. Выглядит это очень странно: все личные вещи на

месте, нет следов спешки или борьбы, словно все, кто был здесь, просто погулять вышли на минутку.

Слушая молча, он смотрел на окружавшие нас палатки и хмурился. Вид у него был какой-то смущенный.

"Хорошо, что ты вернулся, — закончил рассказ я. — Из-за Паньцзы мы не можем покинуть лагерь. К тому же мы очень устали. Если я не отдохну, то скоро концы отдам. Но теперь нас на одного больше."

Он искоса посмотрел на меня: "В данной ситуации одним больше или меньше — никакой разницы."

Его слова удивили меня. Молчун встал и, взяв ведро, отправился к бассейну. Там он снял одежду и окатил себя водой, я помог ему смыть грязь со спины. Он был молчалив, как обычно, я не знал, о чем говорить, и был немного подавлен. Но, в конце концов, это здорово, что он вернулся.

Закончив мыться, он вернулся под навес, сел и закрыл глаза, собираясь отдохнуть. Я постарался не беспокоить его, но заснуть уже не смог, поэтому тоже устроил себе импровизированный душ. После этого мне стало немного получше. Я набрал в ведро воды и пошел проверить Паньцзы. Он спал беспокойно, а тело стало горячим. Но после обтирания холодной водой он снова спокойно заснул.

Потом я проверил Толстяка: кажется, он в моей заботе совсем не нуждался. Сев за плоский камень, я принялся разминать уставшие ноги. Разбираться с записками Вэньцзинь мне совсем не хотелось. Глядя на Молчуна, я поначалу удивился, что он так быстро заснул, но потом вспомнил, что он вымотался не меньше нашего, гоняясь за Вэньцзинь, даже могучий архат не выдержит таких испытаний.

Я так и остался сидеть, отдыхая. Только после трех часов пополудни проснулся Толстяк. Сонный, он встал и удивленно уставился на Молчуна, издав лишь короткое озадаченное "Ага." После долгого молчания он произнес: "Святое дерьмо! Я же не сплю, правда?"

Молчун сразу открыл глаза, словно и не спал вовсе. Он посмотрел на Толстяка, потом на небо и сел поудобнее. Толстяк протер глаза: "Похоже, это не сон. Товарищи, рабочие, крестьяне и солдаты, вы, наконец, перешли на сторону Красной армии!"

Молчун обладал странной способностью: он молчалив, сдержан и старается быть незаметным, но его присутствие оказывает на остальных позитивное действие, подобное уколу стимулятора. Я заметил, что Толстяк искренне был рад возвращению Молчуна. Мне тоже стало спокойнее. Думаю, и самого Молчуна не радовало бродить по лесу в одиночку.

Толстяк сел рядом со мной, откашлялся, сплюнул кровь и сказал: "Теперь все плохое позади, младший брат вернулся. Теперь мы должны следовать за ним и делить пищу, верно?"

Глядя на сгусток крови на земле, я подумал, что ему ведь тоже ночью сильно досталось, может быть, что-то серьезно повредил. Но кажется, Толстяка это совсем не волновало, вел он себя, как обычно, и я решил позволить ему самому беспокоиться о его здоровье.

Молчун на шутки ничего не ответил. Толстяк протянул мне сигарету, умылся водой из чайника и спросил, что приключилось с Молчуном. Я пересказал ему то, что тот мне уже поведал.

Толстяк внимательно слушал, кивая. Узнав, что от змей помогает грязь, он был просто счастлив: "Охуенный рецепт. Теперь мы можем гулять по болотам и не париться. Эти мерзкие червяки только что снились мне. Одна сначала ползала по мне, потом залезла в штаны и отказывалась оттуда вылезать, напугав меня до смерти."

Я засмеялся, подумав, что без присутствия Молчуна мне эта шутка не показалась бы смешной, и подначил: "Наверное, она перепутала твои яйца со своими. Кстати, змееныши не вылупились?"

"Пока нет, — ответил Толстяк. — но я весь день был такой мокрый, что, боюсь, что мои яйца — уже не яйца, а рыбья икра. Надо будет потом на солнце просушить, чтобы не заплесневели."

Я снова расхохотался, и Толстяк влепил мне пару подзатыльников: "Чего ржешь, засранец? Я твою девственность уважаю, потому пока еще этого не сделал. А вообще можем оба вытащить и просушить хозяйство на солнышке. Готов?"

Я покачал головой: "Нет, Толстяк, хватит смешить. Мне бы отдохнуть маленько." Хотя я и был взволнован, но накопившаяся усталость никуда не исчезла. Я заснул сразу, как только лег, вероятно, присутствие Молчуна принесло моей душе облегчение. Проснулся я лишь вечером.

Солнце приобрело уже красноватый закатный оттенок, а ноздри щекотал аромат еды. Это Толстяк что-то готовил. Сделав пару шагов, я понял, как чувствуют себя воскресшие мертвецы из американских фильмов: мышцы ныли и отказывались сокращаться. Эти ощущения

невозможно описать.

Я едва смог добраться до костра и облокотился о камень. Руки дрожали. И тут я услышал разговор: Толстяк спрашивал Молчуна, что им теперь делать.

Неужели этот идиот снова начал свою песню и том, чтобы свалить, пользуясь тем, что Паньцзы без сознания? Да никто ведь не заставляет его искать моего третьего дядю. Но он теперь и Молчуна втягивает в свои игры. Я прислушался. Толстяк тихо говорил Молчуну: "Нельзя рассказывать это У Се, иначе он с ума сойдет..."

****

ГЛАВА 19. ВТОРАЯ НОЧЬ: СЕКРЕТ

****

Я готов был рвать и метать. Толстяк услышал, что я пошевелился, обернулся и, смутившись, спросил: "Проснулся? Давай покормлю, поешь горяченького."

"Что ты сейчас сказал? — сердито перебил его я. — О чем мне не надо рассказывать?"

Выражение лица у меня, вероятно, было злобное, ненавижу, когда от меня что-то скрывают. Хотя догадываюсь, что у Толстяка могли быть для этого причины, но меня это все равно бесило.

Толстяк сделал вид, что не понимает: "Что я сказал? Я сказал, что не хочу тебя беспокоить, чтобы не утомлять. Ты что-то не так понял."

Сделав пару глотков воды, я присел рядом с ним и настойчиво потребовал: "Не надо вести себя, как мой третий дядя. Ты меня не обманешь. Что, мать твою, происходит? Рассказывай побыстрее, я от тебя не отстану, пока все не узнаю."

Толстяк неуверенно смотрел на мою злобную гримасу, я же решил не поддаваться на его уловки и продолжал настаивать: "Говори сейчас же. Ты хотел что-то скрыть от меня. Но я об этом узнал, и не надо теперь дурачка строить. Не проще ли просто поделиться со мной? Или так прямо и скажи, что нам не по пути. Ты же знаешь, я ненавижу, когда от меня что-то скрывают. Не хочешь быть со мной откровенным, я дальше пойду один. И, если погибну, моя смерть будет на твоей совести."

Толстяк почесал в затылке: "Ты ведешь себя, как последняя сука. Жить или подохнуть — дело

твое. Но если я тебе что-то не рассказываю — это для твоего же блага."

"Вот же попугай конченный, — выругался я. — Я столько раз слышал эти слова, все хором твердят, что хотят мне добра и действуют во благо. Но позволь мне самому судить, что для меня хорошо, а что плохо."

Сравнивая Толстяка с третьим дядей, я на самом деле так не думал. Они совсем не похожи. Толстяк не будет настаивать, если понимает, что не прав, он не столь упрям — и это качество я в нем ценю.

Толстяк покосился на Молчуна, вздохнул и ответил: "Ладно. Пошли покажу кое-что."

И он направился к камню под навесом. Сейчас на нем лежали разбросанные документы, которые до этого были аккуратно сложены, видимо, Толстяк их просматривал. Он собрал их и аккуратно сложил стопкой, освободив поверхность. На краю камня были нацарапаны несколько иероглифов, на которые он и указал мне.

Уже стемнело, свет костра сюда не доходил. Толстяк зажег фонарь и посветил мне. Прочитав надпись, я просто ошалел. Там было написано следующее:

"Мы нашли вход во Дворец Сиванму. Пути назад нет. Прощайте и не сожалейте ни о чем. Это место опасно. Не задерживайтесь здесь."

Я так и застыл в недоумении, а Толстяк пояснил: "Я увидел это, когда просматривал бумаги. Изначально эта надпись была прикрыта, словно ее специально спрятали... Кажется, твой третий дядя окончательно решил умереть. Этот сукин сын решил покинуть тебя навсегда."

Это действительно был почерк третьего дяди. Хотя написано было криво и явно в спешке, но я хорошо знаю особенности письма своего дяди. Ошибки быть не могло — это писал именно он, но очень торопился.

Удивительно, я думал, что, узнав о проблемах дяди, почувствую беспокойство или гнев. Но сейчас мои разум и душа были пусты: ни чувств, ни эмоций, ни мыслей.

Толстяк подумал, что я подавлен, похлопал меня по плечу, желая подбодрить, но ничего не сказал. Я подошел поближе, еще раз внимательно перечитал надпись, но все равно ничего не почувствовал.

В последнее время безопасность дяди меня не сильно волновала. Да, я не желал, чтобы с ним случилась беда, но мы постоянно оказываемся в таких ситуациях, где ничего нельзя заранее предугадать. Я понимаю, что любой из нас может умереть в этом адском лесу, и переживать из-за этого нет смысла, лучше потратить силы на что-то более полезное.

Примерно так же ведут себя люди на войне: там высока вероятность смерти, и людей в первую очередь волнуют тактические и стратегические задачи, а не безопасность кого-то одного.

Я внезапно почувствовал, что понимаю, о чем думал третий дядя. Он писал это для меня, и это было настоящим проявлением любви ко мне. Если бы у меня был племянник, я бы точно так же, оказавшись в опасности, предупредил бы его и требовал, чтобы он отступил. Он не хочет, чтобы я рисковал, потому не раскрывает подробности. И это верное решение.

Случись подобное несколько месяцев назад, я бы сильно переживал, понимая, что больше никогда не увижу своего дядю. Впрочем, я и теперь буду в некоторой степени сожалеть.

Но я уже не тот, кем был раньше. Сейчас я уже не только иду по следам своего дяди, а сам пытаюсь решить те загадки, что мне подбросили. Поэтому из его предупреждения я сделал два вывода: он все еще жив, и он нашел нужное направление. Это совсем неплохо, вероятно, потому у меня на сердце царит полный покой.

Не знаю, почему я так рассуждаю: то ли повзрослел, то ли это усталость так сказывается. Возможно, это просто отговорки. Но я воспринимал ситуацию легко: дядя просто снова был далеко.

Некоторое время я молча смотрел на иероглифы, потом обернулся. Толстяк схватил меня за плечи и начал утешать: "Я не хотел, чтобы ты это увидел. Лучше, если беспокоиться буду я один. Ты ничего не можешь изменить, потому не думай слишком много."

Мне не хотелось объяснять ему, что вообще-то мне пофиг, потому я промолчал. Он заграбастал меня в объятия и потащил к костру, где сунул мне миску в руки и потребовал, чтобы я поел.

Это было сваренное прессованное печенье(1). Но у меня не было аппетита, и я жевал очень медленно. Толстяк решил, что я все еще расстроен, и продолжал утешать меня: "Твой третий дядя не так прост, как другие люди. Просто так он не умрет: если уж ему суждено погибнуть, то смерть его не будет обычной. Впрочем, у него очень большой опыт. Если он сказал, что там опасно, это не значит, что он погибнет."

Я вздохнул и ответил, что со мной все в порядке. Я привык к таким ситуациям, и сейчас думаю не о дяде, а о том, куда он пошел.

Еще когда в джунглях я увидел красный сигнальный дым, у меня мелькнула мысль о том, что мы не найдем третьего дядю. Но не потому, что он погиб: просто не в его привычках сидеть и ждать. Он просто сообщил об опасности и пошел дальше.

Как оказалось, я был прав. Но я не ожидал, что третьему дяде удастся так быстро найти вход во дворец Сиванму, и это означало, что его нынешнее местонахождение нам не известно.

Я рассуждал так. Третий дядя расположился здесь лагерем, затем нашел вход. Они покинули лагерь, оставив его так, словно что-то случилось. Перед этим он подал дымовой сигнал об опасности и оставил на камне сообщение. И все это с одной целью: чтобы я не пошел следом. И возвращаться назад он на самом деле не собирался.

Однако, его слова "пути назад нет" я не воспринимал фатально. Третий дядя не из тех людей, что легко смиряются со своей судьбой. Да, вполне возможно, во дворце Сиванму немало опасностей, и даже есть вероятность смерти. Но есть и другие причины, по которым нельзя вернуться назад.

Кажется, я правильно понял его предупреждение.

Значит, вход во дворец Сиванму должен быть где-то поблизости, вероятно, в древнем храме. Я не знаю, насколько осведомлен был третий дядя, но точно лучше, чем мы. Остается только догадки можем строить.

"Тогда давай пойдем и поищем какие-то следы, — предложил Толстяк. — Может быть, сможем выяснить, куда ушел третий дядя. Верно, младший брат?"

Говоря это, он подмигнул Молчуну, наверно, желая, чтобы тот тоже присоединился к утешениям. Однако тот покачал головой и, увидев мой вопросительный взгляд, сказал: "Если это написал У Саньсин, то мы точно не сможем найти вход."

"Почему это?" — Толстяка эти слова, кажется, не убедили.

Глядя в костер, Молчун ответил: "У Саньсин не дурак, понимал, что, когда мы прочитаем его сообщение, то будем искать вход поблизости. А он не хочет, чтобы У Се шел следом. Поэтому

он не стал бы оставлять сообщение там, где вход. Даже если он и рядом, то найти его очень сложно. Или найти легко, но попасть туда не получится."

То, что он сказал, имело смысл. Я вздохнул, сообразив: вряд ли мы сможем найти то, что обнаружил третий дядя. Он тщательно замел следы, чтобы я не пошел следом.

Толстяк опечалено пробормотал: "Так что получается, мы зря сюда шли?"

Молчун кивнул: "Возможно, это даже к лучшему. Для тебя к лучшему."

"Да что за нахуй! Толстяк перся через Гоби, скакал, как обезьяна, по деревьям, ломился через джунгли, вымок в болоте только для того, чтобы здесь позагорать? Это, по-твоему, "к лучшему"? — Толстяк почесал затылок и облокотился на камень. — Здесь все оставлено в полном порядке. Возможно, какие-то следы остались, просто мы не заметили."

Молчун поднял голову и возразил: "Возможно, есть способ найти вход во дворец Сиванму." Затем он оглядел лагерь и продолжил: "Но сейчас важно другое. Что-то с этим лагерем не так. Возможно, У Саньсин предупреждал о настоящей опасности."

Примечания переводчика

(1) Сухое прессованное печенье,□□□□ — вид сухого пайка, как правило, использующийся в армии. Можно есть и в сухом виде: обычно брикеты такого печенья имеют ризки, отмечающие суточную норму калорий. Но есть вариант и разварить в кипятке, тогда в зависимости от количества воды получается либо густая паста, либо однородный суп-пюре.

****

ГЛАВА 20. ВТОРАЯ НОЧЬ: ДУМАТЬ ЗАДОМ НАПЕРЕД

****

Глядя на костер, Молчун спокойно объяснил нам, что его смущает. Он заметил, что здесь осталось слишком много рюкзаков. Да, третий дядя взял с собой большую команду, но не могут же все нести по два рюкзака. Кроме того, эти рюкзаки разбросаны по всему лагерю без всякой системы. Не похоже, что их специально собрали, чтобы оставить в лагере, как лишний груз.

Лагерь действительно покинули быстро, но спокойно. Однако, ситуация, в результате которой они ушли, определенно была необычной.

На самом деле, я тоже заметил эти подозрительные несоответствия, но объяснить их можно по-разному. Поэтому, выслушав Молчуна, я предположил: "Может быть, на поиски входа отправились не все. Это дело опасное, третий дядя мог оставить часть людей в лагере."

Молчун отрицательно покачал головой: "Если кто-то остался, зачем было оставлять сообщение? Предупреждение оставляют только в том случае, когда некому будет его передать. Или У Саньсин не хотел сообщать своим подчиненным, что высока вероятность смертельной опасности. Это на самом деле не в его правилах. Должно быть, свое сообщение он писал, когда все уже покинули лагерь, чтобы никто, кроме тебя, эту надпись не увидел."

Все это выглядело нелогично. Получалось, что покидавшие лагерь обнаружили вход во дворец Сиванму и вошли туда, не взяв все снаряжение. Значит, были спокойны и уверены в себе, возможно, собирались вернуться. Но это противоречит содержанию сообщения третьего дяди.

"Эммм..." — пробормотал Толстяк. Кажется, ему что-то пришло в голову. Нахмурившись, он какое-то время размышлял, а потом сказал: "Тут явно произошло что-то нехорошее. Но мы смотрим на ситуацию только с одной стороны, а надо проанализировать всесторонне. Надо думать задом наперед."

У Толстяка мышление устроено именно так, как он сказал, и это его достоинство. Особенно хорошо эта особенность мышления проявляется в экстремальных ситуациях. Поэтому я спросил, что он думает обо всем произошедшем здесь. "Мы видим окончательный результат, — сказал он, — но не представляем себе весь процесс в деталях. Давай остановимся на том, что в лагере осталось много рюкзаков. Если верить сообщению, ушли все. Молчун правильно предположил, что каждый унес по одному рюкзаку. Значит, на тот момент в лагере людей было меньше, чем рюкзаков. А это значит..."

Толстяк замолчал, не закончив фразу. Казалось, он боится что-то сказать, но я уже догадался, что это значит. Людей меньше, чем рюкзаков...

Это означает, что в тот момент многие из команды третьего дяди были уже мертвы.

И их смерть наступила уже после того, как они разбили лагерь.

После минуты молчания Толстяк продолжил: "В лагере или поблизости произошло что-то, в

результате погибли люди. Но здесь нет никаких признаков насилия. Скорее всего, что-то произошло не в самом лагере, а где-то рядом. Возможно, именно поэтому они и покинули это место. Но потом обнаружили вход во дворец Сиванму. Тогда третий дядя вернулся и оставил сообщение. Это объясняет путаницу с количеством рюкзаков и отсутствие здесь следов борьбы."

Звучало логично, но я заметил одно несоответствие: "Если лагерь покинули из-за какой-то опасности, то вряд ли по дороге искали дворец Сиванму. И тем более не было смысла возвращаться, чтобы писать сообщение."

"Значит, вход во дворец они обнаружили до того, как случилось что-то смертельно опасное," — сделал вывод Толстяк.

Мы кивнули, а Молчун пробормотал: "Возможно, именно в результате опасного происшествия они и обнаружили вход во дворец."

"Такое возможно. Но у нас не хватает данных, чтобы утверждать точно. Потому нет смысла говорить об этом, — Толстяк подвел итог. — Нам надо выяснить, что же за хрень тут произошла."

"И что ты думаешь? — встревожился я. — Может быть, это как-то связано с местными змеями?"

Толстяк посмотрел в темноту тропического леса. Казалось это даже не темнота, а абсолютная пустота, окружавшая нас. "Не волнуйся, — сказал он, — пока ты спал, мы с младшим братом собрали несколько ведер грязи. Обмажем ею палатку снаружи. Тот, кто останется дежурить, тоже вымажется. И фазаньи шеи нам не страшны. Хотя, есть вероятность, что опасность подстерегает с другой стороны, и дело не только в змеях. Мы должны быть бдительны ночью. Но, даже если что-то произойдет, нам нельзя сегодня покидать лагерь."

Я кивнул: "Тогда я буду дежурить первым."

Молчун, покачав головой, возразил мне: "У вас опыта маловато. Если мы правы, то произошедшее здесь требует высокой концентрации внимания и предельной осторожности, вам с этим не справиться. Я останусь дежурить на всю ночь, а вы хорошенько отдохнете."

****

ГЛАВА 21. ВТОРАЯ НОЧЬ. ОНО

****

Мне стало немного обидно, но я понимал, что Молчун прав. Я и так не особо опытен в таких делах, а сейчас настолько устал, что не смогу быть внимательным и сосредоточенным. Если дежурный не будет осторожен, то все окажутся в опасности. Конечно, меня мучила совесть, что мы свалим на Молчуна обязанность охранять нас всю ночь, но в сложившейся ситуации это наилучший выход.

Толстяк не возражал, но заметил: "Думаю, тебе одному будет сложно следить за таким большим лагерем. Я буду на подхвате, а завтра оба отдохнем."

Молчун задумался, но ничего не ответил, и Толстяк подытожил: "Значит, решено."

Я тоже задумался, может быть, и мне подстраховать их двоих. Но потом понял, что не прав. Завтра от меня выспавшегося будет больше толку, я смогу дать Молчуну отдохнуть. Решив так, я успокоился.

Потянувшись, Толстяк сказал мне: "Так и сделаем. Не волнуйся об этом. Давай подумаем, что делать завтра." И он обратился к Молчуну: "Братишка, ты говорил, что есть способ найти вход во дворец Сиванму. Так в чем проблема?"

Молчун взглянул на него и ответил: "Слишком сложно, невелика вероятность успеха. Поэтому нет смысла говорить об этом."

"Вот не надо пугать ежа голой жопой, — настаивал Толстяк. — Ты все равно расскажи, чтобы мне не было стыдно просто так возвращаться."

Молчун на мгновение примолк, а потом, глядя на нас, сообщил: "Надо поймать Вэньцзинь."

Мы с Толстяком застыли от удивления, а потом я рассмеялся, качая головой. Это, действительно, трудно сделать. Мы с трудом нашли лагерь, используя в качестве ориентира сигнальный дым. Но лагерь большой, сложно пройти мимо. Вэньцзинь — это один человек, который хорошо знает местность, сознательно скрывается и старается не оставлять следов. Искать ее в джунглях так же сложно, как иголку в стоге сена.

Толстяк никогда не теряет надежды, но сейчас даже он согласился: "Что Вэньцзинь искать, что третьего дядю. Они одинаково неуловимы. Кроме того, она тоже может не знать, где вход. Разве она не писала, что покинула своих коллег, до того, как они добрались сюда?"

Молчун подбросил дров в огонь и ответил: "Нет, она должна знать."

"Почему ты так уверен?"

"Чуйка подсказывает."

Толстяк посмотрел на меня и пожал плечами. Вздохнув, он пробормотал: "А моя чуйка говорит, что, на этот раз все мои старания напрасны." Он нарочито отхлебнул воды из бутылки, но выглядел очень подавленным.

Мы замолчали. Склонив голову, я раздумывал над создавшейся ситуацией. И понимал, что чуйка Молчуна очень даже логичная.

Если вспомнить, все началось с видеокассет, которые получили я и Цю Декао. Мы оба узнали о работе Вэньцзинь, которую она вела несколько лет назад, и разными путями заявились в одно и то же место. Следовательно, у Вэньцзинь была четкая цель собрать нас здесь, в этом странном месте.

У третьего дяди была несколько иная цель — следить за действиями Цю Декао и выяснить, что именно он ищет. Это часть его расследования в отношении махинаций лаовая в Китае. Но экспедиция Цю Декао здесь закончилась неудачей, они даже не прошли город Дьявола. С одной стороны, моему дяде теперь тут тоже нечего делать. Но он, наняв Черного Слепого, отправился дальше. Вероятно, пытается самостоятельно выяснить, что в этом месте искал Цю Декао.

Следовательно, третий дядя не владеет полной информацией. В любом случае получается, что Вэньцзинь осведомлена о городе Дьявола и дворце Сиванму лучше всех. И, если третий дядя, опираясь только на собственноручно обнаруженные подсказки, нашел вход, то Вэньцзинь точно должна знать, где он находится.

Вспомнив о видеокассетах, я снова почувствовал себя неуютно. Что случилось с человеком, который был похож на меня, как две капли воды? Если встречу Вэньцзинь, я обязательно должен спросить об этом. Но сейчас это не самое главное. Я обратился к Толстяку: "Думаю, достаточно велика вероятность того, что Вэньцзинь больше всех нас знает об этом. И самостоятельно мы вряд ли сможем найти вход во дворец Сиванму. Но поймать Вэньцзинь будет очень сложно. Это факт."

Толстяк закурил: "Это не сложно, это просто невозможно. Она драпает, как только видит нас. И даже если бы на ее теле был GPS, нам ее не поймать на такой большой территории."

"Может быть, придумаем ловушку, куда ее можно будет заманить?" — предложил я.

"Чем ее заманить? Соблазнить? — Толстяк сделал придурковатое лицо. — Нам втроем устроить стриптиз в лесу?"

Я вздохнул: ее действия были мне непонятны. Мы тут не прятались, шумели так, что даже глухой услышал бы, с фонарями по лесу бегали, костры жгли. Думаю, она давно нас заметила и уже могла выйти с нами на связь, если бы хотела. Почему же она сбежала, как только столкнулась с нами лицом к лицу?

Чувствуя себя подавленным, я спросил: "Почему она убежала, как только увидела нас? Разве не она послала нам сообщение через госпожу Чжому? Если так, то она должна была ждать нас здесь и встретить. Но она не присоединилась к нам. Почему она ведет себя, как сумасшедшая?"

Молчун, качая головой, сказал: "Безумной она показалась из-за своего вида. Теперь, когда мы знаем, почему она была вся покрыта грязью, это уже не кажется безумным. И да, она видела нас и узнала. Но у нее были причины бежать."

Толстяк был озадачен: "Что значит "были причины"? Мы не те, кто причинит ей вред. Почему она боится нас?"

"Не боится... просто бежит..." Я понял, что имел в виду Молчун, и почувствовал легкий холодок, пробежавший по спине.

Чего боится Вэньцзинь?

В ее записях неоднократно упоминалось, что она убегала от чего-то, что она назвала "Оно". Даже в сообщении, переданном Чжомой, говорилось об этом. Она сказала, что "Оно" здесь с тех пор, как мы пришли в Цайдам. И есть только одна причина. Вздохнув, я сказал: "Она сбежала, потому что увидела "Его". И это "Оно" было среди нас?"

"Боюсь, что так и есть," — кивнул Молчун.

Я огляделся: Толстяк, Паньцзы в палатке, Молчун. На любого из них я могу безоговорочно положиться.

"Нас было только четверо: младший брат, младший У, я и старший Пань. И среди нас четверых был тот, кого боится Вэньцзинь? — Толстяк изумленно смотрел на нас. — Кто-то из нас четверых плохой парень?"

Мы с Молчуном не ответили, и Толстяк, подняв руку, словно клялся, заявил: "Зуб даю, что это определенно не я. Толстяк — хороший человек и ему совсем не интересны маленькие леди, бегающие по джунглям."

"Это просто версия, не факт, что так и было," — я успокаивал сам себя. Мне было очень неуютно при мысли, что надо кого-то из моих друзей подозревать. Мы настолько сдружились, что, кажется, готовы умереть друг за друга. Мне легче было признать саму Вэньцзинь сумасшедшей.

"Ключевой вопрос в том, что это за "Оно" такое, — сказал Толстяк. — Младший брат, ты в курсе?"

Молчун покачал головой, глядя ему в глаза.

"Может быть, кто-то изменил внешность и прикидывается кем-то из нас? — Толстяк сильно оттянул кожу на щеке, чтобы доказать свою невиновность. — Определенно я настоящий Толстяк."

"Я тоже об этом подумал, — ответил Молчун. — И я проверил вас с Паньцзы, пока вы спали. Проблем нет."

Я припомнил, как он сидел на корточках над спящим Паньцзы. Вот значит чем он тогда был занят. Похоже, Молчун давно что-то подобное подозревал, только не говорил нам. Этот человек скрытный и знает куда больше, чем кажется.

"А как насчет младшего У?" — Толстяк подозрительно посмотрел на меня.

"Не стоит волноваться, я настоящий," — этот подозрительный взгляд заставил меня занервничать.

"Трудно утверждать с уверенностью. Ты присоединился к нашей компании последним. Может, ты не У Се, а притворяешься им. Иди-ка сюда, Толстяк тебя проверит." И он ущипнул меня за руку так сильно, что у меня слезы из глаз брызнули от боли. "Настоящий!" — убежденно заявил этот гад.

"С нами нет проблем, — убежденно сказал Молчун и указал на записную книжку в моем кармане. — Может быть, об этом есть что-то в ее записках?"

Я вынул блокнот, качая головой: "Она писала, что "Оно" следит за всеми членами ее группы. Значит, это "Оно" разумно, скорее всего, это человек. Но я не понимаю, почему она называет его "Оно."(1)

Толстяк сходил за бутылкой воды. Возвращаясь, сделал на ходу пару глотков и протянул Молчуну: "Кстати, третий дядя тоже следил за нами. Может быть, это он? Или Черный Слепой? Возможно, когда Вэньцзинь увидела тебя, то перепутала с твоим третьим дядей. Вы же похожи."

Я обиженно подумал, что вообще-то я намного красивее третьего дяди. В это время Молчун забирал бутылку воды из руки Толстяка, и тот внезапно изо всех сил ущипнул его за щеку.

_____

Примечания переводчика

(1) "Я не понимаю, почему она называет это "Оно". Автор использует местоимение , но в китайском языке нет категории рода в том же виде, как в русском. Так местоимение "та" пишется тремя разными иероглифами: — мужской род, когда речь идет о человеке, — женский род, когда речь идет о человеке, — местоимение 3 лица, когда речь идет о животном или неодушевленном предмете. Таким образом, когда используется этот иероглиф, речь однозначно не идет о человеке. В русском языке в таких случаях используют местоимение "оно", если род совсем определить невозможно, и "он/она", если подразумевается существо, название которого имеет категорию рода (демон, ведьма). Кроме того, для перевода этого местоимения есть и другие части речи: иной, чужой, другой (в значении, отличающийся от человека, нечеловек).

****

ГЛАВА 22. ВТОРАЯ НОЧЬ: СЛЕПОТА

****

Я был поражен поступком Толстяка, мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, зачем он это сделал.

Молчун проверил нас, но его самого никто не проверял. Толстяк логично опасался, помня его умение менять свою внешность. Он просто не мог не проверить, тот ли человек перед нами сидит.

Молчун даже не дернулся, лишь неловко улыбнувшись, взглянул на Толстяка и сказал: "На всякий случай напомню, что ты тоже один из четырех. Если хочешь прожить долго, то будь осторожен."

Он сказал это так спокойно и без эмоций, что я бы на месте Толстяка забеспокоился. Но мне было наплевать на этого идиота, я лишь посетовал: "Не надо было действовать исподтишка."

"Никакого "исподтишка" не было, — пробурчал Толстяк, — я лишь оказался чуток быстрее."

Я привык к безалаберности этого человека и только беспомощно улыбнулся в ответ. А он отступил назад, чувствуя себя очень смущенным, и сменил тему: "Зато мы доказали, что все настоящие. Может быть, это "Оно" надо понимать буквально, как не живое существо?"

"Что ты хочешь сказать?" — спросил я.

"Так ведь можно сказать не только о живом существе, но и о предмете. Может, Вэньцзинь бежит не от кого-то, а от чего-то?"

У Толстяка всегда появляются неординарные идеи, но в этот раз его выводы казались смешными. "От чего-то? — чуть не расхохотался я. — Ты имеешь в виду, что Вэньцзинь десять лет пряталась от предмета? Или ее напугали наши трусы или бутерброд?"

"Я, Толстяк, матерью клянусь, что имел в виду совсем другое. Что-то опасное может находиться на наших телах. Надо вывернуть карманы и посмотреть. Может, найдем это "Оно".

Я покачал головой, сказав, что у меня в карманах пусто. В этот раз я даже змеебровых рыбок с собой не взял. Но Молчун внезапно нахмурился: "Если говорить о неживом, то мы упустили из виду кое-что."

"Что именно?"

"А Нин."

Я аж подпрыгнул от неожиданности: "Ты имеешь в виду труп?"

А ведь такое возможно. Нет никаких доказательств, но смерть А Нин и все, что потом произошло, выглядит очень странно. Может быть, именно труп является этим "Оно"?

Толстяк хлопнул в ладоши: "Младший У, вспомни, что произошло в лесу прошлой ночью. Разве такое невозможно? Смерть А Нин была странной, может быть, она стала этим "Оно"?

Я открыл рот, но молчал, не зная, что ответить. Эта догадка не доказуема, трупа с нами больше нет. Мы можем без конца строить догадки, но от этого нет никакого толка.

Подумав, я махнул рукой и заявил: "Нет смысла это обсуждать. Мы даже не знаем мотивы Вэньцзинь, может быть, она за эти годы действительно сошла с ума, находясь в одиночестве. По крайней мере сейчас глупо копаться в предположениях, надо делать что-то конкретное. Нам надо решить, как поймать Вэньцзинь, это единственный вариант."

Толстяк, сразу потеряв интерес, встал: "То, что ты хочешь, невозможно. Я даже не могу представить, как это сделать. Чтобы найти ее здесь, нужен нюх, как у собаки. Но у тебя, кажется, нет способностей твоего деда. Так что обсуждать твой вариант тоже смысла нет. Сейчас самое важное — подготовиться к ночевке, а не говорить о всяких глупостях." Сказав это, он взял лопату, которой собирал грязь, и пошел к палатке Паньцзы, чтобы измазать ее снаружи.

Взглянув на часы, я обнаружил, что ночь уже близко. На небе исчезли последние проблески закатного солнца. Толстяк прав, нам нужно обезопасить себя. Вздохнув, я отправился помогать.

Мы вымазали палатку грязью и накрыли брезентом на случай, если пойдет дождь. Я проверил состояние Паньцзы. Он все еще спал, но температура была уже нормальной. Толстяк сказал, что он уже просыпался один раз, не разлепляя глаз, выпил немного воды и снова заснул. Но если даже субфебрильной температуры нет, значит, уколы антибиотиков подействовали.

Теперь было найти оружие. Толстяк — не тот человек, который может использовать для самообороны любые подручные средства. Обыскав оставленное в лагере снаряжение, мы обнаружили, что огнестрельного оружия здесь нет. Тогда Толстяк собрал камни и сложил их горкой так, чтобы легко было воспользоваться. Нам остается брать пример с пяти героев Ланъя(1). Правда, у нас нет скалы, с которой можно прыгнуть, но вот швырять камни мы сможем.

Толстяк развел костры по периметру лагеря: возле них можно будет согреться, а огонь, может быть, отпугнет незваных гостей. Проходы между палатками осветились красноватыми бликами пламени. Когда мы закончили, было уже почти десять вечера. Теперь я чувствовал себя в относительной безопасности, но на лес опустился проклятый туман, так попортивший нам жизнь прошлой ночью. Меньше, чем через час видимость снизилась до двух-трех метров.

Наблюдая, как сгущается мгла, я чувствовал нервную дрожь. Вокруг ничего не видно, и даже огонь костров почти не помогает. В такой ситуации, даже если напрячь все свое внимание, толку маловато.

Я чувствовал сильные запахи, среди которых мне знаком был лишь аромат сырой земли. Цвет тумана, окутавшего лагерь, отличался от того, что преследовал нас вчера, он отливал неестественной синевой. И это пугало меня.

Мог ли этот туман быть ядовитым? Вчера нам некогда было думать о таких мелочах, но сейчас этот вопрос меня сильно беспокоил. Я слышал об испарениях в тропических лесах. Когда ночью температура воздуха снижается, их интенсивность возрастает, особенно вблизи болот. И эти испарения часто содержат опасные газы. Если долго вдыхать такой воздух, можно получить критическое отравление и даже серьезно повредить легкие.

Подумав об этом, я спросил Толстяка, не стоит ли нам поискать среди снаряжения в лагере противогазы.

"Это определенно не болотные испарения, — ответил Толстяк. — Их запах очень сильный, я бы заметил. Да, они вредные, если надышаться, то можно заработать артрит, туберкулез или что-то в этом роде(2). На юго-западе полно таких болот, и люди там предпочитают острую пищу. Говорят, перец позволяет не заболеть. Может, поискать среди вещей в лагере чили. Можем потом приготовить баньфань(3). Определенно будет вкусно."

"Не будь таким беспечным, — остановил его кулинарные фантазии я. — Это место необычное, лучше подстраховаться."

Толстяк и Молчун уже наносили грязь на свою одежду и открытые участки кожи, собираясь дежурить все ночь. И я со своими советами выглядел не совсем уместно. Толстяк покачал головой: "Хотел бы я посмотреть на тебя в противогазе этой ночью. Кругом туман, без противогаза ничего не видать. Ходишь, по лагерю и ебашишься головой о деревья. Как в противогазе наблюдать за лагерем, где и так ничего не видно? Ты об этом подумал? Лучше спать ложись, пока есть такая возможность." Он сделал несколько глотков воды и пробормотал сам себе: "Только бы не накаркать беды, пожелаю нам удачи."

Мне снова стало обидно, нет, я даже ненавидел себя. Двое моих друзей собираются сторожить нас всю ночь. Паньцзы серьезно ранен. А я буду спокойно спать, словно это у меня опасные для жизни ранения. Интересно, что бы со мной было, если я оказался бы здесь совсем один?

Забравшись в палатку, я не знал, смогу ли уснуть. В голове царил полный бардак, все тело болело. На улице было темно, даже свет костра не добирался сюда. Я включил шахтерский фонарь, чтобы не оставаться в полной темноте, но потом вспомнил, что батареи надо экономить, и, скрепя сердце, выключил его. Слушая, как Толстяк что-то стругает снаружи ножом, я пытался расслабиться, но не мог.

Не знаю, спал ли я этой ночью. Помню какие-то обрывочные мысли и образы, похожие на сон, который, скорее всего, не был глубоким. Я потерял ощущение времени. Посреди ночи меня разбудил переполненный мочевой пузырь.

Снаружи было тихо, я решил, что все в порядке, и на ощупь добрался до выхода, собираясь выйти и справить нужду.

Откинув полог, я опешил: вокруг было темно, как в смоляной бочке. Кажется, все зажженные Толстяком костры потухли.

Что за дела? Сон как рукой сняло, я шагнул обратно в палатку, раздумывая, что же случилось?

Но снаружи не было никакого движения. Что-то произошло, пока я спал. Но вроде сон мой не был крепким. И лагерь охранял Молчун. Что могло случиться такого, если он даже звука не издал, чтобы предупредить? Неужели его застали врасплох?

Стараясь успокоиться, я прислушивался к тишине снаружи. Панику подавить не получалось, а окликнуть друзей я не решался. Сделав несколько шагов назад, я нащупал в темноте шахтерский фонарь и включил его. Но света не было, даже после того, как я щелкнул кнопкой дважды. Батарея села? Я полез в карман за зажигалкой, чиркнул ею, но она тоже не загорелась, ни искорки не вспыхнуло.

Выругавшись, я сделал несколько глубоких вдохов, но что-то мне подсказывало: дело плохо. Шаря рядом с собой, я пытался найти свои часы с подсветкой, когда вдруг понял, что зажигалка обжигает мне пальцы.

Удивительно, почему она такая горячая? Ведь даже искр не было. Я снова зажег ее, провел над ней ладонью и почувствовал боль от ожога. Мое сердце сжалось.

Зажигалка горит, я чувствую ее огонь.

Но передо мной темно, хоть глаз выколи.

Примечания переводчика

(1) "Пять героев Ланья". В 1941 году японские захватчики вели активные боевые действия в Северном Китае. 23 сентября японские и марионеточные силы окружили гору Ланъя на юго-западе уезда Исянь провинции Хэбэй. Командование китайской армии приняло решение о переброске войск под прикрытием, которое было поручено Восьмой армии военного округа Цзиньчаджи. Прикрывающие притворялись основными боевыми силами, отвлекая внимание противника на себя, пользуясь знанием ландшафта и хорошим стратегическим положением горы Ланъя. Пятеро солдат, Ма Баоюй, Гэ Чжэньлинь, Сун Сюэй, Ху Делин и Ху Фуцай, до самого конца удерживали подступы, ожесточенно сражаясь с превосходящими силами противника. После того, как закончились боеприпасы, они использовали камни, бросая их на головы японских солдат, штурмующих гору. Но, когда враги добрались до вершины, пятеро героев спрыгнули с обрыва и погибли. Их подвигу посвящен фильм, снятый, кажется, в 1958 году.

(2)" Если надышаться испарениями болот, то можно заработать артрит, туберкулез или что-то в этом роде." Толстяк, как всегда, палку перегнул. Да и У Се преувеличивает, описывая метан (именно его называют болотным газом). Этот газ не имеет запаха, именно этим и опасен, но только в больших количествах. Туманная погода в некоторой степени может увеличивать концентрацию метана в воздухе. Однако, вдыхание метана не приводит к серьезным заболеваниям легких, этот газ обладает выраженным влиянием на нервную систему: может вызывать приступы возбуждения, галлюцинации, сонливость. Чтобы убить человека, нужна очень высокая концентрация метана при малой концентрации кислорода в воздухе. Но даже в этом случае смерть наступает не сразу, ей предшествует длительное формирование симптомов, напоминающих горную болезнь и дыхательную недостаточность, которая проходит сразу при снижении концентрации метана. Никаких других болезней болотный газ не вызывает, это миф, связанный с распространением на болотах разносчиков серьезных болезней (малярия, туляремия, туберкулез).

(3) Баньфань□□ — китайское название пибимпапа, популярного блюда традиционной корейской кухни. Блюдо состоит из отварного белого риса, покрытого овощным салатом намуль, пасты из острого перца кочхуджан, сырого яйца или яичницы и тонко нарезанных кусочков мяса.

****

ГЛАВА 23. ВТОРАЯ НОЧЬ: ДВИЖУЩАЯСЯ ТЕНЬ

****

Зажигалка горела уже долго, надо было ее потушить. Но меня волновало то, что я не вижу пламени, вокруг все такая же темнота.

В тот момент я еще не до конца понимал, что произошло. Поначалу я решил, что мои глаза чем-то закрыты, поэтому ощупал лицо и, коснувшись ресниц, понял, что это не так. Теперь я уже забеспокоился: что, черт возьми, происходит?

Туман слишком густой? Я включил подсветку на часах и поднес их к глазам, но ничего не увидел. Меня окружала сплошная темнота, просто однородный черный цвет.

Я пялился в эту темноту и чувствовал себя полным идиотом, не способным решить простую задачу. Затем взмахнул рукой, словно тьму перед глазами можно было оттолкнуть. Естественно, это было бесполезно.

Оставалось лишь представить, что мне просто завязали глаза, так я успокоился и попытался понять происходящее. Вокруг не только темно, но и тихо. Видимо, что-то случилось, пока я спал, и из-за этого пропал свет вокруг.

Но в этом нет смысла. Я не вижу света, даже когда источник находится прямо перед глазами. Медленно осознавая этот факт, я покрылся холодным потом.

В каком случае не получается увидеть свет, источник которого находится прямо перед лицом? Неужели я ослеп?

В это невозможно поверить, я никогда не представлял себя в такой ситуации. И это случилось слишком неожиданно. Мое сердце оборвалось, а накативший страх казался куда сильнее страха перед смертью. Я начал энергично тереть глаза руками и моргать, пока они не заболели. Но когда я снова посмотрел перед собой, наваждение не прекратилось.

В этот момент я вспомнил о Паньцзы, на ощупь нашел его и попытался разбудить, чтобы спросить, видит ли он свет. Его кожа была горячей, очевидно, снова поднялась температура, и он не приходил в себя, сколько бы я его не тормошил.

Я сел, чувствуя, как сердце заходится в бешеном ритме, сделал несколько глубоких вдохов и вспомнил о Молчуне и Толстяке. Если я потерял зрение, значит, должна быть причина: взрыв, яркая вспышка, токсичное вещество. Без причины ослепнуть нельзя. Тогда я могу быть не единственной жертвой.

Даже если они не ослепли, и я единственный пострадавший, то они должны быть снаружи, но почему-то не издают ни звука. Я подполз к выходу, прислушался к тишине снаружи и позвал: "Толстяк!"

Ответа не было, хоть я и ждал достаточно долго.

Конечно, я не кричал, но в такой тишине мой голос нельзя было не услышать. Разве что они оба спят. Вот только вряд ли Молчун мог заснуть, если собирался охранять лагерь.

Я снова почувствовал, как пот стекает по спине: должно быть, с ними что-то случилось. Откинувшись на спинку раскладного стула, я попытался вспомнить, о чем мы говорили вечером. Сейчас произошло нечто из ряда вон выходящее. И мы предполагали, что люди третьего дяди покинули лагерь тоже в результате чрезвычайной ситуации. Значит, команда третьего дяди тоже столкнулась с подобной проблемой?

Все люди, находящиеся в этом лагере, ослепли?

Как такая хрень могла произойти? Уму не постижимо! Мы предполагали разные возможные варианты развития событий, но даже представить не могли, что будет именно так.

В этом адском месте для обычного человека внезапная слепота равнозначна смерти, даже страшнее смерти.

Я не мог сдержать дрожь, представляя, как брожу в одиночестве по лесу в таком состоянии. Я же ничего не вижу, и у меня нет того острого слуха, которым обладают слепые от рождения люди. Моя смерть в таком случае — это вопрос времени. Но перед тем, как умереть, я сойду с ума от ужаса.

Но в чем причина этой внезапной слепоты? Еда? Мы ели только прессованное печенье, и ничего не произошло. Может быть, что-то не так с развалинами храма?

Я все еще мог здраво рассуждать, потому что никак не хотел смириться с тем фактом, что ослеп... И тут за пределами палатки вдалеке раздался звук.

Я вздрогнул и прислушался так старательно, что, казалось, мои уши развернулись в сторону звука. Это был тот самый странный голос, похожий одновременно на смех и радиопомехи, который мы слышали в лесу. Он то отдалялся, то приближался.

В моей голове сразу возник пугающий образ: стоящая на хвосте змея, раскачивающаяся и напоминающая человека. Горло перехватило от ужаса. Этот блядское змеиное шоу явно затянулось.

Откуда этот звук? Это А Нин? Я бы хотел увидеть источник звука, но увы, был совершенно слеп.

Даже если этот звук издают не сами змеи, он всегда появляется вместе с ними. Очевидно, эти ядовитые твари неподалеку. Я вспомнил о пологе палатки, который оставил приподнятым. Вдруг они залезут сюда? Где этот полог? Я ничего не вижу, но могу добраться и закрыть вход на ощупь.

Пока я шел, ощупывая все вокруг, меня трясло, как осиновый лист. Как только я прикоснулся к нейлоновому пологу, кто-то протиснулся внутрь и сбил меня с ног. Я пытался встать, но меня придавили к земле и зажали рот.

Я был напуган до смерти, но вскоре почувствовал знакомый запах: потный Толстяк. Затем мне в лицо сунули что-то твердое. Противогаз!

Прекратив сопротивляться, я надел его и услышал шепот: "Не паникуй, это все ядовитый туман. Побудь в противогазе — и скоро зрение вернется. Но не шуми. В лагере полно змей."

Услышав его слова, я отчаянно закивал. Толстяк отпустил меня и я шепотом спросил: "Ты где был?"

"Это долгая и хреновая история, — тихо ответил он. — Думаешь, легко найти в таком большом лагере противогазы, когда ты ничего не видишь?"

Я выругался: "Говорил же тебе, что противогазы нужны, но ты меня не послушал!" Одновременно с моей отповедью звук радиопомех стал громче и Толстяк нервно зашипел: "Заткнись!"

Я немедленно замолчал и услышал, что он шарит вокруг. Потом все стихло, затем мне сунули в руки что-то... нож. Что он собирается делать? Я слышал его шаги в сторону выхода.

Не желая оставаться в одиночества, я схватил его за руку, но Толстяк мягко оттолкнул меня: "Младшего брата укусили. Я должен помочь ему. А ты оставайся здесь и веди себя тихо, чтобы тебя не заметили."

Было ощущение, что мой мозг взорвался, и в нем пульсировало лишь одно слово: "Нет!" Пока я

отходил от шока, Толстяк ушел. Мне же казалось, что небо и земля поменялись местами, мир перевернулся, и я застыл в каком-то вакууме.

Если Молчуна укусила фазанья шея, то как Толстяк может ему помочь? Их укус настолько ядовит, что человек умирает сразу же. Я боялся подумать о том, что Молчун может быть мертв. И еще одно беспокоило меня. Молчун очень опытен и быстр. Если даже его укусили, то что же происходит снаружи?

Я был так встревожен, что не мог усидеть на месте. Хотелось броситься следом и хотя бы увидеть, что там. Но я ж, бля, ничего не вижу! Тут же в голову пришла еще одна ужасная мысль: что если укусят и Толстяка? Ужасно! Я здесь останусь один вместе с раненным Паньцзы, который не приходит в сознание.

Мое беспокойство трудно описать словами. Вокруг темно, я понятия не имел, сколько потребуется времени, чтобы зрение восстановилось, однако, снаружи уже слишком опасно даже для зрячего. Сжав в руке нож, я замер, словно мертвым прикинулся. И зачем толстяк дал мне оружие? Для самообороны или чтобы иметь возможность покончить с собой в безвыходной ситуации?

Какие бы мысли не лезли мне в голову, сейчас я ничего не мог сделать, только сидеть и ждать. Прислушиваясь к звукам снаружи, я старался совсем не двигаться.

Просто прислушиваясь, я никак не мог представить, что происходит снаружи. Вроде бы змей много, но радиопомехи не приближаются, хотя и звучат непрерывно. Кажется, звук раздается за пределами лагеря, словно змеи не решаются ползти дальше.

Не знаю, сколько минут прошло, мне вообще казалось, что время остановилось. Я старался не думать ни о чем и постепенно успокоился. Людям не свойственно долго находиться в напряжении. Когда достигаешь предела, тело само по себе расслабляется.

Постепенно темнота перед моими глазами стала походить на туман, черный цвет поблек. Это происходило медленно, но через какое-то время мои глаза уже различали серые размытые пятна.

Я почувствовал облегчение: наконец хоть что-то вижу. Не зная, как ускорить этот процесс, я усиленно моргал.

Серые пятна перед глазами постепенно бледнели, зрение возвращалось быстро. Вскоре эти пятна стали обретать конкретные очертания.

Теперь я уже видел окружающее пространство, словно у меня высокая степень близорукости. Повернув голову к самому яркому пятну, я догадался, что это шахтерский фонарь, который я не выключил. Прищурившись, я дотянулся до него — так и есть, я видел именно фонарь. Мое зрение почти вернулось.

Но пока еще я не мог увидеть выход из палатки, лишь смутные тени.

Я слышал о том, как плакал Мао Цзедун после операции по удалению катаракты(1). Теперь я понимаю его чувства: смесь радости и печали. Чтобы понять, насколько ценно что-то, надо это потерять. Я собрался осмотреть Паньцзы, хоть еще и не мог видеть четко, когда заметил в тени у стены палатки движущийся силуэт.

Зрение все еще подводило меня, но движение было слишком заметным. Еще не успев прийти в себя после внезапной слепоты, поначалу я решил, что это обман зрения, потому проигнорировал это и дотронулся до руки Паньцзы. Кожа была прохладной. Удивительно, но лихорадка прошла сама по себе. И это хорошо, потому что сейчас у меня нет возможности сделать ему очередной укол антибиотика.

Добравшись до чайника, я хотел сделать пару глотков воды, но заметил что-то вроде вспышки рядом с собой и обернулся. Силуэт, замеченный мной ранее, двигался очень странно. Не нравится мне этот обман зрения.

Прищурившись, я попытался рассмотреть детали: сначала силуэт напоминал туманное темное облако, но сейчас мне казалось, что я вижу конечности.

Мурашки по коже поползли, когда я понял, что в палатку пролез кто-то, пока я был слеп.

Толстяк? Молчун? Но они не будут беззвучно шариться по палатке, поэтому я крепко сжал в руке нож.

Силуэт снова двинулся, словно сделал шаг в сторону, и я не выдержал: "Кто здесь?"

Силуэт замер, а затем его движения стали очень быстрыми, словно он быстро шагал к

определенной цели. Его очертания дрожали. Я пытался максимально сфокусировать зрение, постепенно картинка становилась все более четкой. Наконец, я понял: кто-то обыскивает рюкзак, лежавший в палатке, а мне в нос вдруг ударил запах болотной грязи.

Этот человек тоже знает секрет местной грязи? Кто это? Я медленно пошел к нему, надеясь рассмотреть лицо.

Но, прежде чем я сделал пару шагов, силуэт снова дрогнул, встал и быстро зашагал. Мои глаза были еще не в том состоянии, чтобы уследить за его быстрыми движениями, а когда я снова сфокусировал зрение, человека в палатке уже не было.

Все это произошло так быстро, что я немного растерялся. Может, мне на самом деле все привиделось? Я так был поражен появлением Толстяка, что сейчас мое подсознание, пользуясь проблемами с глазами, подкидывает мне отложенное во времени видение?

В эту минуту в палатку словно ворвался ураган: ярко мигнул и стал тусклее фонарь, в полумраке было слышно хриплое дыхание Толстяка, который, споткнувшись, чуть не упал и прохрипел: "Свет! Выключи свет!"

Спотыкаясь, я бросился к источнику света и выключил его. Вокруг снова воцарилась темнота, в которой я услышал шепот: "Лежи и не двигайся. Что бы ни случилось, молчи."

Я лег на землю, Толстяк устроился рядом. Я слышал, как он старательно пытается сдержать одышку после бега. Мне стало интересно, что случилось, но спросить не успел: снаружи донесся негромкий звук, словно что-то упало на соседнюю палатку. Потом раздался резкий звук ломающегося каркаса и шорох упавшего брезента. Очевидно, что палатка рядом с нашей разрушена.

Я чувствовал, как холодеют щеки, видимо, побледнел от страха. Но сильно перепугаться не успел: теперь затряслась уже наша палатка, словно на нее сверху что-то упало.

Мне показалось, что сейчас небо упадет прямо на голову, которую я поспешил прикрыть руками, ожидая, что сейчас меня накроет брезентом и ломающимся каркасом.

Но ничего не произошло. Я лежал, прикрывая голову, пару минут, затем услышал звук крушения палатки откуда-то издалека.

Да что за херня? Что происходит снаружи? Я хотел сказать Толстяку, что надо бежать, но он зажал мне рот.

Снаружи раздавалось шуршание, звук падения, треск опор и снова очередная палатка рушилась. Это длилось около получаса, палатки падали рядом и вдалеке, иногда сразу несколько. По моим прикидкам, уже дюжина палаток была разрушена. Мы продолжали лежать. Каждый раз, когда что-то падало на одну из палаток, мое сердце останавливалось. Казалось, мы укрываемся от бомбежки, ожидая, когда бомба попадет в нас.

Наконец, снаружи воцарилась тишина. Мы еще лежали без движения какое-то время, постепенно осознавая, что странная атака закончилась. Не помню, кто из нас сел первым. Кажется, мое зрение стало еще лучше: хоть и не четко, но я видел очертания окружающих предметов и цвет.

Протерев окуляры противогаза, я понял, что со зрением все в порядке, просто стекла запотели.

Теперь я видел рядом с собой друзей. Молчун сжимал окровавленное запястье, одежда Толстяка была в крови, оба перепачканные грязью, они выглядели смущенными, словно только что вылезли из свинарника. Судя по всему, ночью в лагере творился полный хаос.

Мы все еще не решались заговорить. Немного подождав, Толстяк осторожно приподнял полог. В палатку проник слабый свет. Оказывается, уже светало.

Он осторожно вышел. Я спросил Молчуна, как у него дела. Махнув рукой, он ответил, что все в порядке, и я отправился следом за Толстяком.

Туман почти рассеялся. Утреннее небо было еще серым, но видимость уже хорошая. Оказавшись снаружи, я был поражен.

Лагерь вокруг был полностью разрушен, словно тут прошел торнадо. Целой осталась лишь та палатка, где прятались мы. Вокруг не было никакого движения, на нас никто не нападал. Если тут и были ночью змеи, то сейчас они все ушли, не оставив следа.

Толстяк выругался и сел возле потухшего костра. Я молчал, онемев от изумления. И тут позади раздался глухой звук, словно упал мешок с картошкой. Обернувшись, я увидел Молчуна, потерявшего сознание.

_____

Примечания переводчика

(1) "Я слышал о том, как плакал Мао Цзедун после операции по удалению катаракты." На самом деле бы не плакал. По свидетельству очевидцев, "Когда спустя неделю была снята марлевая повязка с глаза председателя, он открыл глаз, поглядел. Внезапно, взволнованно указывая на одежду одной из присутствовавших работниц обслуживающего персонала, он точно определил ее цвет и рисунок на ней. И еще, указывая на стену, он сказал: «А она белая». (цитата. Галенович Юрий Михайлович"Великий Мао. Гений и злодейство")

****

ГЛАВА 24. РАССВЕТ: ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

****

Мы отнесли Молчуна обратно в палатку. Я немедленно осмотрел его и, к своему облегчению, обнаружил, что повреждено только запястье, рана от укуса неглубокая, всего два небольших отверстия. Очевидно, он сразу отбросил укусившую его змею. Но я не мог представить, что же произошло ночью.

Толстяк сказал, что змея при укусе повредила артерию, он сразу сделал крестообразный разрез и отсосал яд. Но, должно быть, небольшая доза осталась, ведь эти змеи очень ядовиты. К счастью, младший брат успел задушить укусившую змею до того, как она сжала челюсти, иначе уже был бы мертв.

Я ввел Молчуну сыворотку и стал массировать ему виски. Постепенно его дыхание стало ровнее, а отек на руке уменьшился. Я сказал Толстяку, что все будет хорошо. Все-таки змеи не так ядовиты, как некоторые твари в океане. Но сейчас Молчуну лучше поменьше двигаться.

Мы уложили его рядом с Паньцзы, который до сих пор спал. Глядя на двух раненных, лежащих рядышком, я почувствовал, как начинает болеть голова. Это место совершенно не похоже на те, где я уже бывал. Эти двое очень опытны, но даже им здорово досталось. Если бы на их месте был я, то давно бы уже беседовал с предками.

Я спросил Толстяка, что же вчера случилось?

Его рассказ был похож на мои предположения, что были сделаны, пока я сидел в палатке ослепшим. Вчера они оба глаз не сомкнули, но в какой-то момент осознали, что ничего не видят. Толстяк сразу вспомнил мои слова и догадался, что дело в тумане, поэтому немедленно

отправился на ощупь искать противогазы. Однако в таком состоянии сделать это было весьма затруднительно.

Поначалу он и Молчун вынуждены были закрывать лица мокрыми тряпками. Оказалось, что это достаточно эффективно. Несколько противогазов были обнаружены в одной из палаток, спрятанные в рюкзаках. Поскольку Молчун не мог ясно видеть, то, пока доставал противогазы, не заметил приближения змеи. К счастью, он быстро среагировал и оторвал ей голову, но куснуть его змея успела. На месте укуса сразу же стал расползаться синяк.

Но из-за того, что змея не успела впрыснуть достаточно яда, Молчун не умер сразу. А в противогазах двигаться стало легче. В это время Толстяк услышал мой голос, и сразу пошел ко мне, чтобы обеспечить противогазом. Я не знал, что творилось за пределами палатки в тот момент, но Толстяк заметил, как из всех щелей покрытых водой сооружений вокруг лагеря выползает больное количество фазаньих шей. Змеи не бросались в атаку, появлялись и уползали обратно, мелькая перед глазами, похожие на красные чешуйчатые сполохи. Они словно ждали чего-то.

Поэтому он и отправился сначала ко мне с противогазом, а затем вернулся, чтобы помочь Молчуну, и притащил его в палатку. По пути он увидел странное зрелище.

Бесчисленные фазаньи шеи, выбираясь из щелей, свивались вместе, образуя что-то вроде огромной "змеиной волны", напоминающей устричную банку(1). Эта "волна" двигалась быстро и ритмично, как огромная рыба в воде. Они собирались в группу...

"Думаю, именно так они и передвигали тело А Нин, — сказал Толстяк. — Но я до сих пор не могу взять в толк, как они это делают. Со стороны эта "змеиная волна" была похожа на единое, цельное существо, которым руководит один разум."

"А зачем они лагерь разрушили?" — задумался я.

"Определенно они нас заметили, — ответил Толстяк. — Но, когда мы укрылись в измазанной палатке, змеи не смогли нас найти из-за грязи. Тогда они поступили, как свойственно животным. Разнесли все."

Выслушав Толстяка, я пришел к убеждению, что следующей ночью змеи могут повторить нападение. И нам надо уходить, чем дальше отсюда, тем лучше. Он спросил, восстановилось ли мое зрение. Я кивнул, и он предложил собрать и упаковать еду, а также самое необходимое снаряжение. К полудню посмотрим, как будут чувствовать себя наши раненые, тогда и решим, куда идти.

Я горько улыбнулся. Но решение Толстяка было верным. Опасаясь, что некоторые змеи могли оставаться под упавшими палатками, я дождался, пока взойдет солнце, и лишь тогда отправился обшаривать лагерь и искать все, что могло нам пригодиться. Толстяк же остался следить за пострадавшими.

В основном я искал еду. Больше всего в лагере было того спрессованного печенья, что мы ели вчера. Но потом я нашел еще и консервы в одной из палаток.

Команда А Нин тоже имела запас консервов, пока были машины. Но когда пришлось идти в каньон пешком, мы не могли позволить себе такой груз, и всю дорогу ели это печенье, от которого губы уже растрескались и покрылись волдырями. Не могу понять, откуда у третьего дяди такая вкуснятина, ведь таскать тяжести не в его стиле.

Походные консервы больше похожи на нормальную еду, чем сухой паек. Обычно их делают из продуктов с высоким содержанием белка: говядина, тунец, клейкий рис или соевые бобы. Много такой еды сразу не съешь, хватает надолго и быстро утоляет голод.

Я вернулся к Толстяку и спросил, брать ли их. Он покачал головой, сказав, что тащить такую тяжесть нам сейчас не с руки. Но мы можем съесть все прямо сейчас. Ознакомившись с составом консервов, он аж слюни пустил: "Святые угодники — такие негодники!У твоего шельмоватого дяди отменный вкус."

Я продолжил поиски, выбирая сухой паек, а также тару, которую можно заполнить водой.

В одном из рюкзаков я обнаружил семейное фото. Я никогда лично не встречался с этим человеком. Мужчина лет тридцати. На снимке его жена положила голову ему на плечо, держа на руках ребенка. Фотография сделана дешевым фотоаппаратом, одежда на них простенькая, но выглядят все очень счастливыми.

Я разволновался. Даже предположить не могу, что с этим человеком тут произошло. Если он погиб, что теперь будет с его семьей? Однако, для даому смерть в гробнице — дело обычное, и многие не придают этому серьезного значения.

Но я не мог не думать об А Нин, о У Лаосы и обо всех, кто погиб в городе Дьявола. Была ли известна им истинная цель, ради которой они все умерли? Вспомнив об этом, я не мог удержаться от смеха над самим собой. Если бы тогда я не присоединился к команде, то сейчас со спокойной мордой сидел бы в интернете, в прохладе от кондиционера в своем магазине и знать не знал, что тут люди умирают вот так запросто.

Но сейчас было не до философских размышлений. Я уже набил полные рюкзаки и еще раз проверил их. Когда я закончил, был уже полдень. Толстяк хотел уходить немедленно, но ситуация с нашими ранеными была непростой. Паньцзы уже не спал, но был совершенно дезориентирован, не понимая, что происходит и где он находится, даже сам пить не мог, мы подавали ему бутылку, следя, чтобы он сделал глоток. Молчун был в сознании, но очень слаб, даже встать не мог. Хотя синюшность кожи вокруг укуса уже уменьшилась.

Другими словами, сейчас нам будет очень трудно далеко уйти, таща на себе двух пострадавших и рюкзаки, набитые едой и водой.

Молчун указал на храм, возвышающийся возле лагеря, и слабо сказал: "Надо идти внутрь. Главное, убраться подальше от воды!"

Мы тоже подумали об этом. Руины вокруг лагеря были затоплены и, скорее всего, связаны с болотом. Неудивительно, что змеи выползали именно оттуда.

В любом случае, других вариантов у нас нет. Сначала надо перетащить внутрь вещи.

Стены храма были сильно повреждены, я понятия не имел, где находится вход. Но вскоре мы нашли провал, за которым виднелся коридор, довольно просторный. Снаружи было видно, что храм имеет два уровня. Нижний был сильно поврежден, а вот сверху все еще можно было рассмотреть интерьер: стены из черного камня, невысокие потолки, много опор в виде тонких каменных столбов. Не знаю, как соединялись верхний и нижний уровни, но сейчас перекрытие между ними рухнуло и образовало подобие крутого склона.

Забравшись наверх, мы попали в хорошо сохранившееся помещение. Отсюда можно было наблюдать за лагерем. Оставив там рюкзаки, мы вернулись в лагерь и перетащили в храм Паньцзы и Молчуна. К этому времени последний даже ногами самостоятельно двигать мог.

И все это время меня бесило солнце. Оно двигалось по небосклону слишком быстро, а я все еще не отошел от пережитого ночью ужаса. Каждый раз, глядя на небо, я видел, что наше светило скоро уйдет за горизонт, настанут сумерки.

Весь день ни минуты отдыха. И сейчас, наблюдая, как быстро удлиняются тени деревьев, я чувствовал, как на меня давит предчувствие неотвратимой ночи.

Это был даже не страх, а отчаяние. Внутренний голос спрашивал меня: после двух ужасных

ночей в джунглях и лагере смогу ли я выдержать третью?

Примечания переводчика

(1) Устричная банка — форма биоценоза, популяция устриц, удаленная от берега и представляющая собой возвышенность, состоящую из множества сцепившихся моллюсков. То есть на нижних прослойках из старых устриц создается новый этаж из молодых особей. Такие своеобразные «пирамиды» строятся в районах, защищенных от прибоя бухт и заливов. Высота таких строений зависит от возраста колонии. Существует другой вид устричного биоценоза, устричник. Его еще называют прибрежным устричником, так как эта популяция возникает узкой полосой на отмелях. Когда приходит зима, устрицы, проживающие на мелководье, замерзают. С приходом весны они оттаивают и продолжают дальше жить, как ни в чем не бывало.

****

ГЛАВА 25. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ГЛИПТИКА

****

Мы перетащили из лагеря внутрь храма все, что смогли, заготовили на всякий случай несколько ведер грязи. Костер внутри зажигать я не решился, только собрал древесный уголь в кучу, откуда Толстяк взял чуток для растопки походной печи, собираясь разогреть консервы.

По моим расчетам змеи появятся вместе с туманом. Сейчас еще только смеркалось, поэтому я со спокойным сердцем помогал готовить Толстяку клейкий рис, а Молчун отдыхал, наблюдая за нами и окрестностями.

Но помощи от меня особой не требовалось. Толстяк все делал очень быстро: открыл банку, поставил на печь, а я так и сидел, словно в оцепенении.

В последнее время он меня сильно раздражает. Вот и сейчас заявил, что я веду себя как Линь Дайюй(1), только и знаю, что думаю о чем-то весь день. "В мире слишком много вещей, о которых можно думать, но... Как бы ты хорошо или плохо не жил, все равно умрешь. В любом случае финал одинаковый. Так на хрена размышлять, с какой силой тебе сперма в голову ударила?"

Мне сначала показалось, что Толстяк сказал "цзибань гань"(чахнуть в оковах), но потом я понял, что ослышался, и он произнес "джей бадань"(2), и не смог удержаться от горькой улыбки.

Я снова задумался, но Толстяк резко окликнул меня: "Наивняшка, ты лучше подумай, чем сейчас занят наш младший брат?"

Вернувшись в реальный мир, я посмотрел наверх: Молчун стоял возле стены и чем-то старательно ее натирал. Удивленный, я крикнул ему: "Что случилось?"

Тот не обратил внимания на мой вопрос и продолжал свое дело. А может, просто не услышал.

Мне стало интересно. С едой моей помощи не требовалось, я отложил нож и полез наверх. Отсюда мне стало видно, что Молчун натирает стену, древесным углем, словно раскрашивает что-то. Теперь он услышал мой вопрос и указал на камень: "Я только что это заметил."

Он измазал уже довольно большой кусок стены. Сдув излишки угля, я обнаружил, что вся стена покрыта глиптикой.(3)

"На свету рисунок совсем не заметен. Но если нанести краску, появляются тени, и тогда получается увидеть его," — сказал Молчун, выбирая очередной кусок угля.

Черная сажа, размазанная по камню проявила рисунок, как химикат картинку на фотобумаге. Я рукой стряхнул угольную пыль. На камне были изображены змеи, большое количество змей. Под углем рисунок стал настолько объемным, что, казалось, нарисованные змеи движутся.

Молчун продолжал замазывать стену, и постепенно перед моими глазами появлялась впечатляющая древняя резьба, которая, несмотря на время, хорошо сохранилась.

Закончив, Молчун покачнулся, видимо, сильно устал. Я подставил ему плечо, и он, опершись на него, сказал: "Здесь все о местных змеях."

"О чем ты говоришь?" — я еще не успел рассмотреть эти картины.

"С первого взгляда сложно увидеть сюжет, — ответил он. — Надо рассматривать постепенно, чтобы понять."

Меня это очень заинтересовало. Тем более, мы пока не встречали ценных реликвий по дороге. А еще в нашей ситуации главная проблема в отсутствии информации. Поэтому я крутился рядом со стеной, пытаясь найти лучшее положение, чтобы четко рассмотреть резьбу.

Но как ни старался, не мог понять, что обозначают эти рисунки. Там было много чего изображено. Что-то похожее на жертвоприношения или ритуалы. Точнее сказать не могу.

Припоминая историю, а частью просто угадывая, я рассмотрел несколько сюжетов, где древние люди поклоняются фазаньим шеям, бросая глиняные кувшины, такие же, что мы выдели в городе Дьявола, в отверстия квадратных башен этого храма. А там, в этих башнях, множество змей обвивает брошенные им кувшины. Это очень похоже на церемонию жертвоприношения, так как люди изображены коленопреклоненными.

Оказывается, здесь приносили жертвы змеям. Люди считали их богами? Хотя это неудивительно, змеепоклонничество распространено во всем мире. Древние не знали о том, что змея убивает ядом. Глядя на небольшие ранки, от которых сразу наступает смерть, естественно такое считали магией. В Китае многие малые народы поклоняются змеям.

Интересно, фазаньи шеи любят яйца мерзких королей трупоедов? Но ведь эти яйца должны быть ядовитыми. Интересно, чей яд более опасен: короля трупоедов или фазаньей шеи?

Молчун переступил в сторону, оказавшись перед изображением воинов, вооруженных копьями. Люди были одеты по-разному, некоторые убиты. Похоже, этот сюжет описывает войну.

Ситуация на поле боя была нарисована очень понятно, и складывалась она явно не в пользу воинов Сиванму: их было гораздо меньше, чем противников. Кроме того, со стороны Сиванму была лишь пехота, тогда как их противники имели кавалерию. Среди войска, противостоящего Сиванму, был выделен один человек, вероятно, царь или полководец, который управлял колесницей, запряженной восемью лошадьми. Самой Сиванму на рисунке не было. Изображение было не только хорошо сохранившимся, над ним явно работали лучшие мастера: отлично прорисованы все детали, можно разглядеть даже черты лиц.

"Это война..." — пробормотал Молчун.

"Похоже, кто-то пытался захватить царство Сиванму, вероятно, ее противником оказалось могущественное государство. Лоулань или Северный Хунну(4), — сказал я. — Я не могу хорошо рассмотреть особенности одежды, но оружие похоже на то, что использовали в Центральных равнинах. Значит, это все же Лоулань, а в колеснице их ван."

Мне казалось, мои доводы вполне логичны, но Молчун даже не обратил на них внимания. Вместо этого он дотронулся до изображения вана в колеснице и нахмурился.

"Что случилось?" — спросил я.

Указывая на предводителя врагов Сиванму, он ответил: "Я знаю этого человека."

_____

Примечания переводчика

(1) Линь Дайюй, □□□ — один из главных персонажей классического китайского романа XVIII века Цао Сюэциня « Сон в красном тереме» . Она изображается как хорошо образованная, умная, остроумная и красивая молодая женщина с физическими недостатками, иногда склонная к меланхолии. В современном китайском ее имя чаще используется не как сравнение, а в качестве образного выражения, обозначающего болезненного, слабого человека, склонного к меланхолии. Примерно, как в русском языке используют имя Печального Пьеро: "что сидишь, как печальный пьеро". В русском образное и прямое значения отличаются графически (заглавная/прописная буква). Как отличают образные выражения китайцы, не могу сказать.

(2)"Оковами заморенный" или "идиот яйценосный". Оба выражения звучат довольно схоже. Причем, цзибань гань, □□□, - имеет много значений (оковы, путы, ярмо, брачные или дружеские узы). Зато слегновое выражение джей бадань, J□□ , весьма конкретное высказывание, значение которого не слишком прилично. Без латинской J это известная идиома "человек, не способный отличить хорошее от плохого" дословно означающая "человек, который может думать, лишь держась за свои яйца", но добавление к этой идиоме литеры J делает ее почти нецензурной, так как китайцы с ее помощью маскируют использование английского ругательства jizz (сперма).

(3) Глиптика — виды техник резьбы по камню. Обычно выделяют два. Камея — выступающий рисунок и инталия — углубленный рисунок. Судя по тому, что Молчун смог рассмотреть резьбу, здесь идет речь об инталии.

(4) Северный Хунну — часть империи Хунну, существовавшей на территории Монголии и Северного Китая в первом веке до нашей эры. На границе старой и новой эры империя Хунну распалась на Южную и Северную: первые стали вассалами государства Центрального Китая, вторые им противостояли и частенько совершали набеги.

****

ГЛАВА 26. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ДЕЖАВЮ

****

"Ого! — я на мгновение опешил, потом выпалил. — Откуда ты его знаешь? Может, он твой второй дядя?"

Молчун не обратил внимания на сарказм, и после его пояснения, я понял, что, как всегда, поторопился с выводами: "Эти восемь лошадей... это император Му из династии Чжоу.(1)."

"Ван Му? Тот самый, о котором написана "История о посещении небес Му Ваном"?

Я знал легенду об императоре Му, которая довольно известна. Правитель Чжоу, Ван Му приказал запрячь колесницу восемью самыми быстрыми в мире скакунами, которых звали Чичжи, Даоли, Байи, Юйлунь, Шаньцзы, Цюйхуан, Хуалю и Люэр. Его колесничими были Цзаофу и Бо Яо. Он отправился из Цзунчжоу(2), пересек Чжаншуй(3), затем Хэцзун(4), миновал горы Янъюй(5), Цюньюй(6) и другие, встретился с королевой Запада Сиванму, пировал с ней и получил от нее дары.

Другими словами, он отправился ко дворцу Сиванму в колеснице, запряженной восемью лошадьми и получил от нее дар бессмертия и излечения.

Но, судя по глиптике, не похоже, что император Му приехал с миром. Может быть, легенда ошибочна, и на самом деле, отправляясь в царство Сиванму, он собирался прийти туда с войной?

Я продолжил рассматривать рисунки. Следующая картина дала мне новую информацию. Я видел сюжет, повествующий, как армия императора Му ворвалась во дворец. Там же были изображены женщины, поклоняющиеся змеям в башнях и что-то выливающие туда. Затем фазаньи шеи выползли из башен, кусая воинов императора Му.

Увидев это, я сразу понял назначение квадратных каменных башен: "Похоже, что император Му действительно напал на столицу царства Сиванму, но потерпел поражение из-за нападения ядовитых змей. Возможно, легенда в том виде, в котором дошла до нас, придумана самим императором с целью скрыть историю своего поражения в войне. Получается, что Сиванму использовала фазаньи шеи для защиты своего города. Неудивительно, что им поклонялись, как богам. По такой же причине маньчжуры не убивают ворон(7)."

Рассматривая эти сюжеты, я обнаружил нечто новое. Кажется, эти квадратные каменные башни соединены подземными переходами, в которых под городом и обитали змеи. В мирное время их кормили головами людей, а при нападении использовали еще что-то, выманивающее змей наружу, навстречу к врагу. Это хорошо продуманный способ защиты, ведь фазаньи шеи очень ядовиты и имеют быструю реакцию, уберечься от их укуса практически невозможно, их сложно остановить.

Другими словами, люди здесь жили в городе, а змеи — под землей. Но сейчас город опустел, и змеи выползли на поверхность, поскольку люди, кормившие их, давно мертвы. Царство Сиванму мне чем-то напомнило жителей Амазонки, которые использовали для защиты своих территорий пираний, и даже приносили им жертвы(8). Только там убивали людей и животных целиком, а здесь в жертву приносили только головы.

Окинув взглядом всю глиптику целиком, я понял, как существовал в древности этот город.

Молчун к этому времени перешел туда, где тень скрывала центральную часть глиптики. Этот сюжет был особенно ярко выделен и изображал странную сцену. Огромная змея была окружена множеством фазаньих шей, сражавшихся друг с другом. Эта змея обвивалась вокруг огромного дерева, издалека казалась всего лишь узором на стволе.

"А это вроде похоже на тех питонов, с которыми мы столкнулись, — сказал я. — Кажется, здесь обитали два вида змей, и они враждовали."

Молчун провел пальцами по рисунку и ответил: "Нет, они спариваются."

"Спаривание?! — я какое-то время не знал, как принять эту информацию. — Ты хочешь сказать, что огромный питон и мелкая фазанья шея спариваются? Но это же разные виды змей, не только внешне, но и по размеру. Как они могут спариваться?"

"Ты знаешь такую птицу лаобао?"(9) — внезапно спросил Молчун

"Старая дрофа? — я задумался о том, что ход мыслей у него какой-то странный. — Старая дрофа управляет борделем."

"Угу, — хихикнул Молчун, — но это образное выражение. На самом деле дрофа — это птица. В старину думали, что дрофы — только самки, самцов этого вида не существует. Чтобы размножаться, эти птицы спариваются с другими видами. Поэтому так называли и женщин-проституток, которые спят со всеми подряд. Но древние ошибались насчет дроф. Самцы у них есть, но они сильно отличаются видом и размерами. Самки в несколько раз меньше, оперение другой формы и окраски, поэтому их считали разными видами."

Теперь я понял, что означает этот рисунок: "И ты думаешь, что питоны и фазаньи шеи — это один вид змей, самцы и самки которых сильно отличаются? Тогда кто из них самец, а кто — самка?"

"Если учесть, что реверсивный половой диморфизм(10) встречается чаще, самцы должны быть меньше. Но возможно и наоборот." — он осторожно водил пальцами по поверхности камня, словно ощупывая гигантского чешуйчатого питона, узором охватывающего столь же большое

дерево. — Странно."

"Что странного?" Я подошел поближе, но ничего особенного не увидел. Не отрывая взгляда от глиптики, он нахмурился, отступил на несколько шагов, чтобы взять еще угля, затем закрасил области выше и ниже этого сюжета.

Теперь центральная часть глиптики стала единым целым. Увидев полную картину, я открыл рот от удивления.

До этого я видел лишь дерево, вокруг которого обвивалась гигантская змея с объемной чешуей. Но теперь, отступив на пару шагов, я заметил, что это вовсе не дерево, а более крупная змея, свернувшаяся в кольцо. Она была просто огромной, потому раньше и не удавалось ее увидеть. Размеры этих двух змей отличались так же, как скалка и палочки для еды. А фазаньи шеи на фоне двух гигантов вообще казались зубочистками.

"Это... что это? Дракон?" Если вспомнить питонов, то первая змея с объемной чешуей просто огромна. Но вторая еще больше, в реальности ее толщина, наверно, столь велика, что внутри целый Цзефан поместится. Можно ли это вообще считать змеей?

Молчун растерянно рассматривал глиптику, не говоря ни слова и все так же водя по ней пальцами. Через некоторое время он произнес: "Смотри, эти маленькие змеи не обвиваются вокруг большого питона. Они просто в кучу сбиваются, словно не дают ему соскользнуть. А вот две огромных змеи именно спариваются..."

Я завороженно смотрел, как он водит пальцами по спиралям маленьких змей. Действительно, мелкие твари переплетались друг с другом, но не с большой змеей. А вот два гигантских пресмыкающихся обвивали друг друга. Какое-то время я слова не мог вымолвить от удивления. И вдруг вспомнил кое-что: "Боги всемогущие, Толстяк был прав!"

Примечания переводчика

(1)Восемь лошадей императора Му. Му Ван, □□, 5-й китайский император из династии Чжоу. По традиционной версии он правил в 1001—947 гг. до н. э., а согласно исследованиям в рамках проекта Ся-Шан-Чжоу — в 976—922 гг.до н. э. Согласно распространённой легенде, Му-вану приснился сон о том, что он обрёл бессмертие. При этом он посетил небеса небожителей, где вкусил груши, дающие бессмертие. Туда его довёз возничий Цзаофу (□□). Роман четвёртого века до н. э. Му Тяньцзы чуань (история о посещении небес Му-ваном)(□□□□), описывает визит Му-вана к царице Запада Сиванму. Но там упоминается не одна колесница, а две, запряженные

четверками лошадей. Одной управляли два возничих(Цзаофу(□□) и Тайбин), последнее имя переведено не точно, так как его написание в источнике нечеткое), другой — три возничих (Бо Яо (□□), Шэньбо и Бэньжун). Каждая из восьми лошадей имела свое имя (встречаются несколько вариантов перевода этих кличек): Чичжи (□□) – Рыжий быстроногий или Рыжий лучший, Даоли (□□) — Черный вор, просто Вороной или Темная лошадка, Байи (□□) — Белый друг, Верный или Преданный, Юйлунь (□□) — Добрый конь или Превосходящий скоростью колесницу, Шаньцзы (□□) — Сын гор, Цюйхуан (□□) — Золотой великан или Желтый великан, Хуалю (□□) — Рыжий черногривый, Люэр (□□) — Черноухий.

(2) Цзунчжоу — одна из столиц Чжоу, первая, западная, располагалась на территории нынешнего Сианя.

(3) Чжаншуй — река в Китае, в верховьях которой сейчас располагается городской округ Чанчжи́ в провинции Шаньси.

(4) Хэцзун — река в северо-западной части Шаньси и области Циншуйхэ во Внутренней Монголии. Раньше это название носила вся местность, которую пересекала эта река, а также племя, обитавшее в верховьях Хуанхэ.

(5) Гора Янъюй (□□), Живая вода — гора, где, согласно традиционной мифологии, располагается один из девяти священных источников Китая. Там обитают бог реки Хуанхэ и другие речные боги. Упоминается как святилище царства Цинь («Хуайнаньцзы», с. 55; «Весна и Осень Люя», с. 125; «Эръя», кн. 3, с. 69). Однако определить реальное географическое положение этой горы сложно — известно, что эта вершина находится где-то в провинции Шэньси. Согласно мифологической традиции, Великий Юй принес здесь себя в жертву, чтобы остановить потоп («Хуайнаньцзы», с. 332). Запись названия варьируется в источниках.

(6) Гора Цюньюй (□□□), Нефритовая гора — по легенде это резиденция Сиванму, королевы Запада. Составляя примечания к "Му Тяньцзычуань", Го Пу писал: "Эта гора богата нефритом, что ясно из ее названия."

(7) "По этой причине маньчжуры не убивают ворон." Согласно легенде, проигрывая битву один из маньчжурских царей, Нурхачи со своими воинами оказался в окружении противника. Царь заставил своих воинов лечь на землю и прикинуться мертвыми. В этот момент прилетела стая ворон и уселась на притворяющихся, словно они на самом деле были мертвы. Увидев эту картину, враг поверил в их смерть и покинули поле боя, а отряд, сопровождавший царя, был спасен. С тех пор, совершая жертвоприношения, маньчжуры никогда не забывали о доброте ворон. Они всегда кормили ворон мясом и рисом, оставляли для них свежую воду. А если кто-то смел навредить священной птице, то становился изгоем.

(8) "Мне это напомнило жителей Амазонки, которые использовали для защиты своих территорий пираний, и даже приносили им жертвы." У Се ошибается. Существует миф, что жители Амазонки, собираясь пересекать реку, приносят в жертву пираньям корову. Но это только миф: опасность пираний сильно преувеличена, сожрать такое животное или человека эта рыба не в состоянии. Даже больше: сами пираньи весьма трусливы и собираются в стаи не

для нападения, а для защиты.

(9) □□ , лаобао раньше переводилось дословно как "старая дрофа", но позже, из-за легенды так стали называть хозяек борделей. Молчун достаточно внятно рассказал эту историю. Добавлю лишь, что лаобао в древности называли не самок, а самцов дрофы, которые, если и спаривались с кем-то, но яйца не несли... хи-хи.)))

(10) Реверсивный половой диморфизм — разница в размерах разнополых животных, когда самки больше самцов. В отличие от нее прямой половой диморфизм предполагает выделение самца внешне (яркая окраска, агрессивные формы) и размерами.

****

ГЛАВА 27. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ЗМЕИНАЯ МАТЬ

****

"Социальное поведение змей". Именно этот термин пришел мне в голову, а еще я вспомнил, как Толстяк сравнивал змей с муравьями, даже вроде сказал, что у них может быть змеиная королева, которую они кормят.

Тогда я решил, что это невозможно. Слаженные действия змей, на мой взгляд, всего лишь проявление групповых инстинктов, как у стервятников, которые скопом кидаются на еду, но это скопление нельзя назвать полноценной стаей. Поэтому обнаруженная глиптика стала для меня открытием: на камне изображена точная модель социального поведения животных.

Эти маленькие красные фазаньи шеи выполняют роль, схожую с функциями муравьев-рабочих, которых в социальной структуре муравейника больше всего. Так и фазаньих шей здесь очень много. Чешуйчатые питоны, надо полагать, самцы, их гораздо меньше, они больше по размеру. А эта самая большая змея — королева-мать, как и говорил Толстяк, единственная самка в социальной структуре змеиного сообщества. Судя по изображению, королева-мать настолько велика, что самец-питон самостоятельно спариваться с ней не может, и тут на помощь приходят фазаньи шеи. Думаю, они же помогают королеве-матери питаться. Вряд ли при таком размере она способна охотиться самостоятельно.

Но неужели где-то в дебрях этого жуткого леса обитает тварь такого размера?

Я слышал много легенд и сказок о змеях. В реальности самая крупная змея обитает где-то в лесах Бразилии. Говорят, что встречаются анаконды длиной 50 метров(1). Но даже из легенд понятно, что змеи и люди сильно отличаются. Например, продолжительность жизни змей нельзя точно определить, она зависит от величины пресмыкающегося. Змея умирает естественной смертью, когда достигает такого размера, что уже не может охотиться. Но, если пищи достаточно, змея может расти очень долго. Однако, даже если верить слухам, дольше ста

лет ни одна змея не проживет. Глиптика, которую я сейчас рассматриваю, была создана три-четыре тысячи лет назад. Если тут и была королева-мать змеиного сообщества, то она давно должна была умереть.

Кроме того, при таком огромном теле она должна была постоянно находиться в воде. А местное болото кажется слишком мелким для нее.

Я был обескуражен. Встреть я такую глиптику в каком-нибудь музее, то предположил бы мифологическую гиперболизацию(2). Но мы встречали уже фазаньих шей, которых изобразили здесь древние, и на своем опыте убедились, что их поведение весьма необычно и полностью соответствует сюжетам на камне. Скорее всего, и остальные детали соответствуют действительности. Тогда это может быть большим открытием в области биологии, истории, археологии и даже социологии.

В любом случае эту информацию не стоит игнорировать. Как сформировались такие странные социальные отношения среди змей? Почему они так отличаются от обычных пресмыкающихся? Я чувствовал, что для этого должна быть какая-то веская причина, возможно, тесно связанная с историей царства Сиванму.

Рядом я увидел еще одну серию сюжетов, изображающих религиозный ритуал: множество людей преклонили колени перед ядовитой змеей, стоящей на хвосте. Судя по архитектуре изображенного храма, это именно то место, где мы находимся сейчас. В то время он еще не был затоплен и имел пять уровней. Сейчас три нижних этажа заполнены болотной водой и землей, на поверхности остались только два. На рисунке перед коленопреклоненной толпой на алтаре стояла змея. Вероятно, это часть ритуала жертвоприношения, но, кроме неестественного положения змеи, ничего странного в этом сюжете нет. Алтарь на рисунке находится напротив главного входа в храм. Видимо, те валуны, что мы увидели, когда пришли в лагерь, были остатками разрушенного алтаря.

Я отошел назад, пытаясь охватить взглядом всю глиптику: описание назначения квадратных башен, в центре сцена спаривания змей, которую окружают изображения жертвоприношений и ритуалов, подробное описание использования змей в ходе обороны города. Как верно заметил Молчун, эта глиптика полностью посвящена местным пресмыкающимся.

Я хотел найти еще больше информации, но остальные рисунки расшифровать не смог: их было немного, и они, кажется, не несли важной информации. А на других стенах глиптики не было.

В реальный мир меня вернул голос Толстяка, доносящийся снизу: "Чем вы двое там занимаетесь? Я уже несколько раз звал вас. Есть хотите?"

Мы оба все еще были захвачены находкой, но ничего нового не нашли. Зато наши желудки не желали больше питаться знаниями, голод познанию окружающего мира совсем не способствует, и нам пришлось прерваться.

Поддерживая Молчуна, я спустился и, приблизившись к походной печи, почуял давно забытый запах мяса. Толстяк использовал таз для умывания, как горшок, который подвесил над огнем и там запек мясо из консервов.

Помешивая свое варево, он спросил, что мы там делали, и посетовал, что я совсем обнаглел и отношусь к нему, как к простому повару. Поэтому теперь он отказывается нам помогать.

Но, когда услышал о нашей находке, он сначала удивился, а потом гордо заявил: "Великие умы всегда могут принимать правильные решения. Вы должны усвоить этот урок и в будущем слушаться меня, чтобы не было проблем... но если змеиная королева-мать мертва, то зачем фазаньи шеи до сих пор собирают трупы? Они едят мертвечину?"

"Может, они кормят питонов-самцов? — предположил я. — Помните, когда мы ночью нашли на дереве тело А Нин, вокруг было много фазаньих шей, которые, возможно, защищали питонов. Ведь их фазаньи шеи, может быть, тоже должны были оберегать, как привилегированный класс, если допускать их высокую социальную организацию и иерархию. Крупные питоны вполне могли прожить очень долго, но королева-мать при таких размерах — нет. Здесь слишком мало еды для нее. Кроме того, если бы она до сих пор была жива, то не могла бы лежать без движения, и мы должны были увидеть какие-то следы ее присутствия. В общем, я считаю, что эта змеиная королева-мать давно мертва."(3)

Подумав над моими словами, Толстяк кивнул. И я почувствовал большое облегчение: теперь понятно, что это не мистика какая-то, а вполне себе естественное поведение, которое можно объяснить научно.

Толстяк вздохнул: "Наши выводы радуют, но у меня есть еще сомнения по поводу того, как нам прожить сегодняшнюю ночь. Давай все-таки поедим: воевать на сытый желудок сподручнее."

Я был так голоден, что больше не мог говорить. Спросил только, что он приготовил.

"Почти все консервы сварил, осталось совсем немного. Потушил мясо, порезал сардины. Сборная солянка. Боюсь, на вкус так себе... Ладно, давай больше не будем говорить о змеях, чтобы аппетит не отбить. Зацени кулинарное мастерство Толстяка. Первый укус бесплатно, за второй и следующие— гони бабло. Поэтому постарайся все за один кусь сожрать."

"Да какое кулинарное мастерство нужно, чтобы это приготовить? Разве не просто разогреть?"

— возмутился я.

Он прищелкнул языком и возразил: "Да ты еще хуже своего третьего дяди. Настоящий торгаш. Быть тебе таким до конца жизни!" Сколько бы мы не препирались, а мой желудок твердил одно: он хотел есть. Я немедленно зачерпнул варево Толстяка пустой банкой, набил полный рот, обжегся так, что слезы брызнули. Но это было восхитительно: немного напоминало рисовые лепешки по вкусу, но, по крайней мере, это было похоже на нормальную еду.

Как только, наевшись, я сытно рыгнул, Толстяк обижено буркнул: "Вкусно? Больше не говори ерунды!" Втроем мы дочиста вылизали таз, считавшийся горшком.

От горячей еды я вспотел, но почувствовал себя бодрее. И мои колени уже не болели так сильно.

"Ну и как? Хорошо? Учитесь, ребятки! Люди живут до семидесяти лет, все это время едят, пьют, играют в азартные игры. Еда — одно из главных удовольствий в этой жизни. Я, Толстяк, живу на острие ножа, потому знаю толк в наслаждениях. Вы должны есть так, словно это последняя трапеза, только тогда вы познаете истинное наслаждение гурмана."

"Тьфу на тебя! — возмутился я. — Какого хрена мы должны только есть, пить и играть в азартные игры? Ты можешь быть последним раздолбаем, но не втягивай нас в это."

Его шутка показалась мне не совсем удачной на данный момент, потому что это действительно могла быть наша последняя трапеза.

"Ой, расскажи мне еще про пережитки феодального общества! — скривился Толстяк. — Нам здорово досталось. Вчера мы почти ослепли из-за тумана. Подкрепиться немного — это не баловство и развлечение, а необходимость. Сытый быстрее справиться с усталостью и последствиями отравления."

Вспомнив о тумане, я задумался: "Кстати, туман был и в лесу, но там мы не слепли. Почему именно в болоте такое произошло?"

"Думаю, дело в воде, — ответил Толстяк. — Туман — это оседающие испарения воды в определенной местности. В лесу вода чистая, почти проточная, а в болоте — стоячая, возможно, гниющая, соответственно, болотный туман мог содержать вредные вещества, что находятся в болотной воде. Но более конкретно ничего сказать по этому поводу не могу."

Я кивнул и, вспомнив о той тени, что видел в палатке, когда зрение еще только начало

восстанавливаться, спросил об этом. Но Толстяк только головой покачал: "Мы были не в той ситуации, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Если что и было, как я мог заметить? А с чего ты взял, что это глюки?"

"В каком-то ток-шоу слышал."

"И ты поверил?" — он с осуждением покачал головой, а я вдруг заметил, как Молчун хмурится, глядя на меня.

Мне казалось, что он не слушал наш разговор, и до сих пор думал о глиптике, поэтому я посоветовал: "Не заморачивайся. Всему свое время. Потом мы внимательнее рассмотрим рисунки и, возможно, найдем что-то важное, можешь не сомневаться."

Я не закончил говорить, как он перебил меня: "Ты видел кого-то, кто рылся в рюкзаке?"

Я удивленно кивнул: "Перед глазами тогда все расплывалось, я видел так плохо, что это было скорее похоже на галлюцинацию. Но, определенно, этот силуэт не был похож на вас двоих."

Внезапно Молчун вскочил, заявив: "Это Вэньцзинь!"

Примечания переводчика

(1) "Встречаются анаконды длиной 50 метров." На самом деле максимальная длина анаконды не 50 метров, а всего лишь 12. Кроме того серпентологи считают, что продолжительность жизни змей действительно зависит от размера: чем больше змея, тем дольше она живет. Хотя с другой стороны, исследователи утверждают, что место обитания одной змеи сильно ограничено (примерно сто метров), и, если на этой участке уменьшается количество пищи, змея долго не проживет, особенно большая. Что касается столетних змей — это легенда, бытующая среди индейцев Амазонки, считающих, что некоторые анаконды живут сто лет и становятся самыми могущественными среди сородичей. Кстати, мифологический сюжет про долгоживущих животных, которые из-за этого обретают какие-то волшебные и магические способности, распространен у многих народов, самый популярный — это девятихвостые лисы в Азии и некоматы в Японии. Но на самом деле этот факт никем не был подтвержден. Ученые считают максимальной продолжительностью жизни крупных змей всего 50 лет.

(2) Мифологическая гиперболизация — метод выразительности в искусстве, преувеличение с какой-либо целью, например, изображение царей в несколько раз больше обычных людей,

чтобы показать их власть и социальный статус.

(3) "Я считаю, что эта змеиная королева-мать давно мертва." В рассуждениях У Се и Толстяка есть одно несоответствие: если змеиная королева-мать мертва, то как размножаются фазаньи шеи? Даже если они такие долгоживущие, что три тысячи лет прожили, все равно популяция может уменьшаться — враги какие-нибудь, болезни, травмы и прочее. Кроме того, не понимаю, почему они не предположили, что среди потомства королевы-матери не может быть другая самка, будущая королева, которая сменит предыдущую после ее смерти? И, наконец, глубина болота не важна: для крупного животного по законам физики, достаточно быть просто погруженным в воду, чтобы чувствовать себя комфортно. А для этого достаточно водоема, вода в котором целиком укроет любимый Наньпаем Саньшу Цзефан.

****

ГЛАВА 28. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ОХОТА

****

"О! Почему?" Я даже не знал, как задать вопрос.

Не ответив мне, он задумался на мгновение, затем внезапно сказал: "За мной!" И тут же выбежал наружу.

Я посмотрел на небо: солнце уже садилось. Что-то мне подсказывало, что действия Молчуна не приведут ни к чему хорошему. Но все равно последовал за ним. Он зашел в ближайшую палатку и вышел оттуда с полиэтиленовым пакетом в руках, с камня, заменявшего стол, забрал чашку, в которой стояли зубные щетки, подобрал по дороге шахтерский фонарь и бросился в лес.

Спотыкаясь, я следовал за ним. Молчун бежал очень быстро и в мгновение ока добрался до болота на границе джунглей, прыгнул в воду, набрал полный пакет грязи, зачерпывая ее чашкой со дна, а затем вылил на себя. Я застыл в удивлении, он обернулся и помахал мне рукой, подзывая. Кивнув, я спрыгнул к нему и еще не успел восстановить равновесие, как мне в лицо полетел комок грязи из чашки. За несколько секунд мы оба так измазались, что выглядели теперь точно так же, как и Вэньцзинь, когда мы ее впервые увидели.

Я подумал, что он решил подготовиться к ночи. Но ходить грязным очень неприятно, я чувствовал себя не комфортно, поэтому спросил, зачем это все. И он ответил: "Будем ловить Вэньцзинь."

"Ловить Вэньцзинь?"

"Да. Она ищет еду. Похоже, собственные запасы у нее закончились, поэтому сегодня вечером

она обязательно вернется в лагерь. А я собираюсь устроить засаду."

"Ночью? Засада? — я с сомнением покачал головой. — Но это же опасно! Если случится что, мы все погибнем."

Молчун странно посмотрел на меня и вдруг спросил: "Помнишь, для чего ты здесь?"

Меня словно ледяной водой окатило от его взгляда, настолько он был холоден. Молчун вылез из болота и ушел, не оглядываясь.

Я так и остался сидеть в грязной воде, чувствуя себя оскорбленным до глубины души. Почему он так смотрит на меня? То делает вид, что я пустое место, то скрывает что-то все время. А потом вдруг интересуется, зачем я здесь, словно я тут родине долг отдавать должен. Какого хрена?

Но злость быстро прошла, и я почувствовал себя неловко. Ведь отлично знаю, что он имел в виду. Боюсь, сейчас уже поздно думать только о безопасности. Выругавшись, я встал.

Вернувшись, я переговорил с Толстяком. Он тоже засомневался. Вчерашняя ночь была просто ужасной, и план Молчуна действительно слишком рискованный. Но подумав, Толстяк согласился с ним.

Наши планы снова резко менялись. До этого мы собирались приложить все силы, чтобы выжить этой ночью. И вот теперь сознательно ищем проблемы на свою голову. Но отказаться Толстяк не мог. Вэньцзинь не дура, чтобы болтаться рядом с нами, когда нет тумана и мы не спим. Даже если мы будем не в самом лагере, она не рискнет соваться туда днем. И если предположение Молчуна о том, что она голодна, правда, то сейчас идеальный момент ее поймать.

Обдумав план Молчуна, Толстяк решил сварить остатки консервов, чтобы все выглядело так, словно мы только что поужинали. Варил он с открытой крышкой, чтобы аромат распространялся как можно дальше. Молчун еще раз сходил на болото и, вернувшись, вымазал грязью Паньцзы, а затем и Толстяка.

Закончив с грязевыми процедурами, он взял варево Толстяка и пошел в лагерь, позвав нас за собой. Я поинтересовался, как быть с Паньцзы. Неужели оставим его одного? Но он ответил: "Мы вернемся быстро. Чем больше людей будет в засаде, тем выше шансы поймать ее."

Молча проследовав до лагеря, мы водрузили таз с консервами над кострищем.

Было еще рано. Втроем мы нашли укрытие, где присели на корточки, ожидая, когда наша добыча клюнет на приманку. Мне нестерпимо хотелось засмеяться. Это выглядело абсурдно: мы ловили Вэньцзинь на похлебку, как какую-то кошку.

Так мы долго сидели на корточках и смотрели, как солнце скрывается за деревьями. Темнота вокруг нас сгущалась, мы замерли, словно призраки. Но ничего не происходило. Варево наше уже давно остыло. Толстяк ничего с собой не мог поделать, весь горел от нетерпения. Он хотел что-то спросить, но Молчун приложил палец к губам, затем показал на ухо, поясняя, что надо прислушиваться к звукам вокруг.

И мы молчали, старательно прислушиваясь. Грязь на мне была липкой и вонючей и доставляла массу неудобств. Там, где не было одежды, она уже высохла и стянула кожу, вызывая сильный зуд. Я пару раз почесался и больше так не делал: расцарапанная кожа начинала зудеть еще сильнее и, местами, трескалась.

Сжав зубы, я ждал. Уже стемнело, лишь кое-где над кронами деревьев виднелись полосы от лучей заходящего солнца. Я словно погрузился в глубокий транс. Внезапно мне показалось, что я заметил движение. Придя в себя, я напрягся, заметив, что Толстяк и Молчун осторожно выглядывают из укрытия. Выглянув из-за камня с другой стороны, в тусклом свете заката я увидел человека, покрытого грязью, осторожно выходящего из джунглей. Судя по походке, это была женщина.

"Действительно Вэньцзинь!" У меня сердце сжалось: сработало! Прежде чем я успел рассмотреть детали, Молчун положил мне руку на плечо и потянул назад.

Я обернулся. Молчун жестами показывал, как надо будет действовать каждому из нас, чтобы поймать ее.

Я не знал, что он собирается делать, но все равно кивнул и продолжал терпеливо ждать. Засада теперь казалась мне весьма увлекательным занятием. Сердце бешено колотилось. И вдруг я услышал звук снимаемого с костра таза с консервами.

Толстяк порывался выйти, но Молчун все еще не двигался. Поэтому мы оба тоже ничего не предпринимали. Выждав минут десять, Молчун на мгновение закрыл глаза, затем внезапно сорвался с места, оказавшись за пределами нашего укрытия... Мы услышали возглас удивления, за которым последовал топот.

Мы с Толстяком тут же поднялись на ноги, выскочили из-за камня справа и слева и обогнули лагерь по периметру. Нам удалось ее окружить.

Вэньцзинь явно была растеряна и металась между нами, а на ее лице, казалось, застыл страх.

В свете костра я смог хорошо рассмотреть ее. Хотя она вся была перепачкана грязью, я уверенно могу сказать, что на вид ей было не больше девятнадцати лет. Подозреваю, что она сейчас выглядела точно так же, как на фотографиях третьего дяди.

Это невероятно, потому что противоречит всем законам времени и пространства. Если бы это был фантастический фильм, можно было сказать, что она вышла из старых фотографий. Но сейчас думать об этом не было времени.

Вэньцзинь, очевидно, была напугана, и растеряно озиралась, пытаясь найти способ выбраться из окружения.

"Не бойся, тетя Чэнь..." — я всего лишь хотел ее успокоить, но, кажется, сделал еще хуже.

Вэньцзинь резко обернулась, бросилась ко мне. Я развел руки в стороны, желая обнять ее. Неожиданно она наклонилась вперед, схватила меня за руку, выкрутила ее и толкнула в сторону ближайшей палатки. Я закричал от боли, упал. А она бросилась прочь, в сгущающийся туман.

Когда я поднялся на ноги, Молчун и Толстяк, матерясь, гнались за ней. Чувствуя себя абсолютно бесполезным, я побежал следом.

****

ГЛАВА 29. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: БИТВА В ТЕМНОТЕ

****

Вэньцзинь убежала далеко вперед, я ее больше не видел, оставалось лишь ориентироваться на широкую спину Толстяка и стараться не отставать. В такой темноте стоит мне хоть на шаг отстать, я потеряю его из вида.

Но в этот раз ни в коем случае нельзя дать ей возможность сбежать, у нас слишком много вопросов к ней накопилось.

Она выбралась из лагеря, но еще не добежала до зарослей. На открытом месте Молчун легко догонял ее, вынуждая свернуть к большому валуну поблизости. Мы втроем снова окружили Вэньцзинь, и она оперлась на камень. Казалось, ей теперь некуда бежать. В тишине было слышно ее прерывистое дыхание.

"Сестра, чего ты боишься? — спросил Толстяк. — Мы хорошие люди, зачем от нас бегать. А то я уже чувствую себя, как японцы, бегавшие за цветочницей?(1)"

Внезапно Вэньцзинь крикнула, но я не расслышал, что именно. Затем она повернулась и вскарабкалась на валун. Ее движения были легкими и быстрыми, очевидно, она занималась боевыми искусствами.

Никто из нас, кроме Молчуна, не мог угнаться за ней. Он бросился следом и схватил ее сзади. Вэньцзинь отчаянно сопротивлялась, и они свалились с валуна на другую сторону, мы лишь услышали всплеск, словно они упали в воду.

Мы с Толстяком бросились на подмогу и обнаружили, что за валуном был один из бассейнов, которые мы видели вокруг лагеря. Точнее, не бассейн, а затопленная нижняя часть храма, где под водой, вероятно, есть коридоры и проходы, ведущие внутрь основной части этого огромного древнего сооружения. Оказавшись под водой, Молчун был вынужден отпустить Вэньцзинь, чтобы всплыть и глотнуть воздуха. Мы замерли на краю бассейна, готовые в любой момент схватить вынырнувшую Вэньцзинь.

Однако пока на поверхности были лишь мы трое. Через какое-то время вода перестала плескаться о камни, но Вэньцзинь так и не появилась.

Подождав еще немного, я забеспокоился. Вдруг она плавать не умеет и утонула? Получается, мы убили ее? Молчун тут же снова нырнул, чтобы найти ее.

На поверхности воды всплывали пузыри, его не было около тридцати секунд. Потом он вынырнул и сказал: "Внизу проходы в храм. Кажется, она поплыла туда."

"Ты уверен? Значит, она жива. Ее нужно немедленно вытащить оттуда!" — сказал я.

Внутренние коридоры древних храмов часто похожи на лабиринт, в котором легко заблудиться. А в затопленных помещениях могут быть завалы. Даже при полном дайверском снаряжении лезть туда опасно, можно погибнуть.

"Не все так плохо. Кажется, бассейны здесь сообщаются." Говоря это, Молчун вышел из воды и присел позади нас, чтобы отдышаться.

Мы немедленно бросились к соседнему бассейну. Он оказался рядом, совсем недалеко от первого, камни вокруг него были мокрыми, а следы уходили в лес. Очевидно, Вэньцзинь хорошо знала схему переходов нижней части храма.

Мы бросились по следам и, через несколько метров услышали впереди прерывистое дыхание и звуки быстрых шагов. Прибавив ходу, мы углубились в заросли. И тут у меня в глазах потемнело. С ужасом я вспомнил о ядовитом тумане в лесу и остановился.

Сердце ёкнуло. Не стоило бежать вперед сломя голову. А что, если бы я заблудился? Молчун и Толстяк убежали далеко вперед. Мне оставалось только крикнуть им, предупреждая о возможной опасности и бежать следом. Надеюсь, Молчун быстро поймает ее, иначе все может очень плохо кончиться.

Хотя Толстяк и предположил, что туман в лесу не ядовитый, но кто знал, так ли это. Если мы все вдруг ослепнем в глубине джунглей, нам точно конец.

Одна из веток в стороне показалась мне похожей на золотисто-коричневого питона-самца, вокруг было так мрачно, что я отвлекся и не заметил ветку впереди, о которую ударился головой и упал. Поднявшись, я увидел, что Толстяк и Молчун уже пропали в зарослях впереди, лишь издалека доносился шум и треск ломающихся веток, но я не мог определить направление.

Я взглянул на небо: там уже появились звезды и ярко светила вечерняя Венера. Мне пришлось присесть на корточки, чтобы отдышаться, прежде чем продолжить погоню. Казалось, что мои легкие сейчас разорвутся. Оглядевшись, я понял, что не знаю, где нахожусь, и мне стало тревожно.

Приблизительно прикинув направление, я прошел несколько метров, но дальше идти не решился, и начал кричать, чтобы они тоже далеко не убегали, это может быть слишком опасно.

Я крикнул несколько раз, но в ответ услышал лишь звук, словно кто-то бежит в мою сторону, и немедленно направился туда.

С трудом перебравшись через переплетения лиан, я осознал, что снова потерял направление, и звуков в лесу больше не было слышно. Да это просто какая-то игра в кошки-мышки с беготней по кругу.

Пытаясь вспомнить, в какой стороне в последний раз были слышны звуки погони, я вдруг услышал, как кто-то зовет меня: "Молодой третий господин."

Голос был странный, похож на женский, словно кто-то говорил, зажав нос. Это звучало пугающе.

Опешив от неожиданности, я сразу повернулся в сторону, откуда прозвучал зов, и направил туда свет шахтерского фонаря: "Вэньцзинь?"

Позади меня был настолько густой туман, что ничего не видать. Но голос я точно слышал. Понимая, что это не было галлюцинацией, я сразу же крикнул: "Кто ты?"

Из густого тумана, но уже с другой стороны и с другой интонацией кто-то снова позвал меня: "Молодой третий господин?"

Я немедленно изменил направление света и даже подошел поближе, но все равно ничего не увидел.

Это было странно. Вроде зовущий меня находится недалеко. Он определенно должен быть в пределах досягаемости луча света. Но почему я никого не вижу? Человек прячется от меня?

"Кто ты?" — снова спросил я.

На этот раз ответа не было. Что-то с этим голосом не так. Я посветил себе под ноги, желая найти что-нибудь для самообороны, но вокруг стало так темно, что я не решился долго искать.

"Ты от третьего дяди?" — снова спросил я.

"Молодой третий господин? — голос снова сместился влево. Я сразу же направил туда свет — ничего, даже тени не мелькнуло.

Да почему же он прячется?! Я начал беспокоиться, потом подумал, что если он говорит, значит, должен быть человеком. И он знает, как меня зовут знакомые. "Молодой третий господин" — так ко мне обращаются только люди третьего дяди, которые знают меня. И он постоянно крутится рядом. Может, он не может меня ясно рассмотреть, сомневается, я ли это, потому и не хочет сразу появляться передо мной?

Подумав так, я уточнил: "Я — молодой третий господин. А ты кто?"

Ответа не было. Может, он мне не поверил? Я поднял фонарь повыше и пошел в ту сторону, откуда в последний раз звучал голос, говоря на ходу: "Выходи! Ты человек или демон?"

Черед пять или шесть метров я наткнулся на большое дерево, но так никого и не увидел. Это озадачивало. Я остановился в недоумении и снова услышал прямо из-за дерева: "Молодой третий господин."

"Не может же этот человек быть глухим? — подумал я и снова крикнул. — Я здесь!"

Внезапно кусты за деревом зашевелились. Я крикнул: "У меня нет времени в прятки с тобой играть!" И бросился туда, вытянув вперед руку с фонарем. Подвоха я не ожидал, а зря. Как только я обогнул ствол, под моими ногами оказалась пустота, и я упал.

Примечания переводчика

(1) "Японцы, бегавшие за цветочницей." Толстяк намекает на один из двух известных фильмов (а может, на оба). Есть китайская кинокартина 1951 года "Цветочница" (□□□), где речь идет не буквально о цветочнице, а о проститутке, которая, согласившись продавать свое тело японским оккупантам, спасла двух китайских медсестер, перевозивших раненых. Но возможно, Толстяк имеет в виду другой фильм, северокорейскую "Цветочницу" 1972 года, где героиня продает цветы в прямом смысле. Фильм показывался не только в КНДР, но и в СССР, а так же был очень популярен в северном Китае. Хотя последний вариант менее вероятен, так как в корейском фильме японцы особенно за цветочницей не бегали.

****

ГЛАВА 30. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: БОЛОТО

****

Это падение застигло меня врасплох. Не ожидал, что такие обрывы встречаются в джунглях. К тому же во время падения я никак не мог сгруппироваться: катился на спине, пытаясь

ухватиться хоть за что-нибудь, но руки соскальзывали, подо мной был лишь камень, покрытый влажным мхом. В какой-то момент, я обо что-то ударился коленом, от боли свернулся калачиком и в таком положении падал дальше.

К счастью, высота была небольшой, внизу оказалась вода, смешанная с илом, и смертельных травм я не получил. Но меня сразу утащило вниз по течению быстрым потоком. Несколько раз меня накрыло с головой, и я нахлебался воды. Когда, стиснув зубы я наконец, нашел опору для ног, то обнаружил, что шахтерский фонарь остался висеть на скале, и мне до него не добраться.

Какое-то время я пытался определить, не сломал ли чего, одновременно осматриваясь. В темноте мало что можно было разглядеть. Но я точно стоял по колено в болотной воде. А, судя по освещенному фонарем участку, скала, с которой я падал, была частью разрушенного храма.

Мне стало интересно, как сразу за деревом образовался такой обрыв? И где находился тот, кто меня звал? Там же не за что уцепиться. Может, он распластался на стволе, словно геккон?

Я крикнул, от ответа не было. Должно быть меня специально заманили туда, чтобы я сорвался. Вдруг вспомнилось, что я слышал этот звук днем, и это встревожило. Неужели все-таки галлюцинация? Может быть, этот проклятый лес свел меня с ума?

Шлепая руками по воде, я подплыл к краю обрыва и попытался уцепиться за сильно выступающий камень, чтобы меня не сносило течением. Сверху слабо от отвесной каменной стены отражался свет потерянного фонаря. Мне очень хотелось забраться наверх, но скользкий мох не позволял: ладони постоянно соскальзывали, как я ни старался.

Не в силах больше ничего придумать, я видел единственный вариант: идти вдоль скалы вниз по течению. Но там темно, а поток очень быстрый, вероятно, где-то поблизости либо провал, куда стекает вода, либо водопад. Если не удержу равновесие или споткнусь, меня просто снесет водой и либо в воронку затянет, либо сбросит с водопада — и придется меня с камней отскребать.

Ситуация была безвыходная. Можно еще было ждать до рассвета, либо сейчас звать на помощь. Сидеть в воде всю ночь я был не согласен, потому стал во все горло кричать.

Молчун и Толстяк не могли далеко убежать, вокруг очень тихо, они должны меня услышать.

Но боги считали иначе, не учитывая мои желания. Я кричал очень долго, пока не охрип. Но мне даже эхо не отвечало, тишина вокруг была пугающей, а в темноте наверху не было ни малейшего движения. Надо было придумать что-то другое.

Я чуть не плакал от бессилия, думая, что в этот раз нашел слишком большие проблемы на свою задницу. Глубоко вздохнув, я постарался собраться с мыслями и посмотрел на часы, чтобы прикинуть, когда рассеется туман. После этого видимость улучшится, может быть, тогда я смогу забраться наверх. Или хотя бы найду что-то в воде, чем можно будет сбить фонарь, висящий наверху.

Согласно предыдущему опыту, осталось всего несколько часов, можно и потерпеть. Я поудобнее уцепился за выступающий камень, огляделся. И что мне делать эти несколько часов?

Мои ноги тонули в иле, стоять было неудобно. Да еще вспомнились истории, который рассказывал Паньцзы, и теперь мне казалось, что кто-то ползает по моим ногам в воде и пытается укусить. Ощупав ноги, я понял, что мне только кажется.

Осознав, что это только мои фантазии, я почувствовал себя полным дураком, но все равно предпринял несколько попыток закрепиться на камне так, чтобы вытащить ноги из воды. Но, как ни крутился, забраться повыше не смог. Еще я надеялся нащупать ногами ветку или камень, и сбить шахтерский фонарь.

Осторожно переступая, я действительно наткнулся ногой на что-то под водой. Но это была не ветка.

Открытая кожа над ботинком словно ощутила прикосновение человеческих волос.

Я сразу вспотел. Любые волосы вызывают у меня сильное отвращение. Помню, как несколько недель после поездки на Сиша меня наизнанку выворачивало, даже когда приходилось расчесывать собственные волосы.

Я немедленно отдернул ногу. Снова нащупать что-то на дне я бы сам не решился, но поток заставил меня покачнуться, и я невольно дотронулся до того, что там лежало. Оно было мягким и большим, частично погруженным в грязь.

Чтобы не шарить в темноте, я включил свет на часах и погрузил их в воду. Вообще-то этот

синий свет не предназначен для освещения, его силы хватает лишь для того, чтобы посветить циферблат. Поэтому мне пришлось опустить часы как можно ниже.

И я застыл в ужасе: в призрачном слабом синем свете я разглядел человека, наполовину покрытого донным илом. Это его волосы шевелил поток, и они были похожи на тонкие водоросли.

Мои руки задрожали: это был труп, свежий труп, почти полностью покрытый грязью. Но мне удалось рассмотреть камуфляж, похожий на тот, что носил Толстяк.

Затем мне показалось, что сбоку еще что-то шевелится. Повернув часы в том направлении, я увидел, что в грязи у этого склона лежали мертвые люди, почти все покрытые донным илом, брошенные как попало, словно это Братская могила после кровавой битвы. И все трупы были свежими.

Приподняв тело, обнаруженное первым, я заметил, что он был не только мертвым, но и очень тяжелым, словно наполнен свинцом. И теперь я был уверен, что его одежда была такая же, как у Толстяка и Паньцзы.

Задрожав, я внезапно понял: это команда третьего дяди!

****

ГЛАВА 31. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: СПРЯТАННЫЕ ТРУПЫ

****

Взглянув на тела повнимательнее, я заметил, что все они покрыты волдырями, и кожа слишком темная, но практически нет признаков разложения. Очевидно, смерть наступила совсем недавно. Кроме того, обычно кожа трупов, попадающих в воду, быстро становится белой, у этих же она была темного синеватого оттенка, что было странно.

Здесь так много мертвецов, которые погибли недавно. Очевидно, что это люди третьего дяди. Вспомнив об опустевшем лагере, я содрогнулся: должно быть, эти люди попали в болото после укуса фазаньих шей.

Это те, кто погиб до того, как третий дядя написал сообщение? Тогда он должен был выжить. Или все-таки его тело тоже находится здесь?

Вспомнив, что сюда меня заманил призрачный голос, звавший по имени, я подумал: может быть, это был не человек, а душа кого-то, кто лежит здесь? Он хотел направить меня, чтобы я нашел эту общую могилу под водой?

Мыслям в моей голове стало тесно, но в этот момент синяя подсветка в часах ослабела, и все вокруг погрузилось во тьму...

Постучав по ним, я полез шарить по карманам вытащенного трупа. В кармане нашелся бумажник: тяжелый, заполненный пузырями воздуха. Им я и решил сбить висящий на скале фонарь. Бросив его, в первый раз я не попал. Тогда пришлось отвязать фонарик, висевший на поясе мертвеца. Бросил его и тут же понял, что совершил ошибку. Но было уже поздно. Я попал в куст, за ветки которого зацепился фонарь, который сразу сорвался, полетел вниз, мерцая светом, и упал в воду. Я в отчаянии влепил себе пощечину. Фонарь утонул.

Держась за выступающий камень одной рукой, я пытался нащупать тонущий фонарь. Его хорошо было видно под водой, но мне не дотянуться, течением его унесло на несколько метров вперед. Я начал озираться, пытаясь определить, куда лучше двигаться, чтобы добраться до него.

И тут заметил, что в этом месте утонувший фонарь хорошо освещает все под водой. Эта часть болота была похожа на небольшой водоем с постоянным течением в одну сторону, под водой виднелись каменные развалины, где была вырезанная в камне голова зверя. Поток направлялся именно туда, вода заливалась в открытую пасть зверя. Думаю, это своего рода колодец, значит, плавать здесь довольно опасно.

Двигаясь вверх по течению, я добрался до фонаря, достал его и привязал к поясу и дальше старался держаться каменной скалы, с которой свалился. По пути я видел огромное количество тел на дне, почти полностью покрытых илом, лишь застывшие руки и ноги торчали из грязи. Дно этого водоема, можно сказать, было усеяно мертвыми телами.

Я старался держаться от них подальше, но это было трудно, мертвецов тут очень много. Активно двигаясь, я взбаламутил воду, от этого грязь с ближайших тел смыло, и я заметил на их посиневших шеях небольшие двойные ранки.

Все они были убиты змеями. Но в лагере мы не видели никаких следов сопротивления. Возможно, их укусили во сне. Или же змеи напали так быстро, что люди ничего не могли предпринять.

Направляя свет фонаря на лица, я с тревогой разглядывал их, чтобы узнать, нет ли здесь

третьего дяди.

Я боялся увидеть у трупа на дне болота его лицо, но такая вероятность есть, и мне не избежать подобного испытания. Это чувство было похоже на отчаяние отца, который опознает в морге труп сына. Он должен подтвердить личность, но не хочет этого делать. Трупы были так испачканы, что четко рассмотреть черты лиц было невозможно. Вроде бы я не увидел никого похожего на третьего дядю. Но с другой стороны, уверенности у меня не было, я мог его просто не узнать в таком виде.

Я уже хотел сдаться, когда свет фонаря выхватил в воде знакомое лицо, испачканное лишь слегка. Я инстинктивно остановился из-за ощущения, что видел его уже. Но узнал не сразу.

Это была А Нин!

Ее глаза были закрыты, тело приняло странную позу. Она была лишь немного покрыта илом, и трупные пятна на лице стали уже заметны.

Я задохнулся от отчаяния: эти змеи притащили ее сюда!

Было хорошо видно, что это обычный труп, без каких-либо изменений. Значит, тень, которую мы видели — не она? Тогда что это за существо, издающее звук, похожий на радиопомехи?

Я глубоко вздохнул и наклонился вперед. Не могу описать свое состояние в тот момент. Протянув руку, я взял ее за руку и потянул на себя, но обнаружил, что не могу поднять тело на поверхность. Вода от моих движений смыла с ее лица грязь, волосы слегка шевелились вокруг головы. Она выглядела настолько спокойной, что казалась живой.

Но потом я отпустил ее руку, тело опустилось на дно, мутная вода скрыла детали, и иллюзия ее жизни бесследно исчезла.

Мне стало так тоскливо, что сердце невыносимо защемило. Я смотрел вокруг, пытаясь понять, что здесь происходило. И чем больше я об этом думал, тем страшнее мне становилось.

Что это за место? Здесь змеи хранят свою еду? Тогда могут ли быть здесь золотистые питоны, желающие поесть?

Мне стало не по себе. Здесь небезопасно, надо побыстрее убраться отсюда.

Думая об этом, я светил на скалу, ища возможность подняться. Довольно быстро я заметил лиану, которая свисала почти до воды недалеко от меня. Обхватив губами фонарь, я поплыл туда и ухватился за нее.

Туман уже немного рассеялся. Собравшись с силами, я полез вверх по лиане. Потом вспомнил, как Молчун говорил, что болотная грязь является отличной маскировкой от змей, вернулся и вымазался с головы до ног и снова полез наверх… Лишь оказавшись далеко от воды, я вздохнул с облегчением.

Добравшись до ствола, я, цепляясь за ветки, забрался повыше, чтобы спрыгнуть с другой стороны. И уже собирался вернуться на ровную сухую землю, как услышал всплеск из болота, оставшегося внизу, словно туда упало что-то тяжелое.

Направив вниз свет фонаря, я на самом деле увидел круги, расходящиеся по воде от чего-то, скатившегося со скалы. Направив свет туда, я обнаружил сплетение множества фазаньих шей, которые в темноте напоминали кроваво-красные кишки. И, кажется, они обвивались вокруг чего-то большого.

Внимательно следя за ними, я заметил, как среди их тел на мгновение промелькнула человеческая рука, затем появилась голова.

Я чуть не подавился собственным криком: это было Толстяк!

****

ГЛАВА 32. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ЕЩЕ ОДИН

****

Толстяк не сопротивлялся. Я даже не видел, чтобы он двигался. Сердце сжалось: неужели он уже мертв?

Змеи продолжали двигаться всем скопом. Я пытался раньше представить, как они переносили тело А Нин, придумал много способов, но не ожидал, что это будет выглядеть так. Они, переплетаясь друг с другом, окружили тело, словно замотав его в кокон. Толстяк был очень тяжелым, но даже его передвигали по земле очень быстро. Очевидно, этот способ был очень эффективным.

Сбросив Толстяка в болото, змеи расплелись, по одной стали подниматься наверх, и вскоре исчезли на вершине. Глядя на него, спокойно лежащего в воде, я чувствовал себя растерянным и потерянным, гадая, жив он или мертв. Если мертв, то рано или поздно такое могло случиться с любым из нас. Если он жив, то я должен его спасти, но это очень опасно.

В любом случае я должен проверить. Мы все родились, чтобы умереть(1), но я не могу просто так уйти, не убедившись, что он мертв.

Старательно вглядываясь в темноту, я решил, что змеи уползли далеко. Но на всякий случай проверил, не отлепилась ли где-нибудь с моего тела грязь, а затем спустился по лиане в воду и, держась за каменную стену, подошел к Толстяку.

Он был недвижим и лежал лицом вниз. Мое сердце снова мучительно сжалось.

Внимательно прислушавшись, я так и не услышал ни звука, поэтому перевернул его. Нижняя часть тела сразу погрузилась в воду, но, когда я поднес пальцы к носу, сразу почувствовал слабое дыхание. Это радовало, я сразу стал осматривать его и заметил следы от укуса на шее…

Местные змеи действительно коварны, кусают именно в шею. В этом случае даже человек, невосприимчивый к яду, не сможет сразу справиться с ним. Тогда достаточно будет просто подождать его смерти. Но как они добрались до Толстяка? Он же был вымазан грязью. Как получилось, что грязь с его тела исчезла?

Молчуну повезло: его укусили лишь в руку, ему быстро оказали помощь, да и количество яда было, видимо, невелико. Но с Толстяком дело обстояло хуже. Ума не приложу, почему он до сих пор жив. Но даже если он еще не умер, то точно умирает. Я огляделся, понимая, что нужно вытащить его из этого болота, пока змеи не вернулись, чтобы продолжить свою трапезу.

Сделать это довольно сложно. К счастью, ниже по течению со скалы свисало больше лиан. Я поднял Толстяка и, осторожно придерживая, подтолкнул его в ту сторону, рассчитывая, что течение поможет мне. Но неожиданно, сделав всего пару шагов, я потерял опору под ногами, и меня чуть не снесло течением мимо переплетения лиан. Извернувшись, стараясь не выпустить Толстяка, я нашел, за что зацепиться.

Изо всех сил удерживая равновесие, я подтащил Толстяка к самой толстой лиане и привязал ремнем, затем забрался повыше и потянул лиану к себе. Но ничего не вышло. Я пытался дважды. Лиана могли выдержать вес двоих, но у меня не хватало сил. Оглядевшись, я увидел на дереве сверху большую Y-образную ветку. Из нее можно соорудить подобие лебедки(2), используя лиану в качестве каната. Сделав так, используя свой собственный вес, я снова

попытался поднять Толстяка из воды.

Концы ветки согнулись, как натянутый лук, раздался треск. Нет, Толстяк слишком тяжелый. Это просто возмутительно. С помощью правильного приложения силы поднять человека можно, но именно его тело не желало подниматься. А ведь раньше я даже таскал его на себе, и он определенно не был таким тяжелым.

Если мы сможем в этот раз вернуться живыми, я заставлю его похудеть. Подбадривая себя этими мыслями, я старался изо всех сил, но потребовалось полчаса только для того, чтобы вытащить его из воды. Когда я затащил его на скалу, не осталось сил даже руку поднять. Я чувствовал себя тигром с разорванной пастью. А толстая ветка, на которую я забрался и затащил Толстяка, трещала под нашим весом, грозя сломаться в любой момент.

Но дело сделано, сейчас стоит подумать, как нейтрализовать яд. Слишком поздно, чтобы высосать. Можно добраться до лагеря, там есть сыворотка, но мне придется тащить Толстяка на себе через лес. Но если я с трудом его из воды вытащил, как я с ним на спине такое большое расстояние смогу пройти?

Немного отдохнув, я спустился к воде, набрал грязи и измазал Толстяка. Затем сплел из лиан обвязку, чтобы его можно было тащить, а не нести на себе. Уложив его на землю, я постарался закрепить обвязку на нем.

Толстяк действительно был слишком толстый. Чтобы крепко связать лианы на нем, мне пришлось упираться ногами, закрепляя узлы. В какой-то момент я, кажется, слишком сильно перетянул лианой его тело поперек: его рот открылся и оттуда вытекла струйка зеленоватой воды.

Зловоние сразу быстро распространилось вокруг. Прикрыв нос, я подумал, чем таким он объелся. Но в этот момент увидел в этой зеленоватой воде множество мелких красных чешуек.

Не решаясь дотронуться, я чувствовал, что это не к добру. Сняв с Толстяка одежду, я обратил внимание, что его живот неестественно большой и слишком твердый на ощупь, словно он проглотил большой камень.

Примечания переводчика

(1) "Мы все родились, чтобы умереть." В оригинале написано "Мы с Толстяком родились, чтобы умереть" (□□□□□□□□). Однако, по-русски такое уточнение звучит слишком конкретно, в данном случае У Се имеет в виду именно философское отношение к смерти, на русском языке это лучше передать обобщенным местоимением "все".

(2) Подобие лебедки. В оригинале используется слово "шкив" (□□) — колесо с канавкой на окружности, куда вставляется ремень. Канавка клинового шкива похожа на букву U или V. Сложно понять, что за подъемное устройство соорудил У Се. И какой смысл от шкива при подъеме тяжестей? тут полезнее была бы лебедка. Если на описанную Y-образную ветку наматывать лиану, к концу которой привязано тело, то получится его вытащить. Или же перекинуть ветку и в качестве противовеса использовать собственное тело. Скорее всего здесь описан второй вариант.

****

ГЛАВА 33. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ХОЗЯИН ПАРАЗИТОВ

****

Ой, что же такое могло приключиться? Неужели змея заползла к нему в живот?

Я немедленно перевернул Толстяка, положил животом себе на колено и надавил. Его начало рвать: большое количество зеленоватой жижи, смешанной со странными белесыми хлопьями, похожими на клочки хлопчатобумажной ваты, выплеснулось на ветку и потекло вниз.

Я сильно надавил еще несколько раз. Когда рвота закончилась, мне показалось, что его дыхание стало ровнее и глубже. Наверно, содержимое его желудка давило на легкие.

Жидкости было много, на целое ведро наберется. К счастью, у Толстяка большой желудок, привычный к большому количеству пищи, иначе, он, наверно, лопнул бы.

Я уложил его и, прикрыв нос и рот, попробовал рассмотреть, что же за гадость была у него внутри. В лицо ударил кислый запах. В зеленоватой жиже плавало что-то, напоминающее белесый гель или яичный белок. Подобрав тонкую ветку, я поковырялся в жиже: эта белесая субстанция при ближайшем рассмотрении оказалась похожа на мелкие яйца.

Глядя на это, я сам чуть не проблевался. Неужели это змеиные яйца? Черт возьми, это так отвратительно. Не змеи, а просто глисты какие-то, оказывается, они свои яйца откладывают в человеческом желудке. Почти как монстры из голливудских фильмов. Я хотел немедленно раздавить весь этот недоделанный выводок.

Получается, в животах всех трупов, лежащих на дне болота, находятся такие же яйца. Блять, даже не представляю, как мерзко будет выглядеть это место, когда змееныши вылупятся.

Пытаясь подавить тошноту, я посмотрел на болото внизу, увидел змеиные яйца, выблеванные Толстяком и теперь плывущие вниз по течению. И начал понимать, что здесь происходит.

Неужели это болото — инкубатор для фазаньих шей? Змеиные яйца требуют много тепла для правильного развития. Вполне логично использовать тепло, выделяющееся при длительном гниении, а именно это и происходит с мертвыми телами в мелком болоте, где даже на последней стадии разложения останки смешиваются с донным теплым илом.

Я слышал, что муравьи используют реакции разложения и ферментации для контроля температуры вокруг яиц(1). Очевидно, что змеи так не могут, но конкретно эти твари нашли способ.

Одно мне не понятно: рядом в руинах полно солнечного света и постоянно теплый воздух. Вроде бы отличные условия, почему фазаньи шеи не пользуются этим, как другие змеи? Может быть, для их яиц требуется более строгие температурные условия?

Я не видел логики, пока на ум не пришла еще одна возможность. В этом месте не всегда столько воды. Просто недавно прошел сильный дождь. Но скоро вода отсюда испарится, останется теплая грязь. А если хозяин, в теле которого растут яйца, будет какое-то время жив, температура его тела останется стабильной. Вот почему Толстяк не умер: его и не собирались убивать. Кусая человека, змеи желают лишь обездвижить его и использовать температуру тела для выращивания своих яиц.

Я знаю, что существуют змеи, которые вынашивают яйца в собственном теле, там же вылупляются змееныши и только через день-два выползают из тела матери. Тогда получается, там, внизу огромное количество маленьких змеенышей? На мое счастье я сюда попал почти сразу после дождя, иначе вляпался бы ногами в змеиную кучу.

Рассуждая так, я пришел к жуткому выводу. Если фазаньи шеи до сих пор откладывают яйца, значит, змеиная королева все еще жива? Я похолодел от ужаса, вспоминая сюжеты глиптики в храме. Мысли хаотично метались в моей голове. Существование такой огромной змеи нарушает все известные мне законы природы. Но все же в яйцах, что отложены в этих трупах, могут быть потомки этой змеиной королевы.

Живот Толстяка все еще немного увеличен, и я не мог быть уверен, что выдавил из него всю гадость. Приподняв его голову, я засунул два пальца ему в рот и заставил блевать до тех пор,

пока в зеленоватой жиже не осталось ни одного яйца.

Думаю, больше яиц внутри не осталось. Но если остались, стоит промыть желудок, чтобы вытряхнуть оттуда всех без остатка.

Туман почти рассеялся, окрестности были хорошо видны. Я снова занялся обвязкой и подготовкой лиан-канатов для спуска Толстяка с дерева. Это дело сложное, надо точно рассчитать собственные силы, прочность и длину лиан. Толстяк без сознания, потому не способен группировать мышцы. Если он в таком состоянии упадет, то погибнет сразу.

Я подготовил все как следует, а затем осветил ствол шахтерским фонарем. Это большое дерево росло на краю болота. Это тоже надо учесть: от нашего веса оно запросто может рухнуть в воду и все усилия пойдут прахом.

И тут я заметил у основания дерева туман, скрывавший землю и корни. В свете фонаря он был похож на облако хаоса. Я был в шоке.

Привидение? Свет фонаря не позволял рассмотреть контуры, лишь нечеткую тень внизу. Но почему я этого не видел раньше? Туман вроде бы рассеялся, почему он сгустился снова? И почему только в одном месте?

Тщательно проанализировав все возможные версии, я обнаружил, что не могу объяснить изменения в этом адском болоте. Черный туман словно поднимался прямо из воды и уже скрывал всю ее поверхность, и казалось, что мертвые тела зависли, покачиваясь, в черном облаке.

Примечания переводчика

(1) "Муравьи используют реакции разложения и ферментации для контроля температуры вокруг яиц." На самом деле муравьи не добывают тепло, используя реакции разложения. Ферментация — да, немного, но это пищеварительная ферментация. Тепло внутри муравейника обеспечивается механически (сложная архитектура и блокировка теплых помещений), и химически (усиленное потребление сахаров). Сахар муравьи добывают из живых насекомых (например, создают стада тли). Тепло, выделяющиеся при гниении используют для выращивания потомства мухи, некоторые жуки, редко пауки, но не муравьи.

****

ГЛАВА 34. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: СТРАННАЯ ТЕНЬ НА БОЛОТЕ

****

Присмотревшись, я заметил, что ил на дне болота взбаламучен, словно под ним только что двигалось огромное существо. И черный туман был как будто продолжением этой взбаламученной грязи, поднявшейся со дна. Казалось, что дно болота пришло в движение и в грязной воде образовался водоворот неправильной формы, потревоживший трупы, заставляя их подняться со дна на поверхность.

По мере того, как активность внизу становилась все интенсивнее, тумана над водой становилось все больше. К этому времени у меня уже не было сил бояться. Я сжал зубы так сильно, что они заскрипели, мышцы были напряжены до предела. Внимательно следя за ситуацией внизу, я старался быстро обдумать свои дальнейшие действия.

Этот черный туман или дым вполне может быть ядовитым, ведь в воде гниют трупы, а кроме них на дне разлагаются листья и другие растительные остатки. Обычно, такой газ скапливается на дне, но достаточно малейшего движения, чтобы он поднялся на поверхность.

Мало кто сталкивался с этим явлением, оно не слишком хорошо изучено, потому что такие выбросы делают огромные территории труднодоступными. Известно, что такие ядовитые облака возникают в результате испарения токсичных минералов или выброса вулканических газов. Смешиваясь с туманом, они могут довольно долго сохраняться на большой территории, но в этом случае их сложно заметить по запаху. В мире существует множество таких мест, которые обобщенно называют "долинами смерти". Иногда слои ядовитого тумана поднимаются так высоко, что даже птицы гибнут, пролетая над таким местом.

Если я столкнулся в подобным явлением, то мне очень не повезло. Я не уверен, что и в этот раз действие тумана закончится только слепотой, как вчера возле храма.

Я прикинул возможность быстро спуститься и бежать к лагерю возле развалин. Но расстояние слишком велико, а времени катастрофически мало: черный туман уже обволакивал ствол дерева. Шансов спастись таким способом мало. Кроме того, я не знал, рассеялся ли над храмом тот вчерашний туман. Если попаду в зону его действия, то ослепну. И, столкнувшись в таком состоянии с фазаньими шеями, сам стану инкубатором для змеиных яиц. Лучше уж сдохнуть сразу.

Оставалось молиться, чтобы эта черная мгла расползалась под деревом и не поднималась выше. Но мои молитвы не были услышаны, постепенно эта мерзость, словно живая, поднималась все выше, стремясь заполнить собой все вокруг.

Если эта черная хрень ядовита, то в этот раз последствия могут быть куда более плачевными, чем слепота. Надо принять меры: я оторвал пару лоскутов от одежды, измазал их мокрой грязью и закрыл лицо себе и Толстяку.

Потом вспомнил, что сижу на дереве, и нашел лиану, чтобы привязаться к стволу. Если не повезет, и я отравлюсь, то хотя бы не упаду вниз.

Черная мгла поднялась к моим ногам, как только это было сделано. Она распространялась с удивительной скоростью и почему-то мне напоминала скопище призраков. Почти мгновенно она окутала ветви деревьев на том уровне, где мы сидели. При этом я слышал, как ветки вокруг начали издавать слабый треск. Постепенно все вокруг заволокло черной мглой.

Наблюдая, как свет меркнет перед моими глазами, я подумал, что так чувствует себя человек, оказавшийся в западне во время пожара. И в эту минуту почувствовал странный запах, в горле запершило.

Это плохой признак. Я постарался как можно реже дышать и не вдыхать полной грудью.

Прошло несколько секунд, и я еще не умер, поэтому вздохнул с облегчением. Если этот газ и токсичен, то не убивает сразу, а значит, у нас есть шанс. Вот только не знаю, сколько им можно дышать без последствий для своего здоровья.

Я молился, чтобы эта черная дрянь рассеялась сама по себе, как вчерашний туман. Интересно, смогу ли я подняться повыше, туда, где этот газ более разреженный? Включив шахтерский фонарь, я увидел, что чернота перед моими глазами состоит из мелких частиц, видимых глазом. Значит, это дым, а не газ. Но когда я взмахнул рукой, эти частицы оставались на месте, словно рука проходила сквозь них.

Что это? Мне показалось, что уже когда-то сталкивался с этим дымом. Но где? Смутное беспокойство охватило меня, вызывая неприятный осадок в душе.

Внезапно я подумал о Молчуне, беспокоясь о нем и одновременно ругая, на чем свет стоит. Если бы он послушал меня, когда я говорил, что это опасно, я бы не сидел сейчас на дереве в странном черном дыму. Ну почему я не остановил его? Теперь, если я тут умру, пенять будет не на кого.

Я всегда раньше полностью доверял ему. Но решение, которое он принял в этот раз, кажется,

было неверным. Сейчас бы так и врезал ему. Но что толку злиться в пустой след.

Однако, если я не смогу добраться сегодня до лагеря, то сам виноват. Почему не взял противогаз? Это была уже моя собственная ошибка. Хотя те противогазы, что использовали в команде А Нин, здесь вряд ли помогли бы. А Толстяк и Паньцзы использовали военные старого образца: эти хорошо защищают, но они слишком тяжелые и неудобные.

Впрочем, что бы я сейчас не думал, кого бы не обвинял, катастрофа уже произошла, и последствий не избежать.

Продолжая смотреть вниз, где во мгле скрывалось болото, я услышал странный тихий звук, словно кто-то шлепает по воде. Казалось, что-то огромное вот-вот выйдет из болота.

Там, на дне должно быть что-то ненормальное. Люди и обычные животные такие звуки не издают. Интересно, это змееныши вылупляются из своих яиц в животах трупов? Или, может быть, сюда ползет питон, чтобы поесть?

Кроме хлюпанья воды, я больше ничего не слышал, и этот звук становился все громче и громче, как будто это нечто приближалось к нашему дереву. Я направил в ту сторону фонарь и увидел черное пятно размером с теленка, очертания которого были скрыты черной завесой дыма, но было заметно, что оно постоянно движется. Толщина пятна была больше, чем тело питонов, с которыми мы уже сталкивались, но в темноте нельзя было определить, змея это или что другое.

Черная взвесь в воздухе мешала видеть четко, и я не мог разглядеть, что было вокруг этого пятна и под ним. Сейчас я мог полагаться только на свою удачу и наблюдать за движением в болоте.

Сверху — туман, от которого слепнешь, снизу — болото, откуда поднимается странный черный дым. Здесь не должно быть никого живого, и это не похоже на змей, с которыми мне довелось уже встречаться. Я задумался: что еще может быть такого размера в болоте? Неужели рыба, которая до этого пряталась в грязи?

Однако, что за рыба может быть размером с теленка? Неужели крокодил? Нет, невозможно. Если бы там был крокодил, от меня давно осталось бы одно воспоминание. Крокодил такого размера сразу бы утащил меня в болото, они не дадут безнаказанно уйти тому, кто вторгается на их территорию.

Пока я думал об этом, черное пятно перестало двигаться, остановившись возле пятна света от моего фонаря. Мне стало не по себе, я поднял фонарь, его свет упал на лицо Толстяка.

С ним было что-то не так. Голова опущена, а из глаз течет кровь, почему-то черная. Потрясенный, я дотронулся до него рукой и похолодел от ужаса. Он был холодный, как лед, и, кажется, не дышал.

Что с ним? Это действие змеиного яда или черного дыма? Сейчас определить это я не мог. Усадив Толстяка, я сильно ущипнул его несколько раз, но это не помогло. Накатила паника, такая сильная, что меня затошнило. Может быть, ему искусственное дыхание сделать?

Но для этого его надо уложить горизонтально, а тут для этого не было удобных ветвей. Даже чтобы поменять положение его головы, мне приходилось придерживать его за талию. К тому же он очень тяжелый. Покрутившись на своей ветке, я попробовал подобрать удобную позу, но ничего не получалось: чтобы стоять сбоку, надо было поддерживать одной рукой верхнюю часть его тела.

В конце концов, я просто залез на ветку, где он лежал, и уселся сверху прямо на живот. Раздался резкий звук, напоминающий щелчок, затем продолжительный треск — ветка под нами сломалась. На мгновение мне показалось, что я в невесомости, потом до меня дошло, что мы падаем. Еще не до конца осознав свое положение, я обхватил Толстяка руками, и мы полетели вниз.

****

ГЛАВА 35. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: СНОВА ДЬЯВОЛЬСКИЕ ГОЛОСА

****

Все произошло мгновенно, но я успел напугаться до смерти. Лианы, которыми я закрепил себя и Толстяка на дереве, разорвались не сразу, дважды подбросив нас в воздухе и больно врезавшись в тело, а затем мы упали в воду.

Падая, я не успел сгруппироваться и врезался в воду плашмя, всем телом. Ощущение было такое, словно меня со всего размаха огрели огромной бутылкой, наполненной горячей водой. К счастью, на самом деле вода в болоте была холодной, и болезненные ощущения быстро ослабели, но все равно приятного мало, у меня даже дыхание перехватило, пару минут я не мог вздохнуть.

После нескольких неуклюжих попыток определить, где верх, где низ, я, наконец, вынырнул и сразу бросился искать Толстяка. То, что я его потерял, уже очень плохо. В болоте темно, а Толстяк без сознания, пара слабых вдохов под водой — и он захлебнется. А еще я не знаю, что

за тень была под нами. Если это какой-то болотный монстр, то мне тоже грозит смерть.

Обвязанные вокруг тела лианы мешали двигаться. Даже если бы Толстяк мог передвигаться, мне было бы трудно добраться с ним до дерева. И, хотя пока я не ощутил вредного воздействия черного дыма, но в этом месте его концентрация наиболее высокая. Еще вопрос, сколько я сам смогу продержаться.

Шаря руками в воде, я обнаружил еще одну проблему. На поверхность снизу всплывало множество пузырей, но видимость была практически нулевая, даже хуже, чем в тумане. Под водой тоже ничего не разглядеть: она бурлила и была совершенно мутной, дна не видно. Я не знал, где искать Толстяка.

Я сделал несколько шагов, прислушиваясь: тот звук, что я слышал, сидя наверху, исходил от бурлящей воды и лопавшихся на поверхности пузырей. Кроме этого, течение было очень сильное, я едва мог устоять на ногах. Странно. Но подумав, я понял причину: дело не в силе течения. Лианы, до сих пор опутывавшие мое тело, до сих пор были привязаны к сломавшейся ветке, течение тащило ее вперед, а меня вместе с ней.

Те, кто не плавал в бурной реке, не поймут меня. Вода имеет большую плотность, даже если течение слабое, в ней двигаться труднее. А в стремительном потоке да еще с помехами вроде веток и лиан — совсем беда. Моя попытка осмотреться привела к тому, что меня протащило на несколько метров вперед.

Это сильно обеспокоило меня. Видимость никакая, но, предположительно, где-то впереди должен быть колодец. Насколько большой, представить не могу. Если ветку затянет туда, то я неминуемо последую за ней. При таком течении и большом весе ветки сопротивляться бессмысленно. Как говориться, открытая пасть зверя не за горами. И все это не займет много времени, поэтому я не смогу спасти Толстяка, правда, и о странной черной тени можно не беспокоиться, я и так уже практически труп!

Подумав об этом, я набрал полную грудь воздуха и нырнул, чтобы отцепиться от ветки. Но лиана, связывающая нас, была так сильно натянута, что развязать не получалось. Я потянулся к ножу на поясе и вспомнил, что не взял его с собой.

Сердце замерло, но я тут же вспомнил, что Толстяк никогда не ходил без оружия, у него точно должен быть хотя бы нож. Надо срочно найти его. Это не должно быть сложным делом: он тоже опутан лианами, падали мы вместе. Значит, его должно унести течением вместе со мной. Я стал искать вокруг.

Вода была такой мутной, что в ней ничего не было видно. Я только чувствовал прикосновение мертвых тел, проплывающих мимо меня. Но Толстяк крупнее всех, я заметил бы его. Изо всех сил сопротивляясь потоку, я вцепился в натянутую лиану и пытался идти против течения, когда в двух-трех метрах от себя заметил черную тень, плывущую мимо. Даже сейчас я не мог разглядеть ее очертаний.

Мурашки побежали по коже: это была та самая тень, что я видел, сидя на дереве. Накатило дурное предчувствие: вдруг это чудовище съело Толстяка.

Глубина здесь не больше двух метров, но черная тень намного выступает из воды. Значит, это не рыба. Тогда что? Вцепившись в лиану, я колебался, не зная, что делать, когда увидел, как тень словно изменила форму, а затем исчезла под водой. Сразу же натяжение лианы в моей руке ослабело.

Это совсем хреново: кто бы ни была эта тварь, она до меня добралась. Я как раз собирался обернуться, когда из воды вверх взлетел фонтан грязи, откуда появилась пасть, нацелившаяся на мою шею.

"Чертов сукин сын!" — выругался я, убеждая себя, что это нечто призрачное. Но оно было слишком близко от меня, готовое вот-вот схватить меня за шею. И в этот момент лиана, обвязанная вокруг моей талии, натянулась и рванула в сторону. Я уже собрался вознести благодарственные молитвы, но понял, что лиана тащит меня дальше. Оглянувшись, я увидел, что меня несет потоком к разрушенной стене, на которой была вырезана морда зверя с разинутой пастью, куда и текла с ревом вода, таща за собой меня.

Я видел, как обломок ветки пропал в этой пасти, которая оказалась чем-то вроде сливного отверстия. Наверно, боги решили поиграть со мной. Я ухватился за камни с одной стороны водостока, но казалось, что меня лианой сейчас разорвет пополам. Даже не успел вспомнить о том, кто позади меня, как вода за спиной нахлынула, накрыв с головой: тварь вынырнула снова. Я испугался, отцепился от камня и вода поволокла меня прямо в каменную пасть. В глазах потемнело.

Казалось, все звуки вокруг исчезли, темноту рассекал луч шахтерского фонаря, прикрепленного к поясу и вращающегося вместе с моим телом. Мельком я заметил стены колодца, брызги вокруг. Длилось это недолго. Что-то ударило меня по спине так сильно, что я закашлялся, выплюнув сгусток крови. Не успел я прийти в себя, как снова почувствовал ощущения свободного падения и ударился обо что-то плечом. Это был не колодец, а скорее, водозаборная галерея, сделанная с уклоном, по которому меня нес поток, и я пересчитал своим телом все выступы и выщербины, пока кувыркался в воде.

Меня прокрутило в водовороте три или четыре раза, голова закружилась. Я нахлебался

грязной воды, и быстрый поток вынес меня в узкую штольню, вода в которой пенилась, сталкиваясь со стенами.

Кругом было темно и тесно: это все, что я мог понять, слыша грохот воды. Руками удавалось задеть стены, но я не мог определить, куда несет меня вода. К счастью, шахтерский фонарь крепко был закреплен на поясе, но в таком быстром потоке им нельзя воспользоваться. Мало того, что меня мотало из стороны в сторону, и чаще всего я оказывался вниз головой, так еще и швыряло на каменные стены. Все, что я мог, это хоть как-то сгруппироваться, чтобы голову не разбить.

Через некоторое время я услышал впереди сильный шум воды, похожий на рев водяного дракона. В ужасе, ругаясь на чем свет стоит, я приготовился к встрече с водопадом. Снова возникло ощущение свободного падения и, сделав дюжину невероятных сальто, я упал, снова в воду. Здесь течение было не таким сильным, и я смог, наконец, встать на ноги, обретя контроль над собственным телом.

Немедленно включив шахтерский фонарь, я осмотрелся и обнаружил, что оказался в подземный водозабор, куда вода попадала из дренажной системы. Морда зверя на каменной стене была чем-то вроде сливного отверстия. В водозабре тоже были такие отверстия, размером поменьше, оттуда с грохотом падали потоки воды, которая плескалась вокруг. Звук был оглушительным, и я почувствовал себя тараканом, которого бросили в унитаз и смыли с фекалиями в отстойник.

Оглядевшись, я заметил, что здесь поток не такой мощный, и вода течет в определенном направлении. Держась на воде, я достал фонарь и включил его. На стене водозабора тоже была вырезана звериная морда, в пасть которой текла скопившаяся здесь вода. Но очертания этой резьбы отличались от той, что была снаружи. Очевидно, я попал в дренажную систему, созданную для предупреждения паводка в период сильных дождей. Рядом со звериной мордой я увидел кучу обломанных веток. Вероятно их смывало водой из болота уже давно, и они скапливались здесь.

Ветка, которая затянула меня, застряла в этой куче, и на ней что-то висело. Присмотревшись, я понял, что нашел Толстяка. Его тоже смыло сюда.

После возвращения с Хайнаня мои навыки плавания резко улучшились, и мне не составило труда быстро добраться туда. Сделав пару гребков, я подплыл к куче веток, забрался на нее и понял, почему Толстяк не утонул. Лианы, из которых я сделал обвязку, запутались в ветках, удерживая его выше уровня воды. Падающие сверху потоки текли с противоположной стороны, и здесь шум был слабее, поэтому мои уши снова могли слышать.

Я нырнул под ветки и подобрался к Толстяку снизу. Его лицо посинело, дыхание было слабым, пульс я прощупать не мог. Снова нырнув, я ухватил его за ноги, погруженные в воду, и, согнув в коленях, прижал к животу. Пришлось повторить несколько раз, прежде, чем его начало рвать мутной водой. Затем я локтем начал массировать ему грудь. Наконец, Толстяк закашлялся. Он все-таки захлебнулся, но сейчас реакция была нормальной, он мог дышать.

Я был вне себя от радости. Что-то подсказывало мне, что, если есть реакция, то шансы выжить у него выше. Я пытался продолжать массаж, но сил уже не было. Остановившись, я перевел дыхание. В таком положении помочь не получится. Надо вытащить Толстяка из воды и положить его сверху кучи.

Если хочу вытащить Толстяка, надо сначала самому забраться. Я начал карабкаться на кучу, но ветки с краю оказались неустойчивыми, я никак найти опору для ног. Кроме того, стоило мне забраться повыше, ветки начинали прогибаться под моими ногами. Самые нижние давно сгнили и могли не выдержать моего веса. Если так пойдет дальше, они опустятся или, еще хуже, вся куча перевернутся, и Толстяк полностью окажется в воде. Это его убьет. А еще на этих ветках было много острых шипов. Одно неловкое движение — и на моей коже появлялись ссадины. Было больно до слез.

Прошло несколько минут, я уже потерял счет, сколько раз пытался забраться наверх. Ветки ломались под ногами, куча медленно оседала. Я был в отчаянии: силы на исходе, а ситуация никак не изменилась. Эта куча со стороны казалась такой прочной, как небольшая гора. А на самом деле ветки хрупкие и не выдерживают веса даже одного человека. Всего лишь надо забраться на какие-то полметра, но я никак не могу их преодолеть.

Отчаяние было невыносимым. Ладно бы это был крутой утес: не так обидно. Но какие-то ветки! Мне казалось, что боги играют со мной, как с маленькой куклой.

Я попытался еще несколько раз. Руки были ободраны в кровь, я понял, что тратить силы бессмысленно. Вернувшись к Толстяку, я обрезал с него лианы его ножом и раздвинул ветки в сторону, пытаясь осмотреть стену. Вдруг там есть место удобное или ступеньки. Хотя бы найти за что зацепиться.

Здесь не надо было идти против течения. Я подтолкнул Толстяка ближе к стене, стараясь не поранить шипами, и вдруг увидел отверстие. Сухое, возможно, перекрытое, вода из него не текла. Присмотревшись, я заметил много других таких же, но все они были расположены слишком высоко. Я могу использовать только это.

Обрадованный, я отодвинул Толстяка в сторону, устроив поудобнее, и, хватаясь за выступающие камни, полез наверх. Добравшись, я понял, что нашел выход. Стараясь не

рассмеяться, я сжал зубы. Теперь остается только собраться с силами.

И тут сбоку я заметил какое-то движение, а Толстяк произнес: "У нас нет времени!"

Опешив, я обернулся: Толстяк не двигался, и лицо его оставалось прежним. Потирая виски, я запаниковал: все кончено, у меня начались галлюцинации. И тут снова раздался голос, четкий, хоть и негромкий, из-за спины Толстяка: "У нас нет времени!"

****

ГЛАВА 36. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ЧЕЛОВЕК В ТУМАНЕ

****

Кроме грохота воды, падающей с противоположной стороны водозабора, других звуков здесь я не слышал, потому этот тихий голос застал меня врасплох и показался резким, напугав до холодного пота.

Первое, что мне пришло в голову — это человек третьего дяди. Неужели кто-то выжил?

Только что я определенно слышал человеческий голос. И я абсолютно уверен, что это не галлюцинация. Хоть для меня и было неожиданностью встретить здесь живого человека, я почувствовал себя более уверенно. Прекратив свою бурную деятельность, я посмотрел, кто может скрываться за спиной Толстяка. Но куча веток, на которую я усадил его, была плохо освещена, толком ничего не рассмотреть.

Это определенно должен быть кто-то из команды третьего дяди. Кроме нас и него никто не спускался в оазис, потому логично предположить, столкнувшись с кем-то живым, что это его человек. Может быть, это он меня звал перед тем, как я свалился в болото. А еще мне показалось, что он обращается к кому-то. Возможно, он здесь не один.

"Кто там?" — крикнул я, старательно вглядываясь в темноту. Если это человек третьего дяди, то можно считать, что боги благословили меня. Я смогу узнать, куда делся Саньсин, и что произошло в лагере.

Но, сколько я не ждал, ответа не было. За спиной Толстяка даже намека на движение не наблюдалось, а каменная пасть зверя, прикрытая сухими ветками, казалась застывшей.

Я насторожился, чувствуя, как в сердце закрадывается нехорошее предчувствие. Взяв длинную

ветку, лежавшую рядом, я захватил ее покрепче и медленно направился в ту сторону, где должен был скрываться говоривший. Сделав всего несколько шагов, я снова услышал слабый голос, который доносился из кучи веток за спиной Толстяка: "Молодой третий господин?"

Тембр и интонация были странными, словно кто-то проговаривал скороговорку. Но это действительно был человек, и он знал мое имя. Я опустил руку с веткой: это точно был кто-то из команды третьего дяди, и он знал меня.

Вздохнув с облегчением, я отозвался: "Это я!" Затем подошел к куче веток, раздвинул их и спросил: "Кто вы? Вы в ловушке? Не волнуйтесь, я здесь, я помогу вам!"

"Молодой третий господин?" — снова спросили из темноты.

"Это я!!! Это я!!!" — кричал я, выдергивая из кучи мешавшие проходу ветки и пытаясь увидеть между ними того, кто говорил со мной.

Я расчистил довольно большое пространство, но никого не нашел. В глубине было еще много переплетенных сгнивших веток, однако мне больше никто не отвечал. Это было странно и сильно бесило, поэтому я ругнулся на диалекте Чанша: "Со своей мамой забавляться будешь(1)! Кто ты такой и что за херней там занимаешься? Просто скажи мне, где ты, всего пару нормальных слов."

Я задал последний вопрос несколько раз, но ответа не последовало. Что-то тут не чисто. Голос звучал не так, словно человек ранен или испуган. Тогда почему он не отвечает на мои крики? Он не понимает меня? Или, может быть, периодически теряет сознание?

Подумав об этом, я вспомнил, что, хотя сам не пострадал, но только что выбрался из болота, кишащего змеями и укрытого странным черным туманом. Возможно, этого человека укусила змея. Если яд уже распространился в крови, то пострадавший может бредить. Даже если его не кусали, может быть, черный дым все-таки ядовит, или же этот человек, попав сюда с бурным потоком, ударился головой и не слышит меня.

Я понял, что кричать смысла нет. Стиснув зубы, я стал упорно разгребать кучу. Если человек под ней укушен змеей, это станет серьезной проблемой. Мне одному не хватит сил оказать помощь сразу двум пострадавшим. Но проигнорировать просящего о помощи я тоже не могу.

Этот завал из веток был небольшой, высотой шесть или семь метров. На вид это переплетение не казалось прочным, между ветками большие просветы, но пробиться сквозь них оказалось трудно. Изодрав руки в кровь, я три минуты освобождал проход в темноту, откуда доносился

голос. Забравшись в самую глубину кучи, я включил фонарь.

Рассчитывая увидеть человека, прислонившегося спиной к стене, я опешил: там никого не было. А ведь я добрался до каменной пасти зверя, но ни следа человека. Вообще никого.

"Да что происходит?" — я обескураженно выругался. Но, прежде чем мой голос затих, сбоку от меня опять раздался слабый голос, словно со мной разговаривал призрак.

"Молодой третий господин?"

На этот раз голос был так близко, что, казалось, я чувствую дыхание говорящего кончиком уха. Волосы встали дыбом, и я чуть не свалился с кучи, на которую так старательно забирался. Повернув голову в сторону, откуда звучал голос, я увидел в темноте человека, одетого, как я. Он лежал, скрытый тьмой, в окружении переплетенных веток, которые образовывали что-то вроде квадратного прохода. Я видел лишь пару кроваво-красных глаз, в упор рассматривающих меня.

_____

Примечания переводчика

(1) Забавляться со своей мамой будешь!□□□□. Это дословный перевод на путунхуа, сложно сказать, чем отличается значение ругательства на диалекте Чанша. Но даже в классическом варианте звучит пошло, так как глагол □ (няо) имеет значение "забавляться, дразнить, приставать" с интимным подтекстом. Хотя на кантонском диалекте этот же глагол обозначает "злиться".

****

ГЛАВА 37. СЛЕДЯЩИЙ

****

Вокруг меня было темно, спутавшиеся ветки образовывали замкнутое пространство, но пропускали свет фонаря, потому здесь образовалось своего рода слепое пятно, где трудно что-либо увидеть. Глядя в эти кроваво-красные глаза, я чувствовал, что мне здесь стало слишком тесно, но не мог отвести взгляд.

Так я стоял неподвижно несколько минут, потом понял, что с этими глазами не все ладно. Этот красный цвет — не оттенок зрачка и не налитый кровью белок глазного яблока. Это действительно была кровь, которая сочится из глазницы. Кроме того, эти глаза не моргали.

Живой человек может долго оставаться неподвижным. Но так долго смотреть в упор, не моргая — это невозможно. Потому я и заподозрил неладное.

Пошарив в карманах, я нашел несколько запалов с водонепроницаемыми тростниковыми стержнями, зажег один и осторожно выставил вперед руку, в сторону квадратного прохода, образованного ветками.

Подойдя поближе, я смог как следует рассмотреть то, что находилось там. Запал осветил сидевшего полностью, и я, увидев его, покрылся холодным потом с головы до ног.

В первую очередь в глаза бросалось отвратительное лицо, на котором уже были заметны следы разложения. Впрочем, лицом это назвать нельзя: у него не было подбородка, нижняя челюсть полностью оторвана, язык вывалился наружу прямо из горла и казался длинной дохлой змеей.

Это мертвец. От его вида меня вырвало, и лишь отдышавшись, я почувствовал, как в сердце заползает ужас.

Судя по прическе и одежде, это был человек из команды третьего дяди. И умер он не так давно. Скорее всего, его так же, как и нас, смыло сюда водой, и тело застряло в куче веток. Но если это мертвец, то кто меня звал?

Я снова взглянул на труп, собираясь рассмотреть детали, но в это время запал потух. Ужасное лицо скрылось в темноте, остались лишь жуткие кровавые глаза, словно с затаенной злобой смотревшие на меня.

По моему телу бегали мурашки, когда я оглядывался вокруг. Освещения в водозаборе почти не было, но я был уверен, что рядом нет никого, я не слышал ни одного звука, похожего на движение.

Холодный пот уже насквозь пропитал одежду на моей спине, шея онемела. Здесь происходило что-то странное, и мне точно не стоит оставаться в этом месте. Надо забирать Толстяка и немедленно уходить.

Глубоко вздохнув, я выполз из кучи веток, используя болтавшиеся на поясе остатки лиан, сделал подобие страховки на своей талии, наклонился, схватил Толстяка за руку и потянул наверх.

Он был слишком тяжелый, да еще одежда насквозь пропитана водой — почти как кусок свинца размером с человека. Мне же не за что было зацепиться, и даже стоять приходилось только на одной ноге, для второй не нашлось упора. После нескольких попыток я так и не смог сдвинуть его с места, зато сам почти скатился вниз.

Понятное дело, что за руку мне его не поднять. И тут я заметил, что обвязка, которую я сделал, чтобы поднять Толстяка на дерево, все еще цела. Оставалось лишь обернуть другой конец лианы вокруг своей талии. Затем я из палки сделал рычаг, просунув его под обвязкой на уровне подмышек Толстяка. Один конец палки упирался в землю, и, используя собственный вес, я потащил его наверх.

Этот принцип треугольника я узнал, когда учился архитектуре. Мой преподаватель научил меня только с помощью веревки и палки делать простой подъемный механизм, где используется сила собственного веса. Похожий метод часто применяется в промышленном и гражданском строительстве.

Неплохая идея — использовать вес собственного тела. Я постепенно отступал назад, к дренажной шахте, а тело Толстяка потихоньку поднималось. Наконец, я почти полностью вытащил его из воды. Но к тому времени лиана, обвязанная вокруг талии, стиснула меня так, что заболели почки, как будто по ним ударили нунчаками.

Я нашел в стене подходящую по размеру трещину и воткнул в нее палку, закрепил на ней конец лианы, спустился к Толстяку и поднял его ноги из воды. Затем вытащил его на сухое место, и лишь тогда снял лиану, стягивающую мою талию. Осмотревшись, я не заметил вокруг в куче веток ничего подозрительного. Зато меня беспокоило состояние Толстяка. Кажется, ему немедленно требуется СЛР(1).

У меня не было соответствующей профессиональной подготовки, но я видел, как делают СЛР в кино. И помнил: если сердце остановилось, есть всего восемь минут, чтобы провести реанимацию. В этот период вероятность вернуть человека к жизни очень высока. Однако, у Толстяка все еще прощупывался слабый пульс и я даже уловил слабое дыхание. Должно быть, у него не остановка сердца, это все симптомы отравления. И я не уверен, поможет ли в этом случае СЛР.

Не надеясь на положительный результат, я все равно, сжав зубы, начал делать непрямой массаж сердца. Через пару минут Толстяк закашлялся, его тело выгнулось и изо рта полилась желтоватая жидкость. После рвоты он глубоко вздохнул, его грудь стала ровно подниматься и опускаться. Но длилось это недолго: после пары глубоких вдохов его глаза снова закатились, а дыхание стало слабым и поверхностным.

Глядя на следы укуса, я подумал, что яд фазаньей шеи очень сильный, но рассчитан абсолютно точно. Толстяк стал овощем, но не умирал. Пока этот яд находится в его крови, делать что-либо бессмысленно. Сняв лишнюю одежду, я набрал немного воды, промыл рану и сделал надрез, чтобы выпустить кровь. Она была черной. Затем продолжил делать массаж сердца, чтобы поддержать в нем жизнь. Но меня не оставлял вопрос: что делать дальше.

Дважды нажав на его грудь, я услышал позади странный мрачный звук, доносившийся из кучи веток.

Занятый спасением Толстяка, я не расслышал ясно, но звук был мне знаком, поэтому я напрягся, резко обернулся, чтобы посмотреть вглубь вырытого мной в куче веток прохода, и направил туда свет фонаря.

На меня с вялым равнодушным выражением смотрели кроваво-красные глаза мертвеца. От этого взгляда мороз пробежал по коже. Но я заметил еще кое-что, от чего волосы встали дыбом. Язык трупа, раньше безжизненно свисавший, сейчас двигался.

Примечания переводчика

(1) СЛР — сердечно-легочная реанимация, по простому искусственное дыхание, сочетающееся с непрямым массажем сердца.

****

ГЛАВА 38. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ЯДОВИТЫЙ ЯЗЫК

****

Я выругался про себя: труп уже начал разлагаться, но все еще был покрыт кровью, большим количеством крови. Неужели цзунцзы?

Но, подумав, я успокоился. Даже если это цзунцзы, у него нет нижней челюсти. Значит, укусить меня он не сможет. Я уже собрался давать отпор, когда обратил внимание на вид болтавшегося языка: на конце его оказалась змеиная голова, большая, размером с кулак. И на этой голове красовался алый гребень. Змея повернула голову в мою сторону, одновременно вытягивая гибкое тело из трупа и заползая на кучу ветвей.

Вход в дренажную шахту, где были мы с Толстяком, находился менее чем в двух метрах от этой кучи. Выбравшись наружу, змея медленно заскользила вниз, переливаясь по сломанным веткам, словно не ползла, а переплывала их. Она была довольно длинной, больше метра, гораздо крупнее той, что убила А Нин.

Эта гадина явно пряталась внутри трупа, и сейчас я сильно испугался.

Проскользнув по веткам, змея добралась до каменной стены и поползла по ней. Стена была неровная, испещренная трещинами, но ни камешка не упало, пока фазанья шея двигалась к нам, словно геккон. У меня не оставалось времени, чтобы убраться с ее пути, и я в отчаянии вылез наружу и нырнул под воду.

Проплыв немного под водой, стараясь не потревожить змею, я вынырнул и оказался метрах в двух от кучи веток. Посмотрев наверх, я увидел, что змея заинтересовалась Толстяком, направилась вниз по каменной стене и достигла входа в шахту. Похоже, она понимала, что Толстяк еще живой, добравшись до него, остановилась и несколько раз качнула головой.

Мое сердце замерло. По идее она не должна была кусать. Толстяк лежал неподвижно и угрозы не представлял, а змеи обычно не нападают, если их не потревожить. Да и количество яда у них ограничено, чтобы так расточительно его расходовать.

Пока я размышлял, змея снова задвигалась и заползла в шахту, где добралась до головы Толстяка и застыла там в странной позе, словно собиралась залезть ему в рот.

Я догадался, что она собирается отложить внутри него яйца. Надо немедленно ее отогнать, но в воде я не мог найти предмет, который можно быть бросить. Пришлось ударить по воде, направив брызги в сторону змеи.

Это было глупое решение. Будь здесь обычная змея, это могло бы ее отпугнуть. Но фазаньи шеи не из пугливых и очень злые. Она сразу развернулась в мою сторону и сжалась, словно готовясь к броску. Пытаясь обнаружить меня, фазанья шея выгнулась, гребень на ее голове встал почти вертикально, и до меня донеслись угрожающие щелкающие звуки.

Однако, я своего добился и отвлек ее от Толстяка, поэтому продолжил брызгать в нее водой. После второго всплеска змея, наконец, заметила меня, мгновенно свернулась кольцом, а потом полетела в мою сторону, словно стрела, пущенная из лука. Вылетев из шахты она упала в воду и, описывая восьмерки, менее чем за секунду оказалась рядом.

Мне все ее действия показались просто вспышкой красного света, я машинально закрылся рукой. Змея налетела и обвила мои плечи. Я чувствовал, как двигается по мне ее толстое тело со скользкой чешуей. В тот момент, когда я увидел ее ядовитые зубы, в голове помутилось, и я ударил змею.

Это был сумасшедший поступок, израсходовавший все мои силы. Правда, змею я отбросил в сторону на несколько метров, но она лишь на мгновение погрузилась в воду, затем вынырнула, развернулась и, оттолкнувшись хвостом от поверхности воды, снова метнулась ко мне, в мгновение ока оказавшись рядом.

Развернувшись назад, я окатил ее брызгами воды, нырнул и проплыл несколько метров прочь, добрался до кучи веток и спрятался под ней.

Я держался под водой до тех пор, пока хватало воздуха, затем высунул голову и, задыхаясь, огляделся. Изо всех сил я старался выровнять дыхание и надеялся, что смог обмануть змею.

В глубине души я был уверен, что все змеи — животные, которые не могут мыслить, как люди. И простые обманные трюки вполне могут сработать.

Змеи нигде не было видно: ни тени под водой, ни скользящего движения снаружи. Казалось, она не гналась за мной.

Вздохнув с облегчением, я подумал, что обмануть змею оказалось просто. Не разжимая губ, я усмехнулся. И тут позади меня кто-то захихикал.

От неожиданности я замер, чувствуя, как холодеет все тело. Осторожно оглянувшись, я увидел кроваво-красный гребень, раскачивающийся прямо у меня за спиной на уровне моей головы. Желтые змеиные глаза со злобной снисходительностью смотрели на меня.

Дыхание перехватило от страха, я хотел снова нырнуть под воду, но услышал, как раскачивающаяся рядом фазанья шея слабо шепчет: "Молодой третий господин?"

****

ГЛАВА 39. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ГОЛОС ЗМЕИ

****

Услышав, что это говорит змея, я окаменел, не в силах справиться с пугающим удивлением, не веря своим ушам, и застыл, глядя на нее, словно завороженный.

Как такое может быть?

Я уже осознал, что фазаньи шеи — необычные змеи. Но, какими бы умными не были, они не могут разговаривать. Однако, я четко слышал слова, это был именно человеческий голос, я не мог ошибаться.

Снова в голову пришла мысль, что это слуховая галлюцинация. Ведь это просто невозможно. Очевидно, мои нервы уже не выдерживали. Я в замешательстве сжал зубы, собираясь медленно и осторожно уйти под воду.

Змея снисходительно смотрела на меня, наблюдая, как я погружаюсь, и вдруг резко повернула голову вбок, став похожей на человека, который смотрит не в упор, а искоса. Затем она наклонилась и зависла надо мной, ее гребень задрожал, и снова раздался голос: "Молодой третий господин?"

В этот раз слова звучали предельно четко, да и поза змеи напоминала человеческую. Я похолодел, не осмеливаясь пошевелиться: твою ж мать, неужели я столкнулся не с животным, а с демоном. Эта змея на самом деле говорит со мной!

Я был совершенно сбит с толку, мысли метались в голове с бешеной скоростью. Это змеиный бог? Где эта змеюка человеческий язык выучила? Может, она еще и аспирантуру закончила? А может быть, эти гребанные фазаньи шеи на самом деле не змеи, а люди в телах змей? Или змеи с разумом человека?

И тут я вспомнил, что нахожусь на территории царства Сиванму. В древности эту страну считали волшебной... значит, змеи здесь вполне могли говорить.

Змея смотрела на меня со странным выражением, словно ее заинтересовало, как изменилось мое лицо. Она повернула голову в другую сторону, тряхнула гребнем и снова сказала: "Молодой третий господин?"

Теперь слова звучали так четко, что можно было различить особенности произношения. И теперь я понял, что не так. Почему эта змея говорит с акцентом диалекта Чанша?

Неужели эта фазанья шея родом оттуда, и приползла на запад, чтобы помочь строить дворец Сиванму?

В эту минуту у меня мелькнула дурацкая идея спросить змею: "Ты принимаешь сигналы спутникового телевидения Хунани?" Затем меня озарило, мурашки пробежали по телу, и я понял, что же происходит.

Если эта змея действительно обладает необычайно высоким интеллектом, то она должна говорить на древнем западном диалекте. Но эта гадюка разговаривает со мной на пунтухуа(1), да еще с чаншаским акцентом. Это слишком необычно. Современный северо-китайский язык возник всего пятьдесят лет назад, окончательно сформировался примерно в 80-х годах, а диалектный вариант с акцентом Чанша используют обычно люди, родившиеся не ранее 70-х годов. В любом случае это современный язык. Даже если фазанья шея обладает сверхразумом, она не может знать язык будущего.

Тогда есть только один вариант: змея не разговаривает, она подражает голосу человека. Как попугай, который слышит и повторяет слова!

Я сразу же успокоился: научное обоснование подействовало на меня, как транквилизатор. Теперь я понял, почему те голоса, что преследовали меня всю дорогу, повторяли одну и ту же фразу с вопросительной интонацией, но никогда не отвечали мне, словно не слышали мои ответы. Пунтухуа с чаншаским акцентом — это говор Паньцзы, именно он всегда называет меня "молодой третий господин". Он так часто обращался ко мне, что змея, преследовавшая нас, вероятно, выучила, как попугай, эти три слова.

Однако, попугай сам по себе не станет говорить, его надо целенаправленно учить. Странно, что эта змея стала учиться самостоятельно. Очевидно, не ради прикола. У нее должна быть причина, чтобы подражать человеческому голосу.

Подумав об этом, я вспомнил, что гремучие змеи имитируют звук воды, чтобы привлечь потенциальную жертву, и покрылся холодным потом. Фазаньи шеи подражают человеческому голосу с той же целью?

Осознав это, я стал ругать себя последними словами. Надо же быть таким дураком, меня, образованного человека, обвела вокруг пальца какая-то змеюка! Я чувствовал себя, словно простак, которого ограбили в толпе на рынке, а потом еще и осмеяли прилюдно.

Змея внимательно посмотрела на меня. Треугольная кроваво-красная голова была на расстоянии короткого броска от моего носа. Я чувствовал рыбный запах, исходящий от ее

чешуи. Мысли продолжали роиться в моей голове, но надо было прекращать эту мыслительную деятельность. Все-таки передо мной ядовитая змея, готовая к нападению.

Я медленно откинулся назад, стараясь оказаться как можно дальше и уйти с линии атаки, а затем попытался нырнуть в воду.

Однако, стоило мне чуть сдвинуться, как фазанья шея метнулась вперед, оказалась прямо перед моим лицом, пристально глядя мне в глаза. Казалось, она прочитывает наперед все мои намерения. Я несколько раз пытался отступить, но каждый раз она снова оказывалась рядом, однако, не нападала. Ее чуть опущенная голова не позволяла мне расслабиться, и я прекратил все попытки отодвинуться.

Это было странно. Казалось, что она пытается контролировать мое поведение. Но ведь это всего лишь рептилия, все ее поступки должны быть обусловлены условными рефлексами. Однако, она не нападает. Что ей надо?

Я был совершенно неподвижен, когда почувствовал, как что-то коснулось моей лодыжки под водой. Как будто кто-то поднялся со дна и дотянулся до меня.

****

ГЛАВА 40. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: СПАСЕНИЕ

****

Я не осмеливался опустить голову, но вскоре вокруг меня в воде появились пузыри. Опустив глаза, я заметил под водой светлый силуэт, похожий на человеческий.

Он был почти у моих ног и, казалось, беспорядочно двигался. Я не мог понять, кто это, живой человек или призрак. Понаблюдав за движениями, я пришел к выводу, что, скорее всего, это человек.

Но кто?

Толстяк не мог так быстро прийти в себя. Паньцзы все еще в храме. Но даже если это кто-то из них, то почему такой светлый?

В тот момент у меня не было другого выбора, кроме как наблюдать за змеей, чтобы не

пропустить неожиданной атаки.

Рядом со мной всплыл и лопнул большой пузырь, наверно, этот человек ухватился за ветку из нижней части кучи, покрытой водой. Вся куча задрожала, вода вокруг покрылась рябью.

Змея насторожилась, завертела головой. Очевидно, она не могла понять, почему вокруг все пришло в движение. Однако, ничего не увидев, она подняла голову, и ее гребень угрожающе затрещал.

Я увидел, что окраска змеи стала ярче, а тело заметно напряглось. Она была готова к атаке в любой момент. Не понятно только, эти звуки — угроза, предупреждение или она так зовет сородичей.

И тут я почувствовал, как меня схватили за лодыжку. От неожиданности у меня свело ногу и заныли зубы. Затем, я понял: человек внизу не просто поглаживал мою голень, он выводил пальцем иероглифы.

Мы часто так играли в детстве. Поняв это, я прислушался к своим ощущением и распознал слова "будь готов". Я не уверен в первом иероглифе, но второй был точно "готов". Я постарался расслабиться, понимая, что мне советуют набрать воздух, и чуть двинул ногой, давая знать, что все понял. Я был спокоен, хоть и не понимал до конца, что сейчас произойдет.

Змея не знала, что творится под водой и продолжала трещать. Но, не заметив изменения в моем поведении, потихоньку успокоилась. А я увидел, как со дна поднимается светлая тень. Я даже не смог осознать, что произошло: вода вокруг меня словно взорвалась, оттуда появился человек в светлой одежде и схватил фазанью шею за голову так быстро, словно двигался со скоростью звука.

Я пытался схватить этого человека, но поскользнулся и упал в воду, потому не видел, что произошло дальше. Да и не хотел видеть. Вынырнув, я поплыл к центру, лишь сделав три или четыре взмаха руками, решился оглянуться.

Там, где я только что был, все скрывали брызги воды. Очевидно, с этой змее нелегко было справиться. Я замер, не зная, плыть ли мне дальше, остановиться и смотреть или же помочь. Пока я колебался, среди беспорядочных брызг мелькнула красная лента: змея обогнула кучу веток, свернулась там в клубок, продолжая издавать сердитое трещание.

Человек в светлом крикнул мне: "Поторопись, она зовет других на помощь. Уходи, пока не стало поздно!" И он нырнул под воду.

Еще до того, как он заговорил со мной, из окружающих шахт в каменных стенах показалось бесчисленное множество фазаньих шей, и все они издавали знакомый треск. Казалось, что вокруг хихикает большое количество людей.

В панике я бросился следом за моим спасителем. Но проплыв немного вперед, вспомнил о Толстяке, его же нельзя оставлять. Обернувшись, я его не увидел: Толстяка возле входа в шахту не было.

Это было ужасно. Вокруг темно, и в этой темноте жуткий треск раздается все ближе и ближе. Вздохнув с отчаянием, я бросился догонять своего спасителя.

Этот человек плыл очень быстро, вскоре выбрался из воды возле входа в другую пересохшую шахту и исчез в темноте. Я был взволнован, гадая, кто он: друг, который пришел спасти меня, или же враг, решивший поиграть со мной. Но особого выбора не было: я отправился следом. Понятия не имею, куда ведет эта шахта, но меня подгоняли булькающие звуки и змеиный треск за спиной, я поторопился выбраться из воды.

Оказавшись на сухом месте, я заметался в растерянности, поняв, что не могу дотянуться до входа в шахту. Меня душили слезы, несколько раз я крикнул, прося о помощи. Затем пытался подпрыгнуть и уцепиться за камень, но не достал, лишь поскользнулся и чуть снова в воду не свалился. А булькающие звуки и треск становились все ближе, окружая меня. Подпрыгнув в очередной раз, я больно приложился головой о толстую ветку, торчавшую из щели в стене. Я был в отчаянии, когда внезапно меня крепко схватили за руку и потянули наверх.

Оказавшись в шахте, я увидел перед собой человека в противогазе, позади него шестнадцать мужчин, семеро из которых держали в руках яркие фонари. Я уже собирался попросить их представиться, когда вытащивший меня снял противогаз, и я увидел знакомое лицо.

"Третий дядя!" — закричал я, и сразу же искры посыпались из глаз от пощечины, которую он мне влепил. Затем кто-то протянул мне противогаз, но, заметив, что я не реагирую, сам надел его на меня.

Меня поставили на ноги. Краем глаза я заметил, что дядя снова в противогазе. Потом кто-то достал дымовую шашку и бросил ее в воду.

****

ГЛАВА 41. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: ВХОД

****

Третий дядя ударил меня, но в его глазах не было злости. Однако, я не решался пока разговаривать с ним, мне пришлось подчиниться. Его люди вели меня вглубь дренажной шахты, мы миновали несколько поворотов, а когда добрались до развилки, меня отпустили. Я оказался в такой же дренажной пересохшей шахте, только она была шире той, по которой мы только что шли, но сильно разрушенная, вся усеянная крупными валунами, сквозь которые проросли корни. Глядя на них, я подумал, что наверху, вероятно, произошло сильное обрушение. Возле одного из самых крупных валунов я увидел несколько человек, ожидавших нас.

Подойдя, я обнаружил Толстяка, лежащего на земле и укутанного, все еще без сознания. Кто-то делал ему укол. Мне стало легче. Да благословят его боги, но этот человек в светлой одежде, кажется, спас и меня, и Толстяка. Он невероятно крут.

Оглядевшись, я приметил его, сидящего на соседнем камне, опирающегося на выступающие корни. Его лицо скрывал противогаз. В воде мне его одежда казалась белоснежной, но теперь я заметил желтоватый оттенок. Присмотревшись, я понял, что это водолазный костюм незнакомой мне, наверно, очень старой модели.

Остальные тоже были в гидрокостюмах, но вполне современных. Как всегда, третий дядя хорошо подготовился, в таких условиях снаряжение и одежда дайверов очень полезны.

Мой спаситель не обращал на меня никакого внимания, а я, не видя его лица, терялся в догадках. Но ведь он, можно сказать, мой благодетель, я просто обязан отблагодарить его. Подойдя, я собирался сказать слова благодарности, он обернулся ко мне... Через окуляры противогаза я увидел знакомые черные очки.

Я был так удивлен, что чуть не забыл, как дышать.

А он внимательно посмотрел на меня и, словно смеясь, кивнул.

Я склонил голову в ответ и собирался пробормотать свое "спасибо", но к нам подошел третий дядя, и мое внимание переключилось на него. Они присел передо мной на корточки, вздохнул тяжело и спросил: "Сынок... твою мать... Ну почему ты такой непослушный?"

Я немного смутился, не ожидая таких слов, и не знал, что ответить. Несколько раз порывался начать объяснения, но третий дядя жестом остановил меня, сказав, что не винит ни в чем. Затем тихо, на диалекте Чанша спросил: "Не надо лишних разговоров. Позволь спросить тебя, где Паньцзы и младший брат?"

Я сразу же рассказал обо всем, что с нами произошло. Выслушав мой рассказ, третий дядя удивленно воскликнул: "Не ожидал, что Толстяк окажется таким умным. Но в этот раз ему тоже не повезло."

"А в чем же дело?" Зря я спросил: мне стало не по себе, когда я выслушал пояснения третьего дяди.

"Здешние змеи не только очень агрессивные. Они могут запоминать и воспроизводить человеческую речь. Вместо речевого аппарата используют свой гребень. Имитируя наши голоса, они стараются привлечь нас поближе. Я и сам чуть не попался в эту ловушку." Один из его людей поддакнул: "В таком странном месте услышать такое... я до сих пор не могу поверить."

Я посмотрел на Толстяка и спросил третьего дядю: "Как он? Все будет в порядке?"

"Ему уже дали лекарства, дальше все зависит от его судьбы." Затем он посмотрел на часы и приказал: "Скорее снимай одежду."

"Раздеваться? Зачем?" Я даже спросить не успел, как с меня начали стаскивать куртку, затем прижали лицом к стене. Когда моя спина обнажилась, я услышал тихий шепот: "Черт побери, и правда!" Не знаю, кто это сказал.

Я замер в страхе, покрываясь холодным потом. Что это значит? Что у меня на спине? Я пытался обернуться, чтобы посмотреть через плечо, но меня удержали.

"Не двигайся! Ни в коем случае не двигайся! — тихо сказал третий дядя. — Просто стой вот так!"

У меня мурашки побежали по коже, но кроме них я ничего не ощущал. Я осторожно ощупал спину там, куда смог дотянуться, но ничего не нашел. Лишь легкий странный запах, ощутив который, я почувствовал себя очень неуютно.

"Что у меня на спине? — спросил я, хотя совсем не хотел услышать ответ. Я спросил просто потому, что молчать было невыносимо. Сзади раздался шепот третьего дяди: "Ради предков, не будь таким любопытным. Не сейчас. Ты все узнаешь позже." Я прислушался к тишине за моей спиной и услышал тихий щелчок зажигалки.

"Да что случилось-то?" — заметались в моей голове беспокойные мысли. Они меня собрались сжечь во славу Родине?

И, словно подтверждая мои мысли, жар обдал мне спину. Я даже подготовиться не успел, но почувствовал, словно по спине что-то ползет, а затем раздались жуткие звуки, прямо с моей спины, от чего мне стало до одури страшно. Это было похоже на отчаянный детский крик.

Я даже не успел задуматься, что случилось. Третий дядя был безжалостен. Я почувствовал, как спину несколько раз обожгло огнем. От боли я чуть не подскочил, одновременно слабый крик стал громче и отчаяннее, а то, что ползало у меня по спине, скользнуло вниз. Было такое ощущение, что с моей спины свалилась небольшая куча сплетенных лиан.

"Вставай! Отойди в сторону!" Не знаю, кто это приказал, но я послушался, хотя сразу встать не получилось, ноги были словно ватные. Когда я, пошатываясь, отошел и обернулся, то увидел несколько тонких белых штуковин толщиной с карандаш, все еще цеплявшихся за мои лодыжки. Меня передернуло от омерзения, и я отбросил их. Отлетев в сторону, эти белые штуки зашевелились, и я ясно разглядел острые зубы: твари пытались укусить меня за икру.

В тот же миг кто-то сбоку выстрелил. Пуля попала в валун, отколов от него кусок и рассыпая вокруг искры. В мгновение ока упавший осколок камня превратил змеиные головы в сплошное месиво.

Отступив назад, я вытер холодный пот с лица и смог получше рассмотреть останки: это были змеи, белые, похожие на кишки. Голов уже не было, но длинные тела продолжали извиваться. У меня было такое чувство, что на спине осталась слизь от этих тварей, и меня вырвало. Я сел на землю, пытаясь прийти в себя.

Третий дядя разрезал каждую из змей на две части и только после этого вздохнул с облегчением, протягивая мне одежду: "Вытрись и одевайся. Только не забудь как следует застегнуть манжеты и заправь брюки в ботинки."

"Это... это... что это такое?" Я все еще испуганно ощупывал свою спину. Змеи, что лежали теперь без движения, оказались маленькими фазаньими шеями, только не красными, а белыми. И размером намного меньше.

"Недавно вылупившиеся змееныши, — объяснил мне кто-то. — Видишь, кожа совсем тонкая и нежная. Ты недавно находился в воде, где лежали тела мертвецов. Там, в грязи и прятались эти змееныши. Как только они прокусывают кожу, человек чувствует небольшую боль, слабый яд вызывает онемение, и понять, что змея забирается под кожу, невозможно. Там, внутри, она будет питаться кровью и расти. Когда змееныши окрепнут, то станут ядовитыми и отравят своего хозяина еще до того, как выберутся наружу. К тому времени человек уже умрет,

обескровленный, а из него выберется взрослая красная фазанья шея."

Я смотрел на змей с первобытным страхом и не мог поверить, что не чувствовал их, когда они забирались мне под кожу.

Это просто омерзительно, и у меня в голове не умещалось, как можно такое не заметить. Хоть какой-то дискомфорт или ощущения должны быть.

При мысли об этом я вспомнил, как мельком ощутил тогда, в болоте, словно кто-то легонько укусил меня за лодыжку. Может быть, это и был тот момент, когда змееныши добрались до меня? Думая об этом, я снова дотронулся до своей спины, кожа была покрыта слизью, и это было отвратительно.

Пока я одевался, пришли еще люди со стороны входа в шахту. Увидев вопросительный взгляд моего дяди, они покачали головами: "Третий господин, мы не нашли вход. Что будем делать?"

Саньсин встал и, подумав немного, со вздохом ответил: "Если другого пути нет, мы не можем больше здесь оставаться. Сейчас уходим, вернемся завтра." И сердито глядя на меня, продолжил: "И младших отсюда надо вывести."

Мужчина кивнул в ответ и свистнул окружающим, все они встали и надели рюкзаки.

Мне также помогли подняться. Третий дядя, заметив, что мне не терпится поговорить, сказал: "Если есть вопросы, обсудим их в другом месте. Здесь слишком опасно. Ты же понимаешь, что разговаривать в шахте нельзя?"

Я знал, что его опасения не напрасны, и кивнул, показывая, что все понимаю. Мы немедленно отправились в путь, углубившись в темную шахту.

Всю дорогу я не мог понять, куда иду. Вокруг было совсем темно. Время от времени я слышал звук, похожий на шорох змеиной чешуи из развилок и проходов, иногда этот звук раздавался очень близко. Очевидно, это место облюбовали фазаньи шеи и их тут было много.

Я немного нервничал, но рядом были люди. Каждый раз, когда раздавался подозрительный звук, кто-нибудь меня предупреждал, указывая направление, откуда он звучал. Это немного успокаивало. В окружении живых людей я чувствовал себя в большей безопасности, чем

раньше.

Не знаю, сколько времени мы шли. По пути миновали два колодца с водой. Думаю, прошло не менее часа. Вдруг я услышал тихий звук, который доносился из колодца. Он был очень знакомым и постепенно нарастал. Я хотел сообщить об этом, но вспомнил, что нельзя шуметь. Остальные не только прекратили все разговоры, но даже откашляться или чихнуть не смели. И я промолчал.

По мере того, как мы углублялись в шахту, вокруг становилось холоднее. Пройдя еще некоторое расстояние, мы стали замечать следы разрушения: засохший мох, переплетения лиан и корней. Видимо, наверху росло дерево, корни которого проросли сквозь камень, ища воду. Я был уверен, что эта шахта находится недалеко от поверхности земли. Возможно, если пробить дыру в потолке, то можно будет увидеть солнце.

Перелезая через корни, выступающие из каменных стен, я заметил на некоторых из них сгнившую дочерна змеиную кожу. Теперь я был уверен, что основное место обитания фазаньих шей именно здесь, но мне даже думать об этом было страшно. Такой древний и величественный город, его можно сравнить только с Древним Римом, а сейчас тут обычное змеиное гнездо.

Однако, я помнил, что эти змеи — биологическое оружие, равного которому не было в западных странах того времени. Не могу понять, как с такой биотехнологией царство Сиванму не захватило соседние государства. Может быть, враги нашли способ справляться со змеями?

Мы долго брели по узким коридорам, к тому времени, когда добрались до места назначения, у меня уже кружилась голова. Наконец я заметил слабый свет впереди, который постепенно становился все ярче. Мы вышли к большому бассейну, окруженному шестью или семью большими ступенями, больше похожими на каменные террасы, от который вверх поднимались каменные столбы. Это подземное сооружение чем-то напоминало древние римские бани. Спустившись вниз, я обнаружил, что стены тут выложены крупными каменными плитами, и в них устроено большое количество глубоких гротов. Это место было огромным: большая каменная пещера, где каменные террасы и столбы образовывали подобие коридора, соединяющего гроты.

Мне подумалось, что это мог быть храмовой зал для исполнения религиозных обрядов. В любом случае это не просто резервуар для воды, здесь все слишком хорошо отделано.

Свет, который я видел, горел в одном из гротов. Поднявшись на террасу, мы прошли по коридору между гротами и вошли в просторное помещение, размером шестьдесят или семьдесят квадратных метров.

Войдя, я увидел палатки, спальные мешки и оборудование, разложенные в полном беспорядке. В центре горел костер, рядом с которым дежурили два человека. Когда мы вошли, они так и остались сидеть спиной к нам, словно не заметили нашего возвращения.

Люди третьего дяди были измотаны и едва стояли на ногах.

Человек, поддерживавший меня всю дорогу, оставил меня, и я неловко запрыгал на одной ноге, пытаясь удержать равновесие. Он тоже очень устал и, потирая плечи, толкнул следивших за огнем, сказав: "Могли бы встать и уступить место третьему господину. Чего сидите молча, как пни стоеросовые."

Я хотел ему сказать, что он груб, когда двое сидевших у костра вдруг упали на спину всего лишь от легкого пинка. От увиденного у меня дыхание перехватило: кожа их была черной, черты лиц искажены. Очевидно было, что они мертвы.

****

ГЛАВА 42. ТРЕТЬЯ НОЧЬ: УБЕЖИЩЕ

****

После долгого пути в темноте вымотало меня, а теперь еще это. В состоянии шока я лишь смог инстинктивно отступить, едва держать на подгибающихся ногах и стараясь не упасть в обморок.

Все присутствующие заметили мое состояние, но неожиданно для себя я услышал их громкий смех. Кто-то поднял упавшие тела, и я увидел, что это не люди, а манекены, одетые в гидрокостюмы. Не знаю, что было внутри, но мне достаточно было увидеть поближе головы: два надутых черных полиэтиленовых пакета, губы из двух пластинок жевательной резинки, а вместо глаз два плоских округлых камешка. Но через окуляры противогаза все выглядит немного размытым, да еще я весь такой издерганный недавними событиями. Вот, не приглядевшись, и решил, что трупы настоящие.

Теперь пришло время смеяться и мне. Манекен отнесли ко входу. А я спросил человека, который поднял его, для чего весь этот маскарад?

"Пугало для змей, — ответил он. — Змеи здесь чертовски умные и прыткие. Стоит месту опустеть, обязательно вылезут. Поэтому мы до сих пор не осмеливаемся оставлять в лагере мало людей. Но, кажется, змеи не умеют отличать манекен от настоящего человека. Когда мы в лагере, то оставляем манекены у входа, чтобы можно было спокойно спать по ночам."

Я обратил внимание на нарочито довольную интонацию говорившего: очевидно, что змеи его сильно потрепали. Затем кто-то вынул дымовую шашку и бросил в костер. Густой дым быстро заполнил помещение, и люди стали отмахиваться от него, побросав рюкзаки на землю.

"Это серная шашка. Змеи не любят серу, мы используем этот дым для защиты от них," — продолжил объяснять мужчина.

Он прикрыл костер ветками, дым стал стелиться по земле. Теперь уставшая команда могла, наконец, сесть.

Кто-то соорудил еще несколько примитивных манекенов, на которые надели запасную одежду и усадили их возле прохода.

После этого атмосфера стала менее напряженной. Черный Слепой подбросил дров в огонь, а оставшиеся поделил на равные кучи. В помещении стало светлее, отблески пламени окрасили стены в красноватый цвет. Люди сняли противогазы. Кто-то заметил, что я все еще обеспокоен и не решаюсь этого сделать. Мне объяснили, что опасаться уже нечего: змеи тут, конечно, странные, но, как и все животные, стараются не приближаться к огню. Кроме того, по возвращении помещение уже проверили, змей тут нет. Так что все в порядке.

В любом случае особого выбора у меня не было. Я в противогазе уже несколько часов, лицо вспотело так, что, казалось, кожа сейчас расплавится и потечет. Ощутив на щеках прикосновения прохладного воздуха, я наслаждался тем, что мог видеть окружающую действительность четкой, не размытой стеклами окуляров, и с интересом разглядывал лица людей третьего дяди.

Теперь я понял, что Паньцзы был прав: за исключением двух-трех знакомых, больше никого я не знал, все они были новыми людьми. Похоже, третий дядя действительно растерял многих своих старых приятелей.

Мы поприветствовали друг друга. Человек, который сейчас давал мне объяснения, сказал, что его зовут Шваброй(1), и он руководит командой, которая отправилась ворошить песок с третьим дядей.

Что-то в его голосе мне не нравилось, но что именно, понять не мог.

Черный Слепой по-прежнему выглядел расслабленным и довольным. Он весело посмотрел на меня, достал еду и начал есть. Многие, сняв обувь, протянули босые ноги поближе к костру, в

помещении распространился довольно неприятный запах. И я подумал, что они зря с манекенами возятся: достаточно просто разуться — и никакая змея не сможет вынести подобный аромат.

В задумчивости я не заметил, как ко мне подсел третий дядя и протянул мне еду. Мы посмотрели друг на друга и грустно улыбнулись. "Что ржешь? — спросил он. — Хоть ты и мой племянник, сейчас я готов убить тебя."

Спорить с ним у меня желания не было. Я лишь обратил внимание, что сейчас он выглядит гораздо лучше, чем в больнице. Казалось, что он сбросил пару лет и вернулся в свое беспокойное прошлое. Я лишь ответил: "Хочешь — убивай. Но я тогда стану призраком и все равно последую за тобой. Третий дядя, хватит тайн. Я твой племянник, и кому, как не тебе знать, что я не могу просто так отступить. Если не хочешь проблем со мной, то просто забудь обо мне, ладно?"

Третий дядя знал меня, как облупленного, и понимал, что я буду делать дальше. Он закурил, вздохнул и грустно улыбнулся: "Ну да, кому, как не твоему третьему дяде знать, какой ты: точная копия твоего добродетельного отца. Внешне мягкий и добросердечный, но в душе ужасно упрямый. Я тебе ничего не скажу. Но как бы то ни было, ты уже здесь, а я не могу вернуться назад."

Я радостно улыбнулся, а затем спросил его: "Кстати, что с тобой случилось? Почему ты подошел за нами? Паньцзы говорил, что ты будешь ждать сигнала снаружи?"

"Не мог дождаться. Твой третий дядя знает, что Вэньцзинь ждет его здесь, а времени так мало. Как я мог так долго ждать вашего сигнала?" Черный Слепой, сидевший рядом, рассмеялся и хлопнул третьего дядю по плечу: "Молодой третий господин, твой старик слишком давно влюблен. Тебе не понять, а я видел, как он пел в караоке в Чанша!"

Третий дядя сбросил его руку, косо взглянув, и объяснил: "Мне старуха сказала, что Вэньцзинь ждет нас. Я понял, что это мой последний шанс в этой жизни увидеть ее. Я не могу его упустить, иначе все, что я делал — просто пустая трата моего времени. Я не могу так рисковать. Если честно, то мне только и надо, что увидеть Вэньцзинь — и тогда можно спокойно умирать."

Я резко выдохнул от удивления: "Подожди, какая старуха сказала?" Спрашивая, я уже догадался, что он говорит о Чжоме. От волнения у меня закружилась голова: "Не может быть! Так она и тебе отправила сообщение?"

Глядя на мое удивленное лицо, Черный Слепой ехидно хихикал, а я не мог понять, над чем он

смеется. Третий дядя кивнул и рассказал мне о том, как он и Слепой встретились.

Оказалось, что третий дядя с его людьми шел следом быстрее, чем мы думали. Паньцзы добрался до лагеря часов через десять после того, как мы ушли в город Дьявола. Тогда третий дядя расспросил о положении дел и считал, что все идет нормально. Вечером того же дня госпожа Чжома нашла его и передала послание Вэньцзинь, точно такое же, как и нам с Молчуном.

Но третий дядя не такой наивный, как мы. Он выведал у госпожи Чжомы более подробную информацию. Это было нелегко, ведь она умела хранить тайны. Но играть в подобные игры с третьем дядей сложно, он совсем не такой добродушный человек, как мы. Услышав, что Вэньцзинь жива, он совсем голову потерял, стал доставать расспросами Чжаси, и невестку Чжомы. Как именно он их расспрашивал, не сказал, но подозреваю, что в ход шли даже угрозы.

Наши способы добывать информацию сильно отличаются. Я бы никогда так не сделал. Но, хотя мне и противны методы третьего дяди, они довольно эффективны. Госпожа Чжома в итоге рассказала ему гораздо больше, в том числе и о том, что мы с Молчуном тоже получили послание.

"Она рассказала, что встретила Вэньцзинь в Голмуде спустя месяц после того, как они расстались с экспедицией. Ей тогда показалось, что Вэньцзинь сильно изменилась: выглядела изможденной, но главное — скрывалась от кого-то. Чжома предоставила ей ночлег у себя на одну ночь. Именно тогда Вэньцзинь и передала ей видеокассеты, попросив сберечь их, — здесь третий дядя сделал паузу. — Потом они не встречались около десяти лет. А месяц назад Чжома получила письмо от Вэньцзинь, в котором та просила отправить видеокассеты по указанным адресам. А если получатели видеокассет придут с расспросами, Чжома должна будет передать устное сообщение."

Зная, что Вэньцзинь побывала в Тамуто, третий дядя словно помешался и решил отправиться туда же. А мы двигались слишком медленно: то машины ломались, то жуки нападали. Поэтому он и опередил нас, но спустился через другой каньон.

Они углубились в джунгли ближе к ночи и разбили лагерь возле разрушенного храма. В ту же ночь третий дядя, взяв с собой несколько человек, отправился на поиски Вэньцзинь, а когда вернулся, то не нашел остальных. Утром он увидел наш дымовой сигнал и тут же зажег красный дым, чтобы предупредить и не дать нам приблизиться к опасному месту. А сам попытался решить проблему со змеями. Они пошли на звуки, которые считали голосами пропавших людей. Но им повезло увидеть, как змеи подражают человеческому голосу, раньше, чем те напали.

Остальное я уже знаю, потому дальше я слушал вполуха.

Меня поразило самое начало. Еще когда я читал первую страницу дневника Вэньцзинь, то вспомнил о третьем дяде. Я чувствовал, что он с этим тоже как-то связан. Так и вышло, но я никак не мог перестать удивляться подобным совпадениям.

Получается, госпожа Чжома не так уж много знала. По чистой случайности на нее вышли люди А Нин и наняли в качестве проводника. Иначе бы мы получили сообщение у нее дома, а не в экспедиции.

Теперь для меня многое стало более понятным, словно некоторые кусочки пазла легли правильно: три человека, которых упоминала в своих записях Вэньцзинь, это я, третий дядя и Молчун. Раньше я думал, что одним из адресатов была А Нин, но, оказывается, она получила запись, которая предназначалась Молчуну. В это время он уже сотрудничал с третьим дядей, и они решили отправить запись ей, чтобы именно ее люди отыскали госпожу Чжому и организовали экспедицию.

Для этого была серьезная причина: третий дядя хотел узнать, какие цели преследует Цю Декао. Но в этот раз все пошло наперекосяк, и люди американца вынуждены были отказаться от дальнейшего участия в экспедиции.

Подумав об этом, я вдруг вспомнил еще кое-что: "Третий дядя, раз ты получил сообщение, значит, и видеокассету должен был получить?"

Он посмотрел на меня, бросил окурок в костер и коротко ответил: "Да"

"Ну конечно!" — обиженно подумал я.

"Эту кассету я отправил в Ханчжоу, когда мы были в Цзилине. За время моего отсутствия в магазине все оказалось в беспорядке. И я не нашел ее, когда вернулся, лишь позже, когда стал наводить порядок, обнаружил, — он посмотрел на меня и уточнил. — Я не скрывал это от тебя специально."

Я кивнул, сейчас его словам можно было верить. И в этот момент мне пришла в голову мысль: "Третий дядя, тебе не кажется это странным? Отправить записи тебе или Молчуну имело смысл. Но зачем тетя Вэньцзинь прислала ее мне? Когда вы были влюблены, я еще под стол ходил. Не могу понять, какое отношение вся эта история имеет ко мне?"

Говоря это, я вспомнил жуткую запись на пленке Молчуна: неужели там действительно был я? Или это просто дурацкая шутка?

Третий дядя заметил, как изменилось мое лицо, и вздохнул: "На самом деле у твоей тети Вэньцзинь были причины отправить тебе твою запись."

_____

Примечания переводчика

(1) По-русски прозвище "Швабра"(□□) звучит как-то саркастически. Но в китайском языке оно имеет несколько значений: "грабли" и "буксировочное водило". Если по-русский прозвище "Швабра" подходит в основном человеку худощавому и носит немного негативную эмоциональную окраску, то по-китайски это прозвище вполне подходит начальнику, руководитель, объединяющему группу людей и направляющему.

****

ГЛАВА 43. НОЧЬ ТРЕТЬЯ: ВИДЕОКАССЕТА

****

"Почему? В чем причина?" Тепло костра постепенно прогоняло усталость из моего тела, отголоски боли все еще отзывались где-то в глубине, но не сосредотачивались в какой-то определенной части тела. Однако, меня волновал не физический дискомфорт, я сосредоточенно слушал третьего дядю, сидевшего напротив.

Если лицо в свете костра было мрачным. Он выдохнул клубы сигаретного дыма, прежде чем спросить: "Ты можешь просто поверить мне?"

Он посмотрел на меня, но я не ответил. Очевидно, что верить ему я не мог. Да, я поклялся, в больнице, что мы будем доверять друг другу, и сейчас нарушаю свое обещание. Но ведь третий дядя, как оказалось, всей правды мне не рассказал. И в результате я снова в игре. Кажется, я попал в какой-то замкнутый круг, и теперь уже любые его объяснения не имеют смысла.

Он улыбнулся и охрипшим голосом сказал: "Если я тебе лгу, значит, для этого есть причины. И буду лгать до самого конца. Поэтому, полагаю, даже если сейчас начну что-то объяснять, ты мне все равно не поверишь. Поэтому я не буду тратить свои силы. Подожди, пока мы не найдем ее — и сам обо всем спросишь."

Я вздохнул, чувствуя, как катастрофически быстро увеличивается пропасть между нами, хотя третий дядя сидел совсем рядом. Я ничего не мог с собой поделать и ответил: "Третий дядя, я действительно не хочу так относиться к тебе. Так же, как и ты, я хочу вернуть то доверие, что было между нами. Раньше, если ты говорил "один", я бы никогда не сказал "два". Но теперь я вижу тебя насквозь. Стоит ли нам ссориться? Просто позволь своему племяннику быть рядом."

Третий дядя посмотрел на меня и закурил новую сигарету: "Мой племянник, я в деле в последний раз. Обещаю, что это последний раз, я слишком устал."

Мы двое смотрели друг на друга и горько улыбались, потому что нам нечего было сказать. Я чувствовал себя очень неловко. Не могу даже описать, на что похоже это чувство: словно тугой узел опутал мое сердце, и этот узел не из веревок, а стальной.

Помолчав какое-то время, третий дядя сказал: "На самом деле, я говорил тебе много раз, что это дело, как мутное болото: вода слишком глубокая и хранит множество секретов. Я сам не все знаю. Так что могу понять, что ты чувствуешь."

Слушая его, я обиженно подумал, что снова он мне лапшу на уши вешает. Однозначно ведь знает больше, чем я, так что у нас разное положение. Он в самом центре событий, а я смотрю на все как будто со стороны и даже не могу увидеть дверь, в которую можно войти.

Говорить больше не о чем. Однако, я дошел сюда. Оглядев темное подземелье, я больше не хотел думать о доверии. Я уже пошел следом, и, если он не убьет меня, последую до конца.

Сделав несколько глотков горячего чая, чтобы промочить пересохшее горло, я почувствовал, как начали болеть перетруженные суставы. Растирая их, я сменил тему: "Кстати, третий дядя, что было на видеокассете, которую тебе отправила тетя Вэньцзинь?"

Он встал и сказал мне следовать за ним. Отойдя от костра, вытащил из рюкзака ноутбук, говоря: "Я не могу описать это, ты должен увидеть сам."

Естественно, я очень хотел посмотреть запись, но не думал, что третий дядя сам предложит это. Он включил ноутбук, объясняя, что сохранил запись на жесткий диск.

"Я попросил одного человека конвертировать запись в видеофайл. Это стоило 300 юаней. Много раз я просматривал ее, но так ничего и не понял. Так что слишком не надейся... — сказав это, он кликнул по файлу в папке. — Батарея в ноутбуке почти разрядилась, но на просмотр хватит."

Файл запустился в видеоплеере. Я огляделся и почувствовал себя странно: как-то не вписывается ноутбук в окружающую реальность. Здесь я словно в древнем мире, где не место высоким технологиям.

Третий дядя явно не горел желанием еще раз смотреть запись, потому отошел, оставив меня сидеть с ноутбуком на коленях. Кто-то из его людей как раз в это время позвал его посмотреть, что они нашли. А ко мне подошел Черный Слепой и сел за спиной, кажется, его это видео заинтересовало.

В его присутствии я чувствовал себя неловко, мельком взглянул на него и отвел глаза, встретив равнодушный взгляд.

Я тихо вздохнул, стараясь, чтобы он не заметил моего смятения, сел поудобнее, нажал треугольник плеера и уставился на монитор.

В начале записи был только темный экран, затем из динамиков раздался громкий звук, очень знакомый. Я не сразу узнал, но это был шум воды.

Экран оставался темным, даже намека на изображение не было, но этот грохот воды, сквозь который прорывались еще какие-то звуки, говорил мне, что запись все-таки ведется. Возможно, видеокамеру включили где-то в темноте, неподалеку от текущей воды: бурной реки или водопада. А может быть, просто еще не сняли крышку с объектива.

Шум воды становился все сильнее, похоже, человек с камерой шел в ту сторону.

Спустя примерно пять минут я смог расслышать те звуки, что прорывались сквозь шум воды. Это были шаги и тяжелое дыхание. Ритм шагов был сбивчивый, словно идущие шатались от усталости. Эти звуки то появлялись, то снова пропадали на фоне непрерывного шума.

Я был немного удивлен. На первой пленке, которую я получил в Цзилине, была Хо Лин, которая расчесывала волосы, сидя в подвале секретного санатория в Голмуде.

Вторую пленку принесла А Нин, и на ней был человек, очень похожий на меня, который ползал по холлу этого же санатория.

Я предполагал, что запись на третей кассете тоже сделана там. Но, похоже, эта съемка велась не в помещении.

Мне вспомнились потоки воды, обрушившиеся на нас, когда мы спустились в оазис. Может быть, эта запись сделана здесь, когда команда Вэньцзинь проходила через каньон? Тогда на

этой пленке может быть очень важная информация.

Я продолжил слушать: звук воды становился все сильнее. Похоже, люди с камерой продолжали идти.

Те кассеты, что мне пришлось посмотреть до этого, были очень скучными, поэтому сейчас я был готов к долгому ожиданию. Однако, меня удивил тот факт, что Черный Слепой тоже не проявлял нетерпения, казалось, он даже получает удовольствие от просмотра.

Шум воды стал постепенно затихать и минут через двадцать почти пропал, превратившись в слабый шорох. И почти сразу я услышал, как на записи ахнули несколько человек, а затем снова появился звук, но очень четкий, больше похожий на гудение. Наверно, люди с камерой ушли от воды и теперь, кажется, находятся в некоем замкнутом пространстве.

А затем я, наконец, услышал четкую человеческую речь. Это была женщина, голос которой звучал устало. Она ахнула и произнесла: "Где это? Мы выбрались?"

Ей никто не ответил, раздавалось лишь тяжелое дыхание, иногда были слышны звуки ударов. Экран все это время оставался темным, и это немного давило на психику. Но я не решался перемотать, вдруг пропущу что-то важное. Пришлось собрать всю свою волю в кулак.

После возгласа женщины было слышно, как она кашляет и вздыхает, вроде бы снаряжение положила на землю. Спустя некоторое время заговорил мужчина, обращаясь к кому-то: "Есть закурить?"

Его голос звучал так, словно он находился далеко от видеокамеры, и сливался со звуковым фоном. Если не прислушиваться, даже слов не разобрать. Но меня поразило то, что говорил мужчина с южноминьским акцентом(1).

Ему никто не ответил, и я не понял, закурил ли он. Затем раздался громкий звук, словно что-то металлическое упало на камни, и тот человек, что просил закурить, выругавшись, предупредил: "Будьте осторожны!"

После этого наступила тишина, и лишь шум воды стал снова нарастать, как будто человек с камерой пошел к ней. Однако, вскоре шум снова стих. Мужчина, просивший закурить, спросил: "И куда пойдем теперь?"

Ему снова никто не ответил. Экран по-прежнему оставался черным, лишь индикатор прогресса(2) показывал, что видео воспроизводится.

Я терпеливо смотрел, время тянулось слишком медленно, минута за минутой. Я почувствовал нетерпение и хотел чуть прокрутить запись вперед, но Черный Слепой остановил меня, взяв за руку.

Мне стало интересно, зачем он это сделал. Но тут из динамика послышалась более связная речь. На этот раз говорил человек с сильным северо-западным акцентом. Казалось, что в его голосе звучит удивление: "Слушайте! Этот звук... кажется, эти твари снова здесь!"

Затем я услышал звуки суматохи, сквозь которые прорвался голос мужчины с южноминьским акцентом, который прошептал: "Не шумите! Ни звука!"

Мне казалось, что эти люди очень дисциплинированы, потому что эта фраза была последней — дальше из динамиков доносилась только тишина, словно все голоса растворились на фоне шумевшей на заднем плане воды. А затем я услышал еще что-то: этот звук казался странным, может быть, из-за того, что сливался с шумом, и невозможно было разобрать, что это.

Я чувствовал, как мои нервы словно натянулись до предела, и приблизил ухо к динамику, чтобы не пропустить ничего. Мне казалось, что я это уже где-то слышал.

Звук приближался, и чем сильнее он звучал, тем больше казался мне знакомым. Меня начало трясти, словно мой страх пытался выбраться через поры кожи.

Я вспомнил, что это был за звук.

Боевой рог, который я слышал в подземелье Небесного дворца перед тем, как Молчун ушел за бронзовые врата.

Примечания переводчика

(1) Южноминьский язык (□□) — один из диалектов китайского языка (согласно другой точке

зрения — один из сино-тибетских языков). Распространён в китайской провинции Фуцзянь и на Тайване, во многих странах Юго-Восточной Азии. На нём также говорят во многих чайнатаунах по всему миру. Это один из самых распространённых языков китайской эмиграции стран Юго-Восточной Азии.

(2) Индикатор прогресса — линия в видеоплеере, показывающая количество просмотренной записи.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/51411/3055067